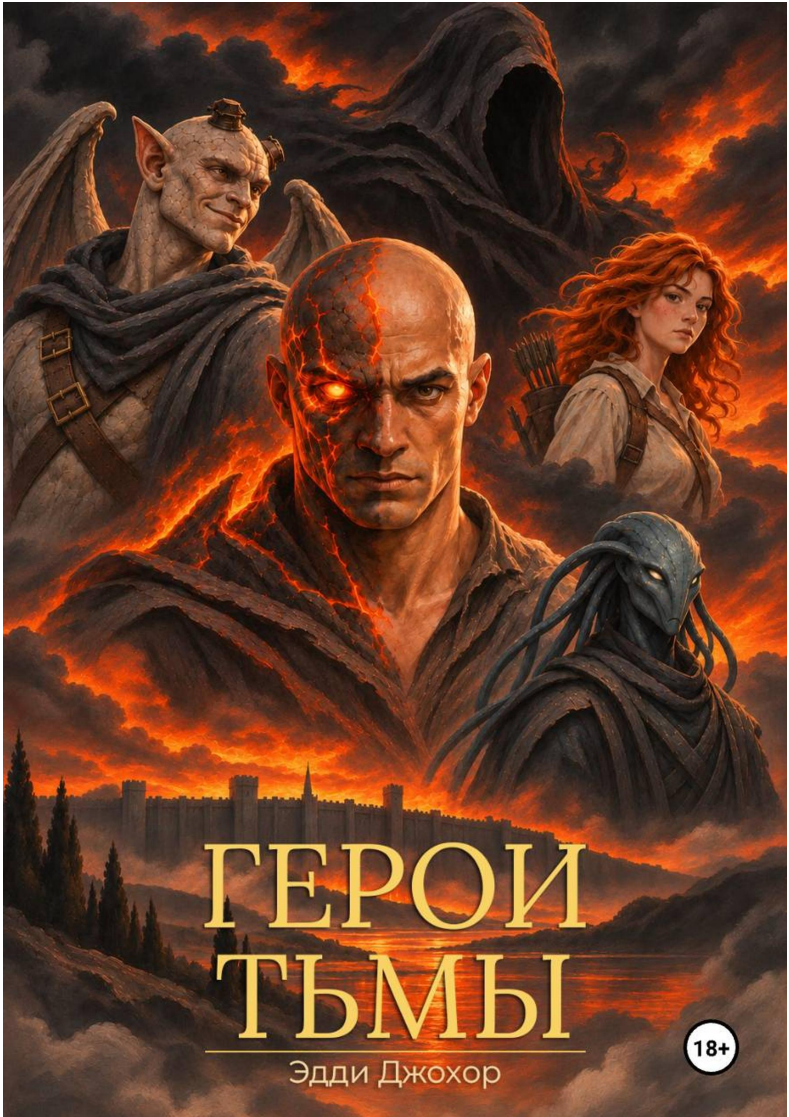

ГЕРОИ
ТЬМЫ
Эдди Джохор
18+

Эдди Джохор
Герои Тьмы

https://litres.ru/74729352
SelfPub; 2026

Аннотация

Фил – не человек. Десятилетиями его знают как Дэтфлейма – живую стихию магмы, испепеляющую зло по всему Аэруму. Устав от вечного жара и бесконечной бойни, Фил решается на ритуал, чтобы обрести человеческий облик. Но всё идёт не по плану: ритуал заканчивается кровью, а за ним начинает следовать таинственная Тень.

Теперь ему предстоит освоиться в мире, который он прежде умел лишь сжигать. В этом ему помогают Грэг – горгулья с острым языком и слабостью к вишнёвым пирогам – и Элна, загадочная незнакомка, пытающаяся понять, что значит быть человеком.

Тем временем Живая Тьма распространяется по Аэруму, превращая живых в безвольных рабов Бездны. Чтобы остановить Живую Тьму, спутникам нужно найти её источник. Филу же предстоит понять, где заканчивается его собственная воля и начинается чужая.

Это первая книга цикла «Герои Тьмы».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	49
Глава 4	99
Глава 5	155
Глава 6	206
Конец ознакомительного фрагмента.	250

Эдди Джохор
Герои Тьмы

Глава 1
Первый вдох

Время – иллюзия последовательности, за которую цепляется разум. Оно необъятно, изрезано на крохотные отрезки, за которыми мы ещё способны уследить, – и это единственное, что нам в нём подвластно. В нём нет «до» и «после»: есть только бесконечный миг настоящего, в котором измеряются судьбы смертных и бессмертных, угасание и рассвет.

Погода тоже от нас не зависит, хотя мы можем чувствовать её влияние на мир и обращать его себе на пользу.

Самый тёмный день приходит именно тогда, когда решает стать таковым. Солнце, дарующее жизнь и наполняющее всё вокруг, может долго держать мир в тепле, а затем за один холодный вечер уступить место мраку. Тот, кто привык к свету и знает его цену, не станет желать ему зла. Потеря света – всегда потеря чего-то большего.

Ночь же умеет решительно забирать своё. Она не оставляет ни единого уголка, накрывая мир чёрным покрывалом.

Какой бы долгой она ни казалась – тревожной или пугающей, – она всё равно когда-нибудь заканчивается. Встречи и расставания, случайности и дела, усталость и переживания размывают границы дня и ночи. Иногда временной цикл пролетает на одном дыхании, а иногда тянется целую вечность.

И эта ночь была иной. Темнее, длиннее и мрачнее, чем когда-либо.

Лунный свет тщетно пытался пробиться сквозь ветви деревьев. В небе висели два спутника – две луны, ведущие игру лишь с одним правилом: достать до земли. Их тонкие лучи тянулись вниз, превращаясь в раздавленные руки с бледными пальцами. Свет истончался в прозрачных ногтях и растворялся в воздухе, снова и снова натыкаясь на преграды.

Густые заросли деревьев, покрытых папоротником, тянулись без ясного начала и конца, жадно ловя редкие лучи. Но сильнее мешали тучи – они нависали над лунами, не давая их свету пробиться.

Царила гробовая тишина. Живность стихла. Звери затаились, боясь выдать себя лишним шорохом. Посреди широкой тропы лежал труп одинокой волчицы. Её густой белый мех выглядел бы ярче, проберись сюда свет. Большая морда с умным, застывшим взглядом; тяжёлые лапы с чёрными гладкими когтями. И всего одна глубокая рана под сердцем.

На её тело уже должны были сбежаться падальщики – в этом лесу их хватало. Здесь действовала быстрая система переработки: бесхозного мяса не бывало. Первыми на запах

крови обычно приходили скрены – мелкие проворные создания с телом примата, вытянутой широкой челюстью и загнутыми внутрь острыми зубами. Их родичей можно встретить по всему свету. Даже встретив более слабого противника, скрены редко нападали первыми. Их удел – доедать то, что оставили другие: свежую плоть, а некоторые разновидности не брезговали и той, что уже начала гнить. Кроме них, в лесу хватало желающих полакомиться мёртвой волчицей. Но на тропе по-прежнему никого не было.

Сильный ветер не давал миру застыть окончательно. Его тихие завывания звучали как мольба о помощи – попытка разорвать тишину.

Топот шагов не нарушал покоя. Он словно существовал наравне с ним – глухой, мерный звук и безответное молчание леса. Незнакомец шёл напролом, твёрдо и решительно. Происходящее вокруг его не интересовало. Он даже не подумал о мёртвой волчице. Искрящиеся глаза смотрели только вперёд – ничто не смогло бы его остановить.

– Жар… боль… мрак, – угрюмо проговорил он.

Вместе с тяжёлым голосом из щелей бронированного шлема вырывался горячий пар, и ветер тут же сносил его прочь.

– Это был не просто сон. Она велела мне прийти к ней. Но кто она? И чего хочет?

Возможно, когда-то он и был человеком. Теперь его тело покрывал плотный однородный слой, образовавший проч-

ную броню. На первый взгляд она напоминала грубый доспех – лишённый изящества, сотворённый небрежной рукой. Но это был не доспех. Броня являлась прямым продолжением кожи и одним своим видом внушала ужас всему живому.

Под ней не было ни плоти, ни крови – только огонь и магма. Кипящая субстанция текла по телу вместо крови. В спокойном состоянии она равномерно распределялась по нему, хотя даже его обычное состояние – без ярости – трудно было назвать спокойным. Жёлто-оранжевая жидкость двигалась плавно, светясь ядовитым внутренним огнём. При любом повреждении огненная кровь устремлялась к ране, в считаные мгновения запечатывая её и восстанавливая ткани.

Из-под шлема тускло проглядывали глаза, пылающие жёлтым пламенем. За незнакомцем тянулся пепельный след. Дэтфлейм ненавидел его не из жалости к тлеющей под ногами траве, а потому, что след выдавал его присутствие. Многие фермеры знали: если поля внезапно вспыхивали, значит, он прошёл где-то рядом.

– Неужели это закончится сегодня?! – прогремел его голос в глухом лесу. – Я забыл, что такое вера. И во что верить, если не знаешь, кто ты? А если не выйдет? Как же это невыносимо… Клянусь, я найду способ убить себя и остановить это безумие.

С тяжёлым хрустом его кулак проломил кору могучего дерева.

– Ни одно войско, даже самое сильное и жестокое, не смог-

ло одолеть меня, – в его голосе прозвучала горечь. – Я пытался остановить это в одиночку. Всё впустую. А ожидание… Как же я ненавижу ждать. Оно хуже вечности! Оно не знает конца!

С этими словами он ускорил шаг.

В народе его прозвали Дэтфлеймом – Мёртвым Огнём. Ему не нравилось это прозвище, и сам он его, разумеется, не выбирал. К сожалению, другого у него попросту не было. Имя, данное при рождении, давно затерялось в памяти, а новое он не желал придумывать – да и с кем им делиться?

Воспоминания о прошлом ушли слишком глубоко, погребённые под травмами и болью. Боль обратилась в жестокость и вытеснила всякое желание копаться в искалеченном разуме. Настоящая жизнь давно свелась к одному: крови врагов, их крикам и стонам.

Пройденный путь нельзя было ни с чем соизмерить. Вся его сознательная жизнь проходила в движении вперёд, без остановок. Она напоминала незаконченную книгу, автор которой давно утратил нить повествования, но продолжал писать об очередном безумном похождении единственного главного героя.

– Сколько нелепых слов я сегодня наговорил… Хочу верить, что не зря. Этот лес должен скоро закончиться. Я не мог ошибиться.

Он замолчал, сглотнул и заговорил громче:

– Ноги не знают усталости, но силы мои на пределе. Путь

через Крылатую Долину вёл в этот поганый лес. Оттуда я всё время шёл на восток. Осталось найти Роковой утёс – дальше с поиском проблем не будет.

Он взмахнул рукой. Огненный хлыст сорвался с ладони. Заросли перед ним вспыхнули и тут же истлели, осыпавшись чёрным прахом.

– Я сожгу здесь всё, если этот утёс не появится прямо сейчас!

Он продвигался дальше, бормоча проклятия. Наконец смолк и последний отрезок пути к утёсу прошёл молча.

Лунный свет всё настойчивее пробивался сквозь редеющий лес, пока не вытеснил тьму. Дэтфлейм вышел на голый участок земли у края высокого скалистого берега. Останавливаться он не стал, хотя в последние годы начал замечать: иногда ему всё же нужна передышка. Не телу – эмоциям. Долгие пути истощали не огненную плоть, а нечто глубже.

Теперь направление не вызывало сомнений – дальше нужно было идти по прямой. К его угрюмому облегчению, Алтарь Измученных Судеб уже маячил впереди. До него оставалось совсем немного.

Волны бились о скалы, а рёв океана заглушал тревожные мысли. Внутренний голос растворялся в гуле воды. Подойдя вплотную к цели, Дэтфлейм отвёл взгляд. В нём мелькнуло сомнение и тут же исчезло. Следом пришёл страх – уже не столь мимолётный. Он заставил Дэтфлейма напрячься и впервые усомниться в собственном выборе. Страх был

ему чужд. Дэтфлейм нахмурился, пытаясь понять, откуда он взялся.

– Нет… это какой-то бред, – подумал он, впервые ощущая нечто новое.

В очередной раз отогнав мысли, он вышел из тени высоких колонн алтаря и шагнул на свет.

Судя по названию, здесь душили, истязали и без счёта убивали несчастных. Но Алтарь Измученных Судеб служил не для этого. Он стоял здесь веками и пережил десятки королей, при которых его истинное предназначение давно забыли. На всём востоке, до самых северных земель, такие алтари возводили не ради боли – напротив, через них спасали изувеченные тела.

Вокруг алтаря полукольцом высились колонны из ослепительно белого камня. Вековая пыль не смогла скрыть их былого величия. Простые по форме, лишённые изящества, они стояли с поразительной точностью и симметрией, на равном расстоянии друг от друга – словно стражи, несущие вечную службу.

В центре лежала широкая цельная каменная плита, врытая в землю. Она была не меньше трёх копий в длину. По её поверхности тянулись вырезанные линии, сходившиеся к идеально выверенному кругу.

Дэтфлейм замер.

В кругу, в самом его центре, стояла обнажённая девушка.

Даже закрытыми её глаза казались необычайно больши-

ми. Тонкий вытянутый нос, узкие скулы, слегка впалые щёки. Изящное тело выглядело почти совершенным, если не считать обожжённых ладоней с ещё свежими ранами. Худощавая и вытянутая, она отличалась от привычного человеческого облика: острые плечи, локти и колени придавали её фигуре неестественную угловатость. Бледная кожа с лёгким голубоватым оттенком казалась незапятнанной грязью этого мира. Белоснежные волосы сияли чистотой, словно снег на вершинах самых высоких гор.

– Как она это сделает… – подумал он, делая первый и самый трудный шаг на каменную плиту. После этого шага внутренний голос смыло порывами ветра.

Морально он был готов, но тело не слушалось. Ноги наливались тяжестью и каменели, внутри бурлил кипящий огненный котёл. Мысли рассыпались, оставив лишь глухие, жалобные толчки в огненных недрах разума. Пути назад не было – он чувствовал, что решение уже принято.

Дэтфлейм подошёл к обнажённой девушке и пересёк границу очерченного круга.

Холод обрушился на него, пронзив тысячами ледяных молний от кончиков пальцев до самого центра, туда, где у человека бьётся сердце. Но вместо сердца у Дэтфлейма было ядро – сгусток жара, не менее опасный, чем само солнце.

Новая, неведомая прежде боль стала рвать его на части. Правый наплечник откололся, словно кусок старой иссохшей коры, и с треском ударился о холодный камень. Он едва

мог двигаться, но на миг всё же взглянул на обломки.

Её глаза оставались закрытыми.

Каждый следующий шаг давался не легче. Жар в груди яростно сопротивлялся, ядро жаждало остановить это безумие и не угаснуть. Под тяжестью тела поножи рухнули на камень разом. Второй наплечник Дэтфлейм сорвал сам, а затем, когда наручи пошли крошкой, вцепился в нагрудник и с хрустом оторвал его от себя.

Он дошёл до девушки вплотную. Оставался шлем. Дэтфлейм медленно, с усилием снял его. Когда его лицо показалось из-под шлема, девушка открыла глаза.

Вспышка света ослепила его. Перед ним возник водоворот прекрасных, невообразимых цветов. В них переливались все грани материального и духовного миров. Дэтфлейм никогда не смог бы описать увиденное. Если его суровую жизнь вообще можно было назвать существованием, то в этот миг он не существовал вовсе.

Из света рождались титанические создания. Они бились о чашу мироздания, и каждый удар разносил волны энергии, меняя саму ткань бытия. Воздвигались горы – и следующая волна обращала их в песок и океаны. Танец стихий не прекращался, пока кристально-белый свет снова не заполнил всё вокруг. Затем он сузился, сжался до двух овальных зеркал. В них Дэтфлейм увидел себя и свою жизнь: огонь – языки пламени, пожирающие сотни жизней; смерть – обугленные тела, мягко ложащиеся на чёрную землю; ужас – по-

следнее чувство, с которым они уходили.

Зеркала растаяли, превратившись в белый туман, сквозь который проступили глаза девушки – раскрытые, неподвижные, обращённые прямо к нему. В самом центре Алтаря Измученных Судеб их обоих сковали невидимые цепи.

Её холодный, притягательный взгляд окутал Дэтфлейма чарами. Эти глаза казались творением самого искусного мастера – чересчур совершенными для живого существа.

У него не оставалось сомнений в её намерениях. Его разум выходил за привычные пределы, растворяясь в единой энергии всего сущего.

Магма стала сходить с его тела, словно старая змеиная кожа: сначала тяжёлыми каплями, затем целыми кусками. На смену ей приходила живая человеческая кожа. Под ней проступили сухие, рельефные мышцы. Ни единого волоса – только множество глубоких шрамов от шеи до ног. Прежде всего бросались в глаза четыре изогнутых рубца на груди – следы отчаянной попытки разорвать его надвое. Ниже виднелись круглый шрам под печенью и такой же на спине, длинные тонкие полосы от локтей к плечам и ещё десятки других, уже менее заметных.

Вдох.

Он жадно втянул воздух – и не хотел его отпускать. Внутри разливалась прохлада, та самая, о которой он так долго мечтал. В это мгновение сплелись редкие счастливые моменты его жизни и те, что существовали только в грёзах.

Остывающая магма медленно уступала место плоти. Лёгкие расправились, впуская первый глоток воздуха, полный сладкого кислорода. Он выдохнул медленно и легко, не желая выпускать больше воздуха, чем нужно. Закрыл глаза, затем открыл. Заморгал – и почувствовал, как глаза наполняются влагой.

Он посмотрел на свои руки: мягкие, живые. Замер, не зная, что делать дальше. Приоткрыл рот, хотел что-то сказать, но слов не нашлось. Он просто продолжал смотреть ей в глаза.

Девушка протянула к нему обожжённую ладонь и коснулась его щеки. Не отводя взгляда, без одежды и слов, они стояли друг напротив друга.

Она приоткрыла губы и заговорила почти шёпотом:

– Анора, келхаси, умэн…

Она не успела закончить заклинание: на третьем слове из её рта хлынула кровь.

Багрово-синяя струя разлилась по её груди, ветвясь тонкими тёмными линиями. Из груди выступило чёрное острие меча.

Обессиленная, девушка рухнула ему на грудь. Клинок пронзил её насквозь, и кровь брызнула на покрытое шрамами тело Дэтфлейма. Он смотрел, как жизнь угасает на её лице, и с каждым мгновением его сердце билось всё сильнее. Она сделала последний вдох – и замерла.

Вены вздулись, лицо свело судорогой. Из горла Дэтфлей-

ма вырвался рёв, прокатившийся по тёмному лесу, словно гул вулкана, пробудившегося после тысячелетней спячки. С яростной жаждой мести он поднял взгляд на убийцу.

Перед ним стоял высокий чёрный силуэт. Казалось, зрение его подводит: в фигуре не угадывалось ни единой человеческой черты. Незнакомец был чернее самой тьмы с головы до ног. За его спиной клубился не плащ, а вихрь чёрной дымки.

Тень держал в руках двустороннюю глефу: от рукояти в обе стороны тянулись длинные смертоносные клинки.

Зрачки Дэтфлейма, едва успев стать живыми, залились ослепительным светом, заполнившим всю глазницу. Следом из глаз рванул огонь вместе с сотнями крошечных искр.

Бережно опустив тело девушки на камень, Дэтфлейм едва успел подняться на одно колено, как тут же перешёл в атаку. Первый удар пришёлся по голени чёрного силуэта. Затем Дэтфлейм нанёс два стремительных и мощных удара в грудь, а заключительный – в голову.

Уверенный в собственном превосходстве, Тень даже не дрогнул. Одним прямым ударом он отшвырнул Дэтфлейма назад. Тот ударился головой о каменную колонну алтаря и вылетел за его пределы. Сухие кусты с треском сломались под его весом, погребя его в ветках.

Не давая Дэтфлейму подняться, Тень тут же скользнул к нему. Из-за тёмной дымки казалось, что он плывёт над землёй. Чёрные пальцы сомкнулись на горле Дэтфлейма и под-

няли его над землёй, поднеся тонкое лезвие к груди. Дэтфлейм сжал клинок ладонью. Кровь выступила между пальцами и тут же закипела от жара. Он тяжёлым взглядом смотрел в едва различимые очертания лица Тени. Раздался треск, похожий на звон разбитого стекла: чёрный клинок разлетелся на крохотные куски. Дэтфлейм вырвался из хватки и отступил назад.

Тень развернул второе лезвие глефы и ринулся вновь. Десятки резких ударов изрезали тело Дэтфлейма. Последним взмахом Тень перерубил ему кисть.

В ответ Дэтфлейм только усмехнулся. На обрубке уже формировалась новая кисть – из жёлто-оранжевой магмы. Этой рукой он пробил грудь Тени и вцепился во что-то внутри. Чёрная субстанция корчилась, меняя форму. Тень завопил – голос сорвался на пронзительный писк.

Оттолкнув Дэтфлейма, Тень стал метать в него длинные кинжалы. Лезвия плавились в огне, не причиняя серьёзного вреда. Обугленная плоть Дэтфлейма быстро обрастала лавой, которая тут же застывала бронёй.

Тень атаковал всё яростнее, но движения его стали рваными и неточными. Окутанные животной яростью, они с воплями кинулись друг на друга.

Теперь каждый пытался разорвать другого на куски. Огненные руки вырывали клочья тьмы; тёмные лезвия срезали окаменевшие доспехи и рвали обугленную плоть. По белоснежному алтарю разлетались чёрные, красные, серые и

жёлтые ошмётки.

Дэтфлейм отбросил Тень за пределы алтаря – тот пролетел к скалистому берегу. В руках Дэтфлейма из огня вытянулся длинный двуручный меч. Он подошёл вплотную, расправил плечи и встал в боевую стойку.

Мгновение тишины – и её разорвал звериный рык.

Из темноты выползло чёрное чудовище. Оно стремительно набирало массу: конечности разбухали, шея вытягивалась, пока тело не приняло форму громадного медведя.

Огню и тьме предстоял новый поединок.

Битва вышла короткой, но первобытно жестокой. Дэтфлейм рубил мечом, а зверь вгрызался в него клыками.

Медведь навалился на Дэтфлейма. Огненный клинок вырвался из его рук и, ударившись о белый камень, рассыпался светом. Прижатый когтистыми лапами, Дэтфлейм сдерживал над собой оскаленную пасть зверя. Из кулака пророс толстый кинжал пламени – и Дэтфлейм вонзил его в глаз медведя. Оттянув звериную морду, он резким движением сбросил чудовище с себя.

Поднявшись, Дэтфлейм погнал медведя к краю скалистого берега. На самом обрыве туша вновь приняла облик человеческой тени.

Не понимая причин этого нападения, Дэтфлейм покачал головой, ожидая ответа.

– Почему?! – вырвалось из его горящего рта.

– Ты ещё нужен, Дэтфлейм, – тихо ответил Тень.

Не дожидаясь новой атаки, чёрный силуэт шагнул в морскую бездну и исчез. Дэтфлейм остался один на краю обрыва. Руки медленно опустились. Мир, который только что рвался и горел, внезапно стал пустым.

Отведя взгляд от мёртвой девушки, Дэтфлейм растерянно побрёл прочь от алтаря.

Он шёл всё глубже в лес, пока не рухнул на землю возле высокого старого дуба.

Глава 2
Пробуждение

Искажённая реальность перед глазами не давала сосредоточиться ни на чём. Мутная пелена закрывала почти весь обзор. Те немногие фрагменты, что проступали сквозь неё, были залиты тёплыми, яркими красками.

Красные и жёлтые вспышки складывались в лицо женщины. Они переливались, как маленький костёр, пытаясь удержать форму. Подсознание стремилось дорисовать её черты, вспомнить ту, кого разум упорно отрицал. В сознании снова и снова всплывал один вопрос: хочу ли я её увидеть? Что-то внутри, продираясь сквозь тернии боли и страданий, подсказывало путь к ответу. Другая часть яростно сопротивлялась.

Цвета тускнели, уступая место холодным оттенкам. Дэтфлейм почувствовал, как холод пробирает руки и ноги. Позади зазвучал неразборчивый голос.

Он отвернулся от призрачного женского лица – и увидел ребёнка, замурованного в огромную глыбу льда. Ледяная глыба стояла посреди зелёной рощи. За ней виднелся небольшой уютный домик: из трубы поднимался густой дым, а рядом раскинулся ухоженный ягодный сад с крохотным водопадом. Позабыв обо всём, Дэтфлейм с внезапной радостью

направился к дому.

– Остановись! Стой! – голос мальчика отдался эхом вдали.

Дэтфлейм обернулся против своей воли. Глыба с ребёнком оказалась прямо за его спиной. Вместо зрачков в глазах мальчика застыла сплошная белизна. Из них потянулся густой чёрный туман, залил лицо, затянул ледяную оболочку и с громким треском вырвался наружу.

Дэтфлейм тревожно очнулся.

Тёплый ветер приятно обдувал его обнажённое тело, покрытое опавшими листьями. Он не спешил подниматься, сосредоточив всё внимание на руках. Они были живыми: кожа, ногти, мягкие подушечки на пальцах. Он поспешно коснулся головы, глаз, груди, убеждаясь, что это не сон.

По мере того как он осознавал себя и свои ощущения, на его лице проступала улыбка. С каждым вдохом она становилась всё шире.

Смех бывает разным, и мало кто задумывается, сколько чувств он может вместить. В нём скрываются радость и истерика, удивление и злость, облегчение и боль. Это естественная реакция, вырывающаяся из нас помимо воли. В этом смехе было всё: расслабление, изумление, лёгкость и восторг. Он был тихим, искренним, ставящим точку в мучениях Дэтфлейма.

– Ты чё, голый? – раздался неожиданный голос.

Дэтфлейм оглянулся. Вокруг никого не было – только густые деревья, казавшиеся крошечными рядом с вековым ду-

бом. Он не стал списывать услышанное на воображение: годы непрерывной борьбы научили его прислушиваться к любым звукам, а не игнорировать их.

– Если найдёшь меня – дам пять золотых, хе-хе.

Звонкий голос доносился откуда-то сверху. Дэтфлейм прикрыл глаза ладонью от солнца, высматривая незнакомца среди листвы.

– Да, уже горячо… ещё чуть-чуть. И-и-и… вот я!

Одна из ветвей резко опустилась, и из-за неё показалась горгулья с широко раскрытой пастью и длинными, загнутыми назад крыльями.

– Весело погулял? – спросил он.

Дэтфлейм продолжал молчать, пытаясь осознать, что вообще с ним происходит.

– Ты, видимо, долго тут проспал, раз я тебя ночью не слышал. Что же ты, выходит, валялся здесь ещё до моего прихода? И слушай… не знаю, насколько сильное у тебя похмелье, но мне будет спокойнее, если ты не немой психопат, который только и любит, что бегать голышом.

– Да, я… кхм-кхм. Я тут лежал, да. Извини, я не знал, что это твоё дерево, – неуверенно произнёс Дэтфлейм.

Собственный голос показался ему чужим – слишком мягким и неловким на фоне прежнего сурового тембра.

– Купил дуб в кредит, ага. На самом деле всё проще, голый человек. Мне тут просто нравится отдыхать. Прилетаю временами. Спокойно здесь, знаешь? Обычных людей нет, и

можно предаться размышлениям. О жизни там, о всяком.

Дэтфлейм поднялся на ноги, и листья осыпались с него, обнажив гениталии.

– Мужик, ну ты бы хоть срам прикрыл. О боги, мы же даже не знакомы.

– Проклятье… да. У тебя случайно нет штанов или ещё чего?

– Конечно. У меня же на дубе ларёк. «Одежда для голожопых». На каждый девятый день распродажа. Ну, или типа того.

Грэг посмотрел на плед, разложенный на любимой ветке, и неохотно стряхнул с него листву и осевшую пыль.

– Эй, там. Лови! Должен будешь.

Грэг кинул ему шерстяное покрывало и, прежде чем спрыгнуть самому, подождал, пока тот оденется. Дэтфлейм не сразу понял, как плед может послужить ему одеждой. Он ухватился за противоположные углы, но понял, что так ничего не выйдет. Перехватил ткань, перекрутил и взялся за другие концы. Расправил плед и несколько раз обернул его вокруг себя, сначала в одну сторону, потом в другую.

Сверху его попытки выглядели как театр одного безумца с грязным пледом. Улыбка на левой щеке Грэга растягивалась, словно её тянули крючком. Наконец сообразив, как обернуть ткань вокруг себя, Дэтфлейм попробовал закрепить её. Плед всё время соскальзывал, но в итоге он обвязал им бёдра и ноги, а остаток перекинул через плечо.

– Сжечь бы его… Ладно, вроде работает. С-спасибо. Да, спасибо тебе. У меня была дикая ночь.

– Тебе спасибо за шоу. Было увлекательно. Даже стоило старого пледа, – с лёгкой истерической ноткой отозвался Грэг.

Без малейшего страха и сомнений он соскочил с ветки. Размах его крыльев отбросил широкую тень, полностью закрывшую Дэтфлейма от палящего солнца. Грэг спланировал вниз и приземлился прямо перед ним.

Вблизи шрамы на теле Дэтфлейма наводили настоящий ужас – простой смертный не пережил бы и половины таких ран. Грэг старался не пялиться. К тому же у него самого на плечах красовались четыре симметричных глубоких шрама. Но любопытство всё равно брало верх.

– Знаешь, меня вообще трудно чем-то удивить. Многое повидал – судя по всему, и ты тоже. Потому и интересно. Тут скорее научный подход. Думаю, ты не обычный пьяница, заблудившийся в лесу, и, разумеется, возникает вопрос… Ты… хочешь есть? В смысле, ты голодный? – Грэг выдержал паузу и уставился на Дэтфлейма.

– Есть? Да… наверное. Никогда ничего не ел. Точнее, давно ничего не ел, – Дэтфлейм коснулся живота: внутри медленно нарастали спазмы.

Чувство голода было для него в новинку: огонь не позволял ему питаться, а пищеварение заменяли огненные жилы, получавшие всё необходимое напрямую от ядра.

– Ну конечно, ты же ничего не ел. Интересно, как скоро ты перестанешь меня удивлять, – саркастично произнёс Грэг, отводя взгляд.

– Ты горгулья, да? Как тебя зовут?

– Зови меня Грэг. А твоё имя?

Этот вопрос ввёл Дэтфлейма в ступор. Возможность обрести имя, а не прозвище со смыслом «мёртвый огонь», казалась почти радостной. Он попытался придумать подходящее слово, перебирая в памяти те немногие имена, что знал. Пауза затягивалась. Грэг не дождался ответа и спросил снова:

– Итак? Странный человек. В лесу. Без одежды, без имени, к тому же голодный.

– Нет. Имени у меня нет.

– Ага. Круто, круто, – протянул Грэг, осмотрев его с ног до головы. – Буду называть тебя Фи-и-л. Подходит?

Это было не самое героическое имя для столь прославленного воина. Дэтфлейм решил пока принять то, что есть.

«Потом придумаю другое», – подумал он.

– Пусть будет по-твоему. Фил так Фил. Где мы вообще находимся? Город далеко?

– Да уж, видимо, тебя сильно потрепало. Мы недалеко от главного тракта, ведущего в Холмград. Пошли со мной, Фил, отведу тебя в город.

Грэг уверенно зашагал вперёд.

Походка у него была свободной и непринуждённой. Пройдя несколько шагов, он мог заметить необычный камень, на-

клониться, взять его в руку, рассмотреть и тут же выбросить в чащу. Потом остановиться и проверить, на что наступил. Если под лапой оказывался мягкий мох, Грэгу хотелось немного потоптаться на месте. А после он смело шёл дальше, переключив внимание на тёплые лучи нового дня.

Фил с интересом наблюдал за попутчиком, но его движения настораживали – слишком раскрепощённые, даже вальяжные. Сам Фил привык идти по прямой, не отвлекаясь на растения или глупые камни. Важен был кратчайший путь до цели – всё остальное не имело значения. Наконец Фил не выдержал и спросил:

– Что это ты делаешь?

– Ты вообще о чём? – ответил Грэг вопросом, не оборачиваясь.

– Ты ведёшь нас в город или как?

– Да-да, а что тебя смущает?

– Мне кажется, это больше смахивает на прогулку по лесу.

Грэг остановился.

– Ты странный, точно тебе говорю. Но не мне судить, хотя я уже посудил, – как ни в чём не бывало произнёс он и зашагал дальше.

Не получив ответа на свой вопрос, Фил продолжил наблюдать за горгульей. Его голый торс пересекали два тугих ремня, стягивавших грудь крест-накрест и уходивших за спину, где крепились к штанам. На широком кожаном поясе Грэга болтались парные клинки. Судя по эмблемам на рукоятках,

они были гномьей работы.

Оружие гномов славилось безупречным качеством. Эти клинки были сделаны из сплава крепчайших металлов и редких чёрных минералов. Изящные орнаменты подчёркивали тонкую работу кузнечного мастера, а стальная «печать качества» могла дать пропуск в любую часть Гномрога – величайшего города гномов. Дэтфлейм предполагал, что Грэг заслужил эти клинки: вряд ли у того хватило бы наглости их украсть.

От тёмной ночи не осталось и следа. Солнечный свет заливал землю, пробуждая растения, цветы и деревья.

На нагретых камнях грелась пара двурогих ящериц. Серый окрас делал их едва заметными. Если бы Грэг не спугнул их взмахом грациозных крыльев, они так и не выдали бы себя, продолжая греться под лучами солнца.

Ни одна дорога не вела к любимому дубу Грэга – именно поэтому он и выбрал его своим укромным местом, скрытым от чужих глаз. Они шли через самую оживлённую часть леса. Наконец, подражая манере Грэга, Фил начал перенимать его лёгкую походку. Ступая по земле и ощущая, как ноги познают мир, он исследовал голыми пятками сухие ветви, растения и даже острые камни. И всё это не вызывало в нём ни капли раздражения. Он не спешил делиться мыслями с Грэгом, позволяя им закружиться в водовороте. Вскоре этот водоворот вылился в долгий вдох и не менее долгий выдох.

– Что, дошло наконец? А ты быстро учишься. Вообще-то

моё полное имя – Грэгори. Знаешь, горгульи выбирают имена сами. Родителей у нас как таковых нет. Ещё ходит слушок, что мы не прочь время от времени полакомиться людьми, и многие простаки в это верят. Представляешь, при встрече они даже не спешат переходить на другую сторону дороги. Наверное, всё дело в острых зубах и огромных рогах.

У Грэга действительно были вызывающе острые зубы – стоило ему заговорить, они тут же показывались из широко раскрытого рта. Но длинных рогов на голове не было: вместо них красовались отполированные обрубки.

– И где же твои огромные рога?

– Да я их сбрил. Снёс напрочь. Постоянно бился о дверные проёмы, понимаешь?

– Нет, не понимаю, Грэг, – с сомнением ответил Фил. Он не верил, что причина избавления от рогов была именно в этом.

У обоих были секреты, которыми они не спешили делиться. Фила это устраивало – для первого дня в человеческом обличье его устроила бы любая ложь.

– Зато, похоже, я тебя понимаю. У меня выдалось бурное приключение, от которого меня самого ещё покачивает. Даже чуток подташнивает – и, что самое обидное, я даже не пил. Удивительное дело, скажу я тебе. Я про наши организмы и того умника, который вообще выдумал столько противоречий. Плывёшь на корабле – тошнит. Пьёшь – тоже тошнит. Казалось бы, переел – это же должно быть хорошо, да?

А тебя опять тошнит. А знаешь, какая новость меня недавно добила? Я узнал, что в наших краях нет ни единого горячего целебного источника. А это, между прочим, очень полезно для костей и вообще для здоровья. Тебе бы, кстати, тоже не помешало – судя по твоим царапинам, ты повидал немало сражений.

Если Грэг начинал говорить, то продолжал почти без устали: одна мысль плавно перетекала в другую, словно он и не останавливался, а только на миг уходил в режим телепатического общения. Когда он наконец закончил очередную тираду, Фил решил ответить на один из вопросов:

– Я не хотел бы рассказывать о шрамах. В этом нет ничего хорошего. Я битвами не горжусь. Я всегда думал, что просто делаю всё, что могу, стараюсь кому-то помочь. Никакого плана у меня не было. Я не помню ни лиц тех, с кем бился, ни имён. Просто убивал тех, кто этого заслуживал.

– Занятно, – протянул Грэг. – Возможно, наша встреча не была такой уж случайной. Достойных помощников редко сыщешь. Есть желание немного подзаработать?

– Посмотри на меня, Грэг. У меня есть только твой плед.

– Значит, ударим по рукам. Ты будешь помогать мне с некоторыми делами, а я в долгу не останусь. Помогу тебе встать на ноги.

Грэг повернулся к Филу и протянул когтистую лапу. Фил не сразу понял, чего от него хотят, но, догадавшись, тут же пожал её. Не показывая этого, он обрадовался новому зна-

комству.

Цокот копыт оборвал очередную тираду Грэга. Длинное острое ухо настороженно повернулось, вылавливая звук сквозь шум леса.

– Ты это слышишь? – замерев, спросил Грэг.

– По звуку это лошадь, – ответил Фил.

– Нет, приятель. Это твои штаны. Возможно, даже с рубашкой. А если мне очень не понравится их владелец – то и золото. – Грэг повернулся туда, куда настороженно было обращено его ухо. – Короче, пошли за мной.

– Ты сказал золото?

– Я сказал: если очень не понравится.

Фила мало привлекала перспектива стать грабителем или бандитом, но, продираясь за Грэгом сквозь заросли и чувствуя, как колючие кусты цепляются за кожу, он уже не считал мысль о краденой одежде такой уж плохой.

На узкой тропе карете едва хватало места. Изнутри доносились недовольные возгласы её владельца. Колёса били по неровной дороге, отчего пассажиров сильно потряхивало.

– Джорджибл, неужто нельзя вести эту телегу ровнее? Я не могу нормально читать, понимаешь? Я уже вообще ничего не могу нормально делать, даже мыслить не могу, – раздался голос изнутри.

Под толстым слоем налипшей грязи карету украшали изящные золотые узоры. По её потрёпанному виду было ясно: дорога выдалась долгой и тяжёлой. Каретой правил из-

мождённый кучер. Под усталыми веками его глаза то и дело слипались, а засохшие комья земли на одежде говорили о недавних ямах, из которых приходилось вытаскивать колёса. Потерянный вид, пустой взгляд и одно-единственное желание – поскорее добраться до дома.

– Говорила мне матушка: выбирай в прислугу иноземца. А я ведь выбрал тебя! Ты хоть понимаешь, что ты неблагодарный? Джорджибл, ещё одна кочка – и ты пойдёшь до самого тракта закапывать каждую неровность на этой треклятой дороге, попомни мои слова!

Долгая поездка доставляла кучеру меньше страданий, чем утомительный голос хозяина. Давно смирившись со своей судьбой, он продолжал вести лошадь, пропуская мимо ушей любые надменные возгласы. Его утешали только мечты о мягкой подушке и горячих пирожках жены. Лишний раз дёргать поводья он не хотел: кобыла изрядно выдохлась, последние четыре цикла они провели почти без отдыха.

Когда на пути появился полуголый мужчина, завёрнутый в грязное покрывало, суженные глаза кучера раскрылись до неузнаваемости. Он резко осадил лошадь, отчего карету дёрнуло в сторону, и колёса угодили в очередную выбоину.

– Проклятие! Проклятие! Джорджибл, ты меня в могилу сведёшь!

Кучер попытался заговорить, но горло давно пересохло. Он прокашлялся, набрал слюны и начал с глухого свиста вместо голоса. Наконец ему удалось выдавить:

– Ты-ы… кто? А?

Не успев сообразить, какой именно план родился в голове у Грэга, Фил уже стоял перед ошарашенным кучером. Горгулья вытолкнул его из кустов и тут же исчез из виду.

– Эм… привет. Я тут мимо проходил. У вас воды не будет? Страшно хочу пить.

– С кем это ты там болтаешься, Джорджибл? Ты что там, друзей заводишь? Ох, боги разума, это что ещё за попрошайка! Гони, гони его прочь, скорее! Он же какой-то ненормальный. Тебе не видно, что ли?

Выглядывая из окошка кареты, полный мужчина всем весом навалился на раму, и та звонко хрустнула. Испугавшись, он вскрикнул и тут же втянулся обратно, бубня очередные проклятия в адрес сотни раз проклятого кучера.

– Здрасьте, – произнёс Грэг, уже успев залезть в карету по пояс через окно напротив.

Мужчина завопил и от страха отскочил к подлокотнику. Тот тоже не выдержал и надломился. Вжимаясь складками в кожаное кресло, мужчина заиграл нижней губой и несколько раз высоко пискнул. Грэг с омерзением скривил лицо.

– Жесть, блин. Ты во-от на такой грани, что уже очень…

– Очень чего, очень чего? Вы что, насильник?! – громче прежнего завопил мужчина.

– Размечтался тут. Так, а теперь тебе придётся снять свою одежду, – Грэг осмотрел растерянного мужчину, уже покрывшегося тремя слоями пота.

– Джорджибл, меня насилуют! Боги, помоги мне! Брось всё и иди сюда!

– Давай-ка лучше сменную одежду. Ты уже мокрый, как свинья. Не хочу, чтобы от моего компаньона смердело так же. И ещё одно, как я и обещал, – добавил Грэг с ехидной ухмылкой.

– Что обещал? Кому обещал? – прошептал мужчина дрожащими губами.

– Себе, конечно. Кому же ещё?

Лицо кучера заметно похорошело оттого, что Фил вёл с ним простую, но такую необходимую беседу. Обсуждение погоды с незнакомцем стало для него лучшим подарком за всю изнурительную поездку. Конечно, плаксивый визг хозяина тоже поднял кучеру настроение. Он делал вид, что не слышит его, заранее придумав оправдание: его собственная жизнь тоже якобы была под угрозой.

Грэг потряс головой, пытаясь выбросить из памяти образ потного толстяка в карете. В руках он нёс чистую одежду и небольшой мешок с золотыми монетами.

Разумеется, одежда Филу не подошла: штаны оказались коротковаты, ткань на животе висела мешком, а воротник душил. Пришлось порвать его, чтобы нормально дышать. Скрывая изъяны, Фил несколько раз перекрутил плед вокруг себя, придав себе вид бедного странника. Запуганный мужчина тем временем сидел в карете и ждал, когда треклятые воры наконец уберутся.

Грэг хлопнул по плечу всё ещё ошарашенного кучера и сунул пару золотых монет ему в карман, где торчал грязный платок.

– До свидания, парни! Спасибо за помощь, боги вас вознаградят! Может быть. А может, и нет, – улыбаясь во весь рот, выкрикивал Грэг.

Фил расхаживал в тесной обуви, то и дело останавливаясь, чтобы надорвать кожу ботинок и подогнать их по ноге.

– Чтобы прояснить вопрос с кражей: это была вынужденная мера, и впредь я не собираюсь заниматься подобным, – сказал Фил, наконец надорвав обувь в нужных местах.

– Штаны, золото, информация – какая разница, если за это ничего не будет…

Фил хотел его перебить, но Грэг закончил мысль:

– …и если это очень нехорошая персона.

– И как же определить, кто хороший, кто нехороший, а кто очень нехороший? – Фил внимательно посмотрел на него.

– Одно слово, брат. Чутьё. Нет-нет, меняю слово – интуиция.

– Инту… что? Хотя неважно, ладно, мысль я твою понял. Ты лучше скажи вот что: в Холмграде так много горгулий, что ты не боишься быть опознанным вором? – Фил покосился на него с явным сомнением.

– В городе всего одна горгулья, и это мистер Грэг, у которого друзья повсюду. Такая мелочь легко сойдёт мне с рук. Да ты вообще видел, сколько народу в городе? Он мелкий

клерк, уверен, даже не из центрального банка. Его выдают нежные руки и символика жителя Дэнрода. Там сплошная канцелярщина и гнилая бюрократия, они на этом живут. Да и кишка у него тонка для мести.

– В том, что воровать плохо, я почему-то не сомневаюсь, – твёрдо заявил Фил.

Грэг недовольно закатил глаза и не стал спорить. В конце концов, он переступал эту грань довольно редко: у него имелись десятки, если не сотни способов заработать самыми разными путями.

Постепенно лес начал редеть: деревьев становилось всё меньше, а между стволами всё чаще проглядывали пышные зелёные холмы. Сначала они мелькали в просветах между высокими кронами, чья листва поднималась выше человеческого роста. Насыщенный ярко-зелёный цвет завладел вниманием Фила. В образе Дэтфлейма он никогда не замечал, как краски мира влияют на настроение. Казалось, ещё немного – и он начнёт улыбаться без всякой причины.

Холмы текли волнами, превращая дорогу в череду плавных спусков и подъёмов. Природа на славу позаботилась об этом месте: зелень лежала ровным ковром, из которого местами пробивались жёлтые цветы, тянувшиеся вдаль, до самого поля у горизонта. Они выстраивались тропинкой сияющих следов, словно стараясь захватить зелёную долину. Потоки ветра носились среди травы и цветов, похожие на невидимых зайчиков, играющих в салки.

Мимо шёл пастух с большим плетёным мешком наперевес и вырывал с корнями жёлтые побеги. Вопрос о цветах едва успел возникнуть в голове Фила, как Грэг уже нашёлся с ответом и с удовольствием принялся рассказывать историю.

Началась она с загадочной ведьмы, энергии света и необходимости сдерживать популяцию этих жёлтых пагубщиков, дабы они не заполонили все поля в округе. Красивый внешний вид скрывал страшную угрозу для любых растений – как диких, так и возделанных. Когда в королевствах разгорались междоусобицы, о проблеме сдерживания жёлтых цветов на время забывали. Это оборачивалось полной потерей зерновых запасов восточного удела. Три области дважды оставались без провизии, и в холодные сезоны местным приходилось добывать больше дичи, нарушая хрупкую экосистему лесов Курба – природного кольца, окружающего Холмград.

Фил не всегда успевал следить за ходом мыслей Грэга, хотя эта история показалась ему весьма интересной. Сейчас он больше старался всем телом прочувствовать сладость нового дня и новой для себя жизни.

За очередным холмом наконец появилась дорога, выложенная каменной плиткой. Стараясь не попадаться кому-либо на глаза, Фил редко ходил по общим путям, а уж тем более по главному тракту. Сегодня же по нему стекались сотни людей со всех ближайших земель. Большинство крестьян шли пешком, волоча за собой телеги с мебелью, домашней утварью и припасами, скопленными за всю жизнь. Среди них бы-

ло немало тех, кто вёз на продажу урожай, а рядом двигались отряды внутренней армии. Главный тракт вёл прямиком к южным вратам Холмграда – величайшей крепости людей.

Строительство столицы уходит корнями в события тысячелетней давности, ко времени окончания войны людей с эльфами. Тогда пять королевств объединились, чтобы возвести единый город. Стены Холмграда поднимаются так высоко, что кажется, будто упираются в небеса и не кончаются вовсе. В дождливые сезоны это впечатление становится почти реальностью: долгие дни густые туманы окутывают зубцы, скрывая часовых и лишая их прямого обзора.

Название города давно утратило буквальный смысл – ни один холм не может сравниться с этими исполинскими стенами. Изначально они были куда ниже, но столетие за столетием короли стремились превзойти предшественников, возводя новые ярусы. Правителей оценивали по высоте укреплений: два копья за срок правления считались достойным результатом. Рекорд установил властитель по имени Вакантай. Суровый и жестокий, он ожидал новой великой войны, которая так и не настала, но при нём стены выросли сразу на десять копий. В толще того, что ныне зовётся Вакантайским слоем, он выстроил проходы с дальнобойными орудиями, заимствованными у гномов Гномрога.

В самом сердце города возвышается башня Кристалл – резиденция правителей пяти королевств. Её высота превосходит даже великие защитные стены. От башни расходятся

многочисленные ограждения, разделяющие Холмград на части, каждая из которых принадлежит одному из пяти королевств.

Самым могущественным и влиятельным всегда был и остаётся Доэдрас. Его род восходит к первым поселенцам континента, а величайший король-объединитель, заключивший шаткий союз с эльфами, был одной с ним крови. Люди Доэдраса образованны и утончённы, с ранних лет приучены смотреть на соседей свысока.

Вторая по древности держава – Гронган. Здесь почитают силу и доблесть, а суровые нравы соседствуют с верностью предкам. Кварталы Гронгана наполнены вечными разборками за честь и не только. А на его чёрном рынке заключаются сделки, от которых содрогаются все королевства.

Два других королевства – Халшан и Дэнрод – со временем сблизились, разделив между собой тяготы и радости. Совместный труд и удачное расположение позволили наладить прочную торговлю с гномами. Их земли густо заселены, а местные жители, в отличие от соседей, просты и лишены напыщенных амбиций. Здесь легко найти работу – как законную, так и не очень.

Последнее царство – Курналан. Оно закрыто для посторонних: пройти за его ворота можно исключительно по приглашению. Курналаны ценят уединение и тайну. Чужакам доступны лишь торговые залы да знаменитые багровые дворы ремесленников. Чтобы попасть туда, нужно соблюдать

строгие правила внешнего вида, но днём они открыты каждому. Остальная жизнь этого народа скрыта под вуалью секретов. Шёлковые ткани, развешанные над улицами, создают полумрак, а зеркальные крыши искажённо отражают мир, рождая иллюзию, будто сама реальность колышется и ускользает от чужого взгляда.

Законы каждого королевства и своды правил, регулирующие их конфликты, хранятся в башне Кристалл. Подобно её гранёным опорам, они удерживают равновесие и не дают распасться единству столь разных народов.

Фил всё ещё не мог привыкнуть к обуви, ведь прежде никогда её не носил. Каждый шаг причинял неудобство, а от долгой ходьбы пальцы начинали ныть от натирания. Возможно, он пытался отвлечься от боли. А может, уже понял, что дорожные разговоры не так уж плохи, и невольно подбрасывал новые темы.

– Я думал, ты будешь летать на крыльях. Или они вам так, для прыжков с дерева? – с лёгкой гримасой боли спросил Фил.

– Нет, я, конечно, могу взлететь и добраться до города, пока не догорит пара свечей вастаха, оставив тебя брести по дороге в одиночестве. Однако двигаться рядом с тобой на крыльях – это как… Ты ведь не хочешь всё время бежать. Это утомительно, понимаешь?

– Вопрос снят, – встряхнув ступнями, ответил Фил.

За очередным поворотом перед ними открылось целое

столпотворение.

Фил сразу почувствовал нарастающий дискомфорт. Он попросту не знал, как вести себя в такой обстановке. За всю жизнь ему не доводилось спокойно находиться среди такого множества людей. Он старательно скрывал сомнения и лёгкий внутренний трепет перед происходящим.

Когда они подошли вплотную и буквально втиснулись в живой движущийся поток, Филу стало особенно не по себе. Он то и дело отводил корпус и руки, уворачиваясь от случайных столкновений. Грэг и остальные делали это машинально, даже не задумываясь. Фил же прилагал заметные усилия, чтобы ни в кого не врезаться.

Когда толпа немного поредела, впереди показалась дорожная закусочная на перекрёстке. Именно вокруг неё и скапливались путники.

Грэг даже не стал спрашивать, хочет ли Фил зайти внутрь. Просто повёл его за собой.

Внутри было тесно и шумно. Это место явно не предназначалось для долгих посиделок: сюда заходили те, кто давно был в пути и хотел быстро перевести дух, поесть или освежиться перед тем, как продолжить дорогу. Сюда же заглядывали те, кто только покидал город и хотел перекусить перед долгим путешествием.

Закусочной владела семья тендерцев. Весь второй этаж служил им домом, и потому они заботились о заведении, что было заметно в мелочах.

Внешне тендерцы напоминали людей, чьё превращение в хищных зверей едва проявилось – и тут же застыло. Чуть вытянутый нос, длинные загнутые назад уши, тонкие острые клыки, проглядывающие между губ, резкие черты лица и сильные поджарые тела придавали им опасный, но по-своему привлекательный вид.

У тендерцев было куда больше общего с людьми, чем у представителей многих других древних рас, вроде кривийцев. Поэтому смешанные браки среди них давно стали обычным явлением. Со временем народ тендерцев стал одним из самых многочисленных на Континууме, хотя чистокровных представителей встречалось всё меньше.

Одна из владелиц закусочной добродушно ворчала на мальца, который только учился разносить напитки посетителям. Юноша осторожно поставил перед Грэгом и Филом два стакана воды. Они стояли у высокого уличного стола без стульев, среди нескончаемого потока путников.

– Мы будем только воду? – спросил Фил.

– Да, а что? Думал, я тебя кормить сюда привёл? – с ухмылкой бросил Грэг.

– Да нет. Я вообще ни о чём не думал. Но стоило задуматься – как сразу захотелось пить, – ответил Фил и сделал несколько больших глотков.

Прохладная вода приятно прошлась по пересохшему горлу. Холод мягко стекал внутрь, растекаясь по телу освежающей лёгкостью.

Грэг с любопытством наблюдал, как Фил с неподдельным наслаждением пьёт обычную воду.

– Ничего себе. Да ты, я смотрю, и от простой воды в полном восторге, – усмехнулся он. – Не переживай, здесь мы, конечно, есть не будем. Но уже скоро! Мы держим путь в моё любимое заведение.

Осушив стаканы, они двинулись дальше – навстречу стенам столицы.

– Бывал раньше в Холмграде? – поинтересовался Грэг.

– Только пару раз в Гронгане. Долгая история. Скажем так – по делу, – спокойно ответил Фил. – А вот ты, я уверен, тут частый гость.

– Ого, именно в Гронгане. Знаешь, скоро тебе придётся начать раскрывать свои тайны. Что до меня – я бы, конечно, не стал называть Холмград своим вторым домом, но не зря же говорят: все пути ведут к Холмам. Вожусь по рабочим делам с людьми из Халшана и Дэнрода, иногда бываю и в Доэдрасе. Последние, конечно, такие дотошные. Вечно им что-то не нравится, поэтому к ним суюсь только по необходимости. Кстати, пока не забыл. Я ещё сам толком не в курсе, но в королевствах творится какая-то хрень. Нападения, разбой, неясная смута или болезнь, короче, бла-бла-бла. Могут досмотреть и опросить. Ты, надеюсь, не состоишь ни в какой запрещённой банде?

– А я похож на такого?

– Ты похож на маньяка, Фил. На все сто процентов. Ну, в

самом деле. Мне вспомнить, каким я тебя встретил?

– Согласен, во мне мало от нормального.

– О чём и речь! И ещё одно. Тебя не смутило слово «процент»?

– Давай, не томи. Ты ведь не успокоишься, пока не расскажешь, – ответил Фил, указав на него протянутой рукой.

– По сути, и рассказывать-то нечего, – сказал Грэг: он часто начинал свои затяжные монологи именно с этих слов. – Процент – это доля. У всего может быть максимум сто долей или сто процентов. Между прочим, удобная штука, эти доли! У нас ведь десять пальцев, вот и считаем до десяти, а сотня появилась ради точности расчётов. Но история происхождения куда интереснее.

– Я не сомневаюсь, – заметил Фил, и Грэг тут же продолжил:

– Есть один гном по имени Угздон, который заправляет морской торговлей. Между прочим, я его лично знаю. Так вот, ему надоело, что товары, которые вовремя не доходили до портов, либо портились, либо теряли ценность. В любом случае – убытки, а отвечать приходилось ему. Чтобы этого избежать, он ввёл штрафы: по пять процентов от суммы налога за каждый просроченный день. А само слово «процент» пошло от гномьего выражения: «про» – ты, «центтоума» – должен. Сократили – и вышел процент.

Грэг уже хотел перейти на другую тему, но вдруг удивлённо вскинул брови и сбавил шаг.

На подходе к городу их взору открылась огромная очередь. У стен она ещё напоминала колонну, но по мере удаления строй рассыпался, и людская масса всё больше походила на бушующую, разгневанную толпу. Желающих попасть в великую твердыню тщательно досматривали и расспрашивали: запрет на свободный вход распространялся на всех без исключения.

Помимо восточного морского порта в Халшане, в Холмград вели ещё три пути. На севере возвышались ворота Гошт, ведущие в земли Гронгана. Их охраняли застывшие стражи древности – могущественные статуи воинов с молотами и щитами, облачённые в традиционные доспехи. Там было сосредоточено наибольшее количество защитных орудий. На западе располагались ворота в Доэдрас, вырезанные из белого гранёного камня. В ширину они растягивались на целое копьё. Третьи ворота, общие для Халшана и Дэнрода, стояли именно там, куда вёл этот тракт.

Разумеется, оставалось пятое царство, и оно, как всегда, предпочло иной подход: на территорию Курналана вела широкая сеть подземных тоннелей. И над землёй Холмград был не менее выдающимся местом. Чтобы избежать столпотворений и не затруднять поставки, большую часть торговли и доставки провизии перенесли на подземные уровни.

Почти с самого основания город окружала глубокая траншея, по которой текла Беговая река. Поэтому перед каждыми воротами стояли подвесные мосты, поднимаемые с захо-

дом солнца. Сейчас мосты были битком набиты людьми, телегами и нервным ожиданием.

– Проклятые боги, мы тут так до утра простоим. Нет, так дело не пойдёт, – недовольно заявил Грэг.

– Решил воспользоваться крыльями?

– Не переживай, тебя я не брошу. Тем более днём над стенами я не летаю – это незаконно.

– Да неужели? Я уже начал верить, что для тебя закон вообще не писан, – заметил Фил, сложив руки на груди.

– Так, слушай, – нервно сказал Грэг. – Наверху караулят лучники, а у меня нет желания быть подстреленным. Ты лучше доверься мне и иди следом. Надеюсь, он тут ещё работает и сейчас на смене. Нас должны пропустить.

Закончив говорить, Грэг втиснулся в раздражённую толпу.

Раздвигать людей, полдня простоявших в очереди, было неловко, но Грэг шёл настолько уверенно, что Фил не решался ему возразить. Он даже не до конца понимал, стоит ли переживать из-за их наглости или уже поздно смущаться, что они лезут вперёд. Окружающим это явно не нравилось: на них полетели недовольные возгласы, особенно из-за крыльев Грэга. Тот не слишком старался протискиваться боком, и перепончатые края то и дело задевали чужие головы. На брань и упрёки Грэг отвечал ехидной улыбкой и вежливыми кивками.

– Поверьте, люди, я знаю, что делаю. Успокойтесь. Жен-

щина, ну что вы так – вас же дети слышат. Мужчины, применение силы будет излишним. Если не уверены, что правы, лучше помолчать.

Совесть – именно так Фил назвал бы чувство, проснувшееся в нём в этот момент. Не став его заглушать, он слегка одёрнул Грэга за плечо.

– Грэг, давай тут остановимся. Осталось подождать совсем немного.

Грэг повернулся вполоборота и недовольно скривился:

– Да всё будет нормально, ну что ты, боги. Хочешь тут стоять – дело твоё, тогда я там подожду!

– Куда прёшь, ободранный! – громадный мужчина окликнул Фила и дёрнул его за плечо. – Для тебя что, отдельные правила писаны?

– Мужик, не лезь ко мне. Я почти всё решил, – спокойно ответил Фил.

– Решил? Ты меня учить будешь?! А ну, живо назад!

В тесной толпе замахнуться было трудно. Мужчина попытался ударить Фила в грудь, но промахнулся и задел спину случайного прохожего. Фил нахмурился и ответил быстрым точным выпадом, ударив противника в плечо. Рука мужчины онемела, боль прожгла её до самой шеи. Стиснув зубы, тот выхватил нож из-за пояса и выставил его перед собой.

Люди вокруг запаниковали и попытались расступиться, но теснота не давала им разойтись – толпа лишь сильнее прижимала их друг к другу. Послышались возмущённые и жа-

лобные крики. Решив обезоружить нападавшего, Фил резко вывернул ему запястье и ударил по локтю. Раздался сухой хруст и визг боли.

На шум поспешно сбежались стражники.

– Что здесь происходит? Расступитесь! Живо!

Подоспевший командир стражи выглядел уставшим. Очередь и бесконечные проверки выжали из него все силы, и драка была последним, что ему сейчас было нужно.

– Вам обоим вход в Холмград запрещён. Уведите их!

– Чарлоз? – раздался голос за его спиной. – О боги, как же я рад, что ты всё ещё здесь служишь. Мы как раз тебя искали.

Грэг хлопнул командира по плечу.

– Грэгори… – раздражённо протянул тот. – Ты что тут устроил? Думаешь, мне нужны такие хлопоты? Паника в очереди мне ни к чему.

– Да брось. Какой-то псих прицепился к моему приятелю. Пришлось его успокоить. Он только содействовал правопорядку.

– Содействовал он… – командир скривился. – Мне таких помощников не надо. Ладно. Вы двое – за мной. А этого громилу выведите отсюда.

Женщина, стоявшая за покалеченным мужчиной, поспешно принялась его успокаивать и уводить в сторону, пока этим не занялась охрана. Она держала за руку маленького мальчика, который не понимал, что происходит, и всё ещё тянул родителей в город.

Филу стало не по себе от собственного поступка. Он не знал, как это исправить, и продолжал смотреть вслед несчастной семье. Внутри всё неприятно сжалось.

– Вот дерьмо, – пробормотал Фил и двинулся к воротам.

Командир велел страже продолжать проверку и отошёл с Грэгом в сторону.

– Так, Грэгори, больше никаких драк. Я давно тебя не видел. Не знаю, в курсе ли ты, но в королевстве творится полная неразбериха: участились непонятные набеги, случаи беспричинного насилия, убийства, даже слухи об эльфах пошли. Короли снова делят власть. Время неспокойное.

– Ты же знаешь, Чарлоз, война, игры верхов, вся эта дичь меня не заботит. Я за мир, – Грэг пожал плечами.

– Проблемы есть проблемы. Они касаются всех и должны заботить каждого. Но всё же добро пожаловать в город.

– Благодарю, мы будем аккуратны. Не хворай, командир!

Грэг ловко сунул пару золотых монет в нагрудный карман Чарлоза и вернулся к Филу.

– Вот видишь, я оплатил наш проход. Эти деньги пойдут в казну на благо общества, – заявил Грэг и, довольный своей правотой, направился ко входу.

– Они пойдут твоему другу за бутылкой, – проронил Фил.

– Вот ты пессимист. Ты видел, как он устал? Пусть отдохнёт – тогда и город будет защищать лучше. Все в выигрыше. И вообще, нечего было затевать эту драку.

– Ты прав. Я правда не хотел ломать тому мужику руку.

– Да зарастёт, наверное.

Глава 3
Город дорог

Холмград не тратил время на долгие приветствия: стоило переступить его порог, как город раскрывал перед путниками бескрайние, густонаселённые улицы. Глаза терялись в обилии цветных вывесок: на каждом углу их могло висеть с десяток. Некоторые лепились друг к другу так тесно, что напоминали стаю голодных птенцов, тянущихся за вниманием прохожих. Заведения, чья слава и без того разносилась по всему городу, стремились увешать вывесками весь фасад.

«Желаешь работу и драгоценные камни?» – гласила надпись под изображением крепкого гнома в кожаном фартуке: одной рукой он держал молоток, другой указывал на россыпь драгоценных камней. Вывеска принадлежала сети мастерских по изготовлению домашней утвари «Холмстрой».

Дальше шли приглашения отведать блюда на крышах уютных таверн, вывески лавок с диковинами со всех краёв света и кузниц, битком набитых доспехами на любой вкус и цвет. Повсюду висели афиши концертов экстравагантных артистов, бардов и цирковых трупп. Между ними – просьбы о пожертвованиях: не только для раненых и голодных, но и для вымирающих видов животных, даже тех, что на первый

взгляд казались чудовищами.

«Помогите сохранить популяцию» – гласила одна из таких надписей рядом с изображением одноглазого горного тролля. У него были огромные, непропорциональные руки, пугающие шипастые наросты, тянущиеся от плеч к ладоням, и единственный глаз в центре лба. Ни белка, ни чёткого зрачка – только кислотно-зелёная радужка, заполнившая всю глазницу. Фил и представить не мог, что кого-то волнует судьба таких громил. Он задержал взгляд на иллюстрации, ожидая пояснений. Грэг быстро отвёл его внимание и объяснил всё в двух словах: обычная уловка, чтобы содрать золото с наивных богачей.

Движение города не умолкало, складываясь в единый живой организм. Горожане, спешившие по делам, удивительно гармонировали с украшенными каретами, тележками с товарами, домашними животными и, разумеется, городскими скренами, давно научившимися сосуществовать с жителями больших и малых кварталов.

В каждом переулке можно было встретить парочку грызущихся скренов. Местные считали их естественной системой переработки отходов и без сомнений выбрасывали мясные объедки в пустые проулки. Сорок лет назад люди стали злоупотреблять этим, отправляя на улицы не только еду, но и прочий мусор. Он заполнял отдалённые от центра районы, превращая их в настоящие помойки.

Правительство Дэнрода долго игнорировало проблему,

пока скрены не начали устраивать жилища среди несъедобных отходов. Там они беспорядочно множились и собирались в стаи. Никаких мер не принимали, пока город не охватила нешуточная борьба с расплодившимися зубастыми соседями. Скрены осмелели: они врывались в дома, особенно по утрам, во время завтрака, пробираясь через балконы и окна. Действовали почти слаженно: одни сеяли хаос, пока другие опустошали кладовые и сметали еду со всех полок. А ещё ради забавы постоянно донимали собак и кошек.

Всё закончилось масштабной очисткой города, которую с тех пор проводят ежегодно для профилактики. Очевидно, нужно было что-то решать и с самой популяцией скренов, поэтому после массового отлова большую часть вредителей вывезли на острова, богатые фруктами.

Не представляя, как вообще можно ориентироваться в этих каменных джунглях, Фил молча шёл за Грэгом. Они свернули за очередной угол и оказались в месте куда спокойнее: вместо вывесок появились нависающие изгороди и местами клубящиеся цветы. Зелёный квартал местные символично называли Древесным. Он показался Филу теплее и уютнее, хотя народу здесь по-прежнему хватало. Грэг, на удивление, говорил мало. Вероятно, из-за подступающего голода он не хотел тратить ни сил, ни времени и упрямо продвигался к своему любимому месту.

«Трактир Две Вишни» – гласила надпись над светлой деревянной дверью. На первом этаже Грэг задерживаться не

стал и сразу повёл Фила на лоджию второго этажа, откуда открывался вид на необычный облик Холмграда. Навалившаяся усталость наконец дала о себе знать: они тяжело выдохнули и рухнули на стулья.

– Смотрю, ты немного в растерянности. Холмград – это отдельный мир, не зря же столица всех королевств, – заметил Грэг.

– Это да… Я совершенно не привык к такому. Голова кружится, в ушах звенит и гудит. – Фил провёл рукой по лбу. – И ещё этот мужик у ворот. Наверное, нехорошо вышло, что его прогнали. И руку ему жалко. У него ведь семья, я ему жизнь испортил.

– Воу-воу, полегче. Ты всё об этом думаешь. Да брось ты, не будь так строг к себе. Он сам достал нож и бросил вызов. Нужно думать головой!

– Думать о том, что я могу сломать ему локоть? – с сомнением спросил Фил.

– Если ввязываешься в драку, будь готов отвечать за свои действия. Какая бы ни была ситуация, думать нужно о возможных последствиях. И в конце концов… ты что, никому руки не ломал?

– Да при чём здесь это? Важно, кому именно ломаешь, ведь так? – возразил Фил.

– Ой, драматизируешь. Если больше не хочешь так делать, так не делай. Бессмысленно жалеть себя. – Грэг повернулся к перилам и заглянул вниз, на улицу.

– Не жалость это, а осуждение. Так я смогу чему-то научиться, – ответил Фил.

– Хорошо, убедил. Теперь и я тебя осуждаю. Давай лучше подумаем, что есть будем.

Едва Грэг договорил, как к лицу Фила почти вплотную приблизилась высокая роккунка с большими золотыми глазами. Голову венчала причёска из множества кос, собранных в тугой узел и щедро украшенных кольцами, монетами, пёстрыми повязками и цветными побрякушками.

Помимо выразительных глаз и высокого лба, роккунов отличали яркая кожа и крошечный – а порой и вовсе отсутствующий – нос. У этой роккунки кожа отливала светло-бордовым, а вместо носа виднелись две острые ноздри.

– Ну, а ты кто такой? Твоё лицо мне незнакомо. Решил связаться с нашим Грэгори, хм… – Она пристально окинула его взглядом, задержавшись на лысой голове и смущённых от неожиданности глазах. – Занятный. И лысый, значит.

– Не пугай, Ханна. Он тут новенький, зовут Фил, – с улыбкой сказал Грэг.

– Кто пугает, я? Никогда бы не стала пугать кого-то перед едой. Зови меня Вишня, пупсик. Чувствуй себя как дома. Свободной койки не осталось, но могу уступить свою.

– А вот это уже звучит как угроза, – хмыкнул Грэг.

Роккунка опёрлась на край стола и плавно повернулась к горгулье.

– Давно и тебя не видела, дорогуша. Ты что это, предал

свой любимый вишнёвый пирог? Если узнаю, что ты ходил к этому слизняку из «Дикой рюмки», отберу мечи и повешу над барной стойкой.

– Никогда в жизни не променяю ваши куриные сердечки даже на сотню рюмок лучшей настойки. Клянусь языком и желудком.

Тонкие зрачки в её глазницах сместились в сторону Фила, заставив его слегка вздрогнуть.

– Ты не местный, значит. Откуда такой появился?

Ханна продолжала смотреть на Грэга, косясь на Фила.

– Я из Ховертона, мисс Вишня. Южные земли, там, за хребтом.

– Знаю, знаю. Мы с Луллой любим путешествовать. Прежде чем открыть «Вишнёвый пирог», объездили сотни мест в этом королевстве. Я хотела жить в Даагласе и любоваться их смешными крышами – ты бы их видел, Грэг, как сладкие сырные ватрушки.

– Кстати о сладком: мы бы взяли парочку пирогов. Точнее, шесть. И всех вкусов, пожалуйста, – произнёс Грэг, уже сглатывая слюну.

– Тебе вечно лишь бы поесть. Ух, ладно. Значит, сердечки, шесть пирогов и пару картофелин положу. Эль классический или с сиропом?

– Мне чай. Пожалуйста, Вишня, – поправил её Фил.

– Ха, чай. Тогда мне эль с сиропом, только щепотку, – подытожил заказ Грэг.

Из двери показалась Лулла – родная сестра Ханны, с ещё большими глазами и волосами, собранными в высокий тугой хвост, доходивший до ягодиц. В отличие от сестры, у Луллы торчал крохотный нос, а кожа отливала ярко-голубым.

В таверне, как и на улицах, царил сумбур из гостей самых разных народов, но здесь было ещё шумнее: большинство гостей сильно перебрали. Лулла обходила столики, попутно успевая собирать заказы без пометок в блокноте, поправлять стулья за только что вставшими гостями и отвечать на вопросы назойливых компаний.

– Ханна, ты мне нужна на кухне. Ты чего так долго? О, привет, Грэг, мы уж думали, ты нас на рюмки променял. А это кто с тобой?

Не дав Филу ответить, Ханна рассказала всё за него.

– Поняла, поняла. Давай поживее – я уже давно могла бы обслужить пятый, седьмой и десятый столики. Потом поболтаете, в городе от приезжих не протолкнуться. Кстати, Грэг, к тебе дело есть, но сперва поешьте. Обсудим потом. Удобной трапезы, господа.

Сёстры отличались друг от друга: Ханна говорила сдержанно и вдумчиво, тогда как Лулла не переставала торопить весь мир вокруг себя. На центральной улице без такого навыка вряд ли получилось бы удержать заведение. Мало того, что половину выручки забирал высокий налог за ключевое расположение, так ещё и требовалось обслуживать нескончаемый поток гостей всевозможных рас и народов. Сёстры

знали три языка и без труда ориентировались в пяти диалектах всеобщего, мастерски жонглируя ими в разговоре. Обычно владельцы подобных мест держали при себе книгу для заказов, а сёстры обходились памятью и с поразительной точностью запоминали, что и к какому столу нужно принести.

Ещё до захода солнца улицы зажглись яркими огнями ночного города. У каждого дома стояли высокие фонари – их зажигали незадолго до сумерек. Хозяева домов, трактиров и прилавков зажигали и собственные светильники: одни старались привлечь новых клиентов, другие – подчеркнуть красоту жилища. Светильники наполняли улицы живым дыханием вечерней жизни.

– Красиво, не правда ли? – заметил Грэг, окинув взглядом сияющие улицы. – Не думаю, что когда-нибудь купил бы здесь дом. И всё же красиво. Наверное, я просто ещё не определился, где мне больше по нраву пустить корни. Не знаю, что должно произойти, чтобы я назвал какое-то место своим. И всё же есть тут своя особая атмосфера.

– У тебя нет дома, Грэг? Я вообще мало знаю о горгульях, но, глядя на твои мечи и кошелёк, решил, что у тебя есть возможность купить хотя бы комнату.

– Как понять, что место, где ты вырос или живёшь, действительно твой дом? Особенно если для тебя важно не просто удобство, а правильное ощущение: чтобы место было именно твоим. Я считаю так: пока везде не поживёшь, никогда не узнаешь, как может быть по-другому.

Грэг выдержал паузу, а затем спросил:

– Сам-то что? Будешь и дальше строить из себя потерянного или прояснишь хоть немного?

Фил провёл рукой по лысой голове и, глядя на ладонь, задумался о том, какая гладкая у него кожа.

– Я даже не знаю, с чего начать, – ответил Фил. – У меня и жизни-то толком не было. Сколько себя помню, я всегда был в поиске. Наконец вроде получилось что-то изменить. Теперь начинаю с нуля и хочу верить: дальше будет по-другому… по-новому.

– Значит, можно поздравить тебя с днём рождения! Если начинаешь с нуля, стоит это отметить. Главное – завтра добраться до мистера Хэрста: он подкинет работёнку, а там, глядишь, на ноги встанешь, заработаешь на штаны, может, даже на пару трусов.

– Кто этот Хэрст?

– У него всяких дел полно. Большая часть – лютый криминал, конечно, но есть и серая движуха. Не переживай, больно никому делать не придётся… надеюсь, – Грэг на миг опустил взгляд. – В любом случае платит он знатно – тебе, у которого и штанов-то своих нет, в самый раз.

– Ладно, посмотрим на твоего мистера Хэрста.

Ноздри горгульи зашевелились, глаза широко раскрылись, живот громко заурчал – и это значило только одно: куриные сердечки в сливках и шесть пирогов с разными начинками. На столе не осталось свободного места даже для кро-

хотной рюмки, поэтому кружку с элем и чашку облепихового чая пришлось поставить прямо на перила. Грэг налетел на сердечки, закидывая их в рот одно за другим. Следом пошёл картофель, а всё это он запил холодным элем.

Фил прежде не испытывал наслаждения от вкуса еды, поэтому пробовал всё осторожно, не спеша, по очереди. Начал с отварной картошки – и она показалась ему невероятным блюдом, даром свыше, пока он не попробовал куриные лакомства. Он заморгал чаще и на мгновение застыл, пытаясь осознать всю прелесть разных вкусов. Облепиха источала такой пряный аромат, что даже один запах наполнял его удовольствием.

– Проклятье, как это вкусно! – с набитым ртом вымолвил Фил.

– Ох, дружище, пироги попробуй.

На столе ждали шоколадный пирог, пироги с голубикой, малиной, персиком и сладким сыром, а также фирменный – с секретным ингредиентом. Грэг не скупился на сладкое: перепробовав огромное количество десертов, он считал себя знатоком в этом деле. Фил же, не имея сил остановиться, тянулся за новым куском раньше, чем успевал прожевать прежний, и всё сильнее желал, чтобы этот ужин никогда не заканчивался. Любой из этих пирогов мог бы получить награду за лучшее исполнение роли выпечки у него во рту.

Когда последняя крошка была съедена, а напитки допиты, им оставалось только держаться за раздутые животы.

– И часто ты так? Боги Хаоса, кажется, это лучший момент в моей жизни. – Фил отодвинулся от стола и вытянул одну ногу, чтобы стало легче.

– Вообще, не так часто, как хотелось бы. Всего раз или два в день. Но, к сожалению, не везде так вкусно кормят. Скажи честно, ты вчера родился, да?

– Да я сейчас сам рожу. Мой живот никогда не был таким большим.

В какой-то момент Фил почувствовал, что голова кружится от переизбытка еды.

– Ты, кстати, в курсе, почему говорят «удобной трапезы»? – спросил Грэг.

– Конечно, это пожелание. Как «тихой ночи», – ответил Фил. Эта мысль немного отвлекла его и вернула к реальности.

– Это само собой. Я говорю о происхождении этих слов. – Выковыривая когтём ошмётки пирога из миски, Грэг жестом показал Лулле, что хочет ещё эля. – Так вот. Когда люди были кочевым народом, есть приходилось где попало. Немногие имели свои дома, и все к этому стремились. Обедать за столом, а не на лысых камнях. Удобно.

– Как насчёт «хорошего аппетита»? Лучше бы так говорили, – подметил Фил.

– Непривычно, однако тоже неплохо, – добавил Грэг.

Тем временем улицы пустели. Витрины закрывались, лавки затягивали плотными навесами, на дверях заведений по-

являлись таблички «закрыто», а стальные замки щёлкали, запирая двери. Довольные покупатели медленно расходились по домам, волоча за собой счастливых детей, сияющих новыми игрушками.

Рыжий мальчишка тянул за собой верёвку, к которой был привязан деревянный поезд с пятью вагонами. На каждом вагоне красовался герб одного из королевств – вместе они символизировали единство города.

С соседней улицы неожиданно вырвалась троица скренов, а следом за ними со всех лап мчался пушистый серый пёс. Судя по яростному рывку, мохнатый охотник затаил серьёзную обиду и уже не разбирал дороги. Мелкие пакостники легко перепрыгнули через игрушечный поезд мальчика, но их разгорячённый преследователь повторить трюк не сумел. Густая шерсть взметнулась, на миг открыв тёмные глаза, и в следующий момент пёс влетел в два крайних вагона. Перевернувшись через голову, он нелепо приземлился на задние лапы и застыл, ошарашенный собственным полётом.

Расстроенный мальчик, не выпуская верёвку с уцелевшими частями поезда, бросился следом. В одно мгновение пёс забыл о скренах и сам оказался жертвой преследования: теперь за ним гнался мальчишка, рыдая и вопя так, что эхо катилось по всей улице. Неуклюжие скачки пса сеяли новый хаос. Он сбил с ног двух грузчиков, занятых погрузкой телеги, запутался в поводке крошечной собачки пожилой пары и поволок её за собой, а напоследок спугнул компанию подвы-

пивших гуляк – те с воплями рассыпались по краям улицы.

Наконец родители мальчика – оба с волосами того же огненно-рыжего оттенка – перехватили своё чадо и, присев рядом, принялись его успокаивать. За этим маленьким спектаклем было невозможно наблюдать без улыбки: город снова напоминал, что даже самые короткие сцены здесь могут обернуться настоящим представлением.

– Что ж, это было увлекательно. Зачем ходить на шоу и в театры, когда есть места в первом ряду «Вишнёвого пирога»? – Грэг с довольным видом и слегка прикрытыми глазами широко потянулся. – Надо бы спускаться к сёстрам, они хотели перетереть о чём-то.

Грэг выставил ногу в проход между столиками и замер.

– О-оу, кажется, я теперь состою из одних пирогов. Проклятье, я не могу встать.

– Ха-ха. В этом я тебя точно понимаю. Да уж, спасибо за ужин, Грэг. Нет, правда, просто спасибо тебе.

Горгулья кивнул в ответ и, собрав остатки сил, поднялся, опираясь на стол и спинку стула. Объевшиеся до отвала и в приподнятом настроении, они неторопливо тащили свои отяжелевшие тела, держась за резные перила лоджии. У двери они ещё немного постояли, любуясь сквером, открывшимся с другой стороны. Там, среди тёмной зелени, отдыхали горожане, а рядом мерцала манящая витрина: за тонким стеклом лениво кружили светляки, которых хозяин посадил туда, чтобы по ночам привлекать взгляды прохожих.

Когда еда немного улеглась и последние посетители спустились вниз, Грэг и Фил нехотя покинули лоджию.

После закрытия оставаться в заведении можно было только в общем зале и только тем, кто снимал комнаты. Четыре небольшие, но уютные и чистые спальни сдавались исключительно на долгий срок и лишь проверенным постояльцам, которых сёстры знали уже не первый год.

Завести с ними дружбу было непросто: своевольный и дерзкий нрав Луллы и Ханны притягивал бывалых воинов и странников. Но при всём своём задоре сёстры тщательно выбирали жильцов. Важно было не только вовремя вносить плату за постой, но и уметь держаться прилично в любом состоянии.

Кроме того, через доверенных лиц они узнавали историю будущих соседей. Для сестёр важна была не безупречная репутация, а верность слову, долгу и чести. Драки, грубость или, тем более, ссоры с Ханной – а уж с Луллой и подавно – были недопустимы.

Зато своим любимцам сёстры щедро дарили заботу: сухие комнаты с узорчатыми наволочками, самые вкусные сладости из южного удела и лучший эль во всём Древесном квартале. За долгие годы такого гостеприимства постояльцы стали негласной охраной заведения: защищали его и от буйных посетителей, и от городских банд, мечтавших урвать себе долю прибыли.

Ханна обернулась к лестнице, когда на ней показались

Грэг с Филом.

– Животы повисли, ха-ха. Филли, поди, никогда не пробовал таких пирогов. Присаживайтесь, к вам разговор есть. Сейчас только Лулла закончит на кухне.

– Не стоит, мы, пожалуй, постоим. На заднице уже вмятины остались, – ответил Грэг.

Помимо них, в зале оставалось ещё четыре человека. Фил оглядывал опустевшее помещение, которое после ухода толпы казалось куда просторнее.

– Кто эти люди? Они тоже в деле? – спросил он, задержав взгляд на одном из них.

– Они всегда при делах, но это дело их не касается, – отозвалась Ханна.

Её ладонь скользила по деревянному столу; кольцо из жёлтого минерала на среднем пальце задевало гладкую поверхность и издавало тихий скрежет.

– Те, кто здесь, – наши любимчики. Живут они тут. Периодически, – сказала Ханна.

Постояльцы, следуя давно отработанной привычке, расселись по своим укромным уголкам.

Ханна опёрлась на локти и наклонилась к Филу.

– Вон тот, с большой косой и татуировками. Его зовут Авок. Племя джумбадри не любит людей из Монумента Пяти – считает их захватчиками и агрессорами. Всё не может отпустить прошлое. – Ханна подалась к Филу ещё ближе. – Их прогнали. Кто не ушёл, того убили. Поэтому джумбадри

живут на островах, где продолжают молиться богам Стихий.

– И чего же тогда Авок здесь? – спросил Фил, не отрывая от него взгляда.

– Авок не из таких. Богов он не любит. Нет, – Ханна покачала головой.

– Каких именно богов? – спросил Фил.

– Да всех сразу. Уверена, он жаждет встречи с ними. Не слышала, чтобы на нашем веку люди убивали богов, но если такое произойдёт, думаю, не без помощи Авока.

У Фила были мысли насчёт богов, и он охотно ими поделился:

– По мне, богов переоценивают. Они такие же, как все, и не заслужили такого внимания. У эльфов есть бессмертие, у чудовищ – великая сила. Соедини то и другое – получится бог.

– Животное не творит, – угрюмо отозвался Авок с самого крайнего столика.

– Смотря что иметь в виду под этим словом, – вставил Грэг.

Ханна знала, во что может вылиться этот разговор, и заговорила чуть громче:

– Как бы то ни было, мы благодарны свету за жизнь, тьме – за окончание, а боги только резвились в лучах великой силы. – Она скорчила гримасу, будто просила не развивать эту тему. – В нашей таверне богам не рады, а Авоку рады. Прошу, не будем поднимать это в который раз.

– Как… – Грэг рыгнул. – Скажешь.

– А тот фермер с бутылкой у стены? – продолжил Фил.

– Ты что это, с проверкой к нам явился? – с нервным смешком спросила Ханна.

– Да что вы. Я так. Мне всё интересно.

Ханна громко хмыкнула.

– Соломенный Джак. Он не местный, и ты не поверишь – из Доэдраса. Хотя, если бы не цвет волос, сходства вообще не увидать. Владел кукурузными полями к северу от стены и, что самое главное, больше десяти лет был чемпионом кулачных боёв. С его-то ростом и шириной – как тут не станешь чемпионом? – Она задержала на нём взгляд, а затем вернулась к Филу. – Проиграл он свои поля, но удар всё ещё держит. У нас тут все со своими историями. Не поделишься своей?

Всё тот же вопрос заставил Фила вновь напрячься. Желание поделиться своим прошлым хоть с кем-нибудь уже начинало пробиваться сквозь затвердевший панцирь страхов и неприятных воспоминаний.

– Я-я-я… – протянул Фил.

– У него такое было там – как говорится, без рюмки не расскажешь, – сказал Грэг, почему-то выручая его и откладывая щекотливую тему на потом.

– Ну, что-то же можно сказать, – заметила Ханна.

Стук распахнутой двери прервал их беседу. Лулла вошла, на ходу вытирая мокрые руки о шёлковый фартук и бормоча

под нос дела на завтра:

– Свиные рёбра заказать, купить Джаку новую кровать, тараканов травить… И ещё картошка, нужно больше картошки – сезон скоро закончится. Я его убью, если не заплатит за сломанную кровать, мне точно не до этого сейчас было. Эй, Джак! Завтра сходи-ка, приведи мне столяра Самсона. Я ему эля налью, пусть только сам придёт. Не корчи мне рожи, два раза повторять не стану.

– О-оу, похоже, Джаку придётся отдать свой титул новому чемпиону, – усмехнулся Грэг.

– Грэг, ты тут, славно-славно. Есть дело. Но сначала – как вам пироги?

– Это было потрясающе, очень вкусно, очень сочно. Я был вне себя от счастья. Родился заново, – восторженно произнёс Фил.

– О-ой, какие слова, Филли. Напомни, ты откуда у нас взялся такой? – смущённо спросила Лулла.

– Ховертон, за хребтом, – ответил Фил и тут же слегка осунулся.

– Надо бы наведаться туда вновь. Видно, хоть где-то у людей ещё остались манеры. Люблю, когда нашу стряпню оценивают по достоинству.

– Эй! Да ваша еда очешуенная, я вам вечно это твержу, – сказал Грэг.

Лулла с улыбкой звонко цыкнула и вернулась к делу.

– Короче, Грэг. Ты ещё помнишь Густара? Седой старик

на конце Косого рынка. Он просил о помощи – дело личное, ему нужно доверенное лицо. Тебе я точно могу доверять. Сходи-ка к нему. Ты ведь знаешь, откуда он. Они редко о чём-то просят.

Медленно, но уверенно к барной стойке продвигался главный местный выпивала – человек, на чью долю приходилась добрая часть барной выручки. Разумеется, он был не единственным, кто мог влить в себя немыслимые литры настоек и крепчайшего эля. Но именно вокруг него сходилось столько нитей – от пустяковых разговоров до действительно важных поводов, – что для сестёр он был и оставался редким, ценным завсегдатаем. Тёмная кожа и короткие ярко-красные волосы безошибочно выдавали в нём истинного халшана.

– И что ты там у них просишь? Я тебе… ты ведь… ты в курсе, мне нужны деньги. – Слова вылетали из его рта потоком, вперемешку с густым ароматом заплесневевшего сыра и двух с половиной литров фруктового алкоголя. – Лулла! Это в твоих интересах. Я всё равно их тут пропью, а горгулья – что? Что с него-то? Ты его награды не увидишь, – закончил мужчина, ткнув пальцем в Грэга.

– Дело не в твоём алкоголизме, Хаир, – с ходу ответила Лулла.

В её голосе послышались серьёзные нотки. У сестёр была целая градация тембров на все случаи жизни. Мало кто видел их по-настоящему яростными, и этот случай никак нельзя было назвать чем-то необычным. За долгие годы они на-

учились общаться с гостями в любом состоянии.

– И меня зовут Грэг. Советую не тыкать в меня.

– Не нарывайся, горгулья, – отмахнулся от него Хаир, но тут же поправился: – Не нарывайся, Грэг.

Ханна обогнула стойку и, подойдя к Хаиру, схватила его за локти.

– Хаир Кара Луи. Давай ты пойдёшь и отдохнёшь. Мы тебя не звали, ты сам подошёл.

– А что, а мне что, нельзя к вам подойти? Я тут вам плачу. За что плачу-то? – Лицо Хаира перекосило от застарелой обиды на весь свет.

– Нам не нравится, когда ты такой, – с нажимом сказала Ханна.

– Да отстань ты, Ханна! – Хаир отдёрнулся от неё. – Я устал уже от твоих пониманий. Мало что ты там поняла. Не делай вид, что понимаешь меня.

– Непонятный наш, иди прогуляйся, – Лулла указала ему на дверь.

Вены на его лбу вздулись сильнее обычного. Лицо покрывали шрамы и свежие шишки, а долгий запой оставил отёк, слегка сгладивший иссохшую от токсинов кожу. Скрючив ещё более недовольную гримасу, Хаир хотел было двинуть Грэга, но промахнулся и ловко проскользнул между ним и Филом. Сделав вид, что так и было задумано, он задержался у стойки и, гремя посудой, схватил полупустой графин рома.

Ханна и Лулла вскрикнули почти хором:

– Хаир! Положи! Это хрусталь из Даагласа!

Сёстры замерли, пока Хаир яростно уничтожал содержимое графина.

– Боги с тобой, допей уже и положи обратно. Кишки вырву – не разбей его! – сказала Лулла, уже куда яростнее прежнего.

– А я ведь считала вас всех любимцами, почти роднёй… А ты, эх, Хаир, Хаир.

Ханна подошла к углу стола, где стоял Хаир, и терпеливо выждала, пока он не вытянет из графина последнюю каплю рома – напитка, который тоже был недешёвым. Разумеется, сам ром всё же был не столь ценен для них, как стеклянный графин.

– Ты… – вытирая рот, начал Хаир. – Ты не бойся, я всё заплачу. И за ром, и за графин, и платьишко тебе куплю. Всё, что захочешь.

– Живо пошёл гулять и не возвращайся, пока не протрезвеешь, – настаивала Лулла.

Ханна придерживала Хаира за руку, другой держа графин. Казалось, он не мог ослабить хватку: стоило разжать пальцы, и он тут же рухнул бы. Осторожно, по одному, она разжала его пальцы и наконец освободила стеклянный сосуд.

– Не устраивай сцен, – тихо, но твёрдо сказала Ханна. – Здесь тебе никто не враг, так что не ищи неприятностей.

Отпустив его, она позволила ему самому отступить. Хаир медленно, неотвратимо откатился назад, пока спиной не

упёрся в деревянную балку. Глухо выдохнув, он дёрнул пиджак, пытаясь хоть немного привести себя в порядок, и поднял на окружающих заплывшие глаза.

– Вы. Все. Идите к тьме.

Не проронив больше ни слова, Хаир, покачиваясь, добрёл до двери, выбил её плечом и вывалился на улицы Холмграда. Когда стало ясно, что конфликт исчерпан, постояльцы таверны медленно убрали руки с рукоятей мечей и снова растворились в своих делах.

Как долго он блуждал по улицам – никто не знал, да и сам Хаир никогда бы не вспомнил. Первое подобие ясной мысли пришло только тогда, когда он упёрся лицом в стекло прилавка. Изо рта торчала размокшая от слюны папироса.

Наваливаясь всем весом то на одну ногу, то на другую, он кренился из стороны в сторону, точно корабль без руля: то носом в волну, то кормой под удар ветра. Он прислонился к очередному столбу, прижавшись грудью к шершавой поверхности, глубоко затянулся и щелчком отправил дотлевшую папиросу в лужу.

С той же лёгкостью, с какой он выбросил папиросу, Хаир раз за разом швырял прочь собственное достоинство. Падение длилось куда дольше одного мига, но теперь каждый позорный шаг сошёлся в один мутный провал. Храбрый воин Халшана обернулся жалкой уличной пьянью.

Пот стекал по лицу ручьями. Усталость была не главным источником липкой влаги: организм отчаянно выплёвывал

из себя огромные запасы ядов, которые Хаир копил последнее время с пугающей страстью.

Не понимая, где он и как сюда добрался, Хаир тщетно пытался найти хоть какой-то ориентир, но у самой стены это было невозможно. Тогда он выпятил грудь, отвёл руки назад и двинулся к середине улицы. Его походка напоминала козла, впервые решившего пройтись на двух ногах.

Военное ремесло затягивает в себя множество бравых умов. Им недостаточно просто вернуться, чтобы перестать причинять боль, даже если когда-то эта боль служила благой цели. Возвращаясь к мирной жизни, они всё ещё несут внутри разрушение, которое порой удаётся заглушить только новым разрушением – тем, что тянет их к нескончаемому самобичеванию.

Сделав пару шагов, Хаир согнулся вперёд. Под левой лопаткой вспыхнула острая, режущая боль – точно охотничья стрела прошила его насквозь. Он зашипел, хватаясь за любые выступающие поверхности, лишь бы удержаться на ногах.

Наконец, оказавшись на перекрёстке, Хаир встал столбом и уставился в каменную плитку под ногами. Затем медленно поднял взгляд к небу. Слегка потеряв равновесие, он снова двинулся вперёд своей нелепой козлиной походкой. Боль под лопаткой полоснула по всей спине, заставив его судорожно разогнуться. Рот распахнулся в беззвучном стоне.

Тьма сомкнулась. Перед глазами всё потемнело, разум от-

ключился.

Он остался наедине с болью – в том мутном провале, где пробуждение не приносит просветления, а желание ощущать реальность исчезает вовсе.

После новой череды блужданий и ползаний по улочкам Хаир пришёл в себя уже на белой дороге, ведущей к музею нового искусства. Гладкая, чистая поверхность никак не сочеталась с пьяницей, растянувшимся на ней лицом вниз. Кровь текла изо рта и рассечённой брови. Белая каменная гладь почудилась ему мягкой постелью, и он без раздумий рухнул на неё плашмя.

Извиваясь, точно червяк, размазанный по плитке, он ворочался, цепляясь за последние крохи силы и рассудка. Перед глазами раз за разом сгущалась тьма. Белая дорога была выложена гранёными плитами, разделёнными тонкими тёмными линиями. Светлые квадраты мигали перед глазами, мешая ему сфокусироваться.

Глаза Хаира распахнулись, когда его скрутило рвотным спазмом. Он встал на колени – и вместо алкоголя изо рта хлынула густая кровь. Длилось это недолго, но испугало его до онемения. Схватив себя за щёки, Хаир уставился в пустоту, сгущавшуюся вокруг и обволакивавшую его со всех сторон.

Тонкая чёрная полоска вертелась прямо у него под носом. Заворожённый её странными изгибами, Хаир терялся в догадках: действительно ли он видит это или окончательно ли-

шился рассудка? Он несколько раз протёр глаза, щурясь и пытаясь собрать разбегающиеся мысли воедино.

Что это такое?

Проследив за её движением, он заметил, что полоска тянется по земле и заканчивается прямо у него на животе. От испуга Хаир вцепился в себя обеими руками и судорожно принялся ощупывать тело в поисках источника. Полоска толстела, превращаясь во вращающийся отросток. Схватив его у основания, Хаир рывком дёрнул – и почувствовал, как внутри рвутся органы. На этот раз крик вырвался громко и пронзительно.

Он не вырвал чёрную дрянь – только вытянул её корневище. Чёрный побег, извиваясь и корчась, зашевелился ещё яростнее. Хаир вскинул руки и застыл в полном недоумении, ожидая худшего. Чёрная масса неторопливо вытянула из его живота всё, что оставалось внутри, перекатилась по белой плитке и полностью выбралась наружу.

Хаир перевернулся на бок и попытался уползти прочь; каждое малейшее движение пожирало остатки сил. Он едва шевелился – боль разрывала его изнутри. Но долго мучиться ему не пришлось: он сумел проползти всего на одну плитку, после чего отхаркнул сгусток крови… и замер.

– Понял, принял, обработал. Пошли, Фил, у нас есть первое дело, – сказал Грэг, сверкнув клыкастой улыбкой. Он хлопнул по ладоням Ханны и Луллы, после чего они покинули любимую таверну.

Ночью ориентироваться в городе было непросто: стоило сделать лишний шаг за пределы центральной улицы – и ты сразу попадал в дорожный лабиринт, ветвящийся в самых разных направлениях. В районе Дэнрода отчётливо проступало расслоение общества: достаточно было сделать несколько поворотов, чтобы увидеть разницу. Чистые улочки под мягким светом вечерних фонарей то и дело сменялись грязными, неухоженными жилыми массивами. Некоторые из них даже огородили решётками с разрешения городского совета. Обеспеченные купцы страшились за своё имущество и много циклов добивались права закрыть входы в свои кварталы. Само разделение улиц злило простых работяг, поэтому многие железные калитки были выбиты с петель или сильно оттянуты.

Вдоль великих защитных стен тянулись преимущественно спальные районы – их выдавали отсутствие лишнего света и полное безлюдье на дорогах. Очередной поворот направо уводил к местам для утоления плотских желаний: повсюду девушки и мужчины зазывали прохожих в бордели, а широкие вывески с фиолетовой пометкой обещали невиданный выбор представителей рас из дальних земель.

До дома старика путь был неблизким. Пройдя через половину района и сделав небольшой крюк, Грэг с Филом наконец выбрались к Косому рынку Дэнрода.

– И вот ты понимаешь, я ей семь раз сказал: не трогай меня! – возмущался Грэг. – Откуда мне знать, какие мандавош-

ки в ней скрываются? Не болеет она – спасибо, проверять не хочется. В итоге потом ещё пришлось её успокаивать, ты представляешь! Мне что, делать больше нечего? Где написано, что я работаю носовым платком для блудниц? У меня рога не для того, чтобы на них опираться.

– У тебя же нет рогов, – подметил Фил, взглянув на его голову.

– Да ты понял. В общем, теперь я хожу в обход: лучше круг дать, чем ещё раз такое повторится.

– Ты сам с ними заговариваешь, вот они и пристают.

– Да они и немого достанут, точно тебе говорю. – Грэг сбавил шаг. – Я вот что про старика скажу. Честно говоря, мы с ним не знакомы – он не всегда тут жил. Переехал из другой части города, а судя по вечно хмурым бровям, родом он прямиком из Гронгана. Они там вечно чем-то недовольны. Уж больно суровые. Зато как кричат боевые кличи – мурашки по коже.

– Да, гронганцы – хороший народ. Видел их в бою: отважные и стойкие, как камень, – с уважением в голосе сказал Фил.

– И столь же упёртые, – отрезал Грэг, кивнув вперёд. – Вот его дом, если не путаю. Да, смотри – вон метка Гронгана.

На стене красовалось знамя с двумя перекрещёнными рогами. Судя по стёртой краске, хозяин не обновлял его очень давно. Грэг забрался на бочку и заглянул в тёмное окно.

– Надеюсь, он там не помер. Пылища – ужас, какой бардак.

Ладно, стучи в дверь.

На первый стук никто не отозвался – как и на второй, и на последующие. Выждав короткую паузу, Грэг уже собрался постучать сам и занёс кулак. Но дверь распахнулась раньше, чем он успел коснуться дерева. Удар пролетел по воздуху, и на пороге показался пожилой мужчина.

Возраст отразился на его осанке, однако в остальном старик был более чем здоров: широкие плечи и могучие руки говорили о том, что большую часть жизни он носил тяжёлую сталь. Суровый взгляд пронзал нежданных гостей насквозь.

– Кто вы? – бросил он.

– Э-эм, сёстры сказали, у вас дело есть. Для доверенных… – Грэг впервые за вечер растерял часть своей наглости и даже слегка повёл плечами, стараясь стоять прямее.

– Не уверен, что ты таким являешься, – оборвал его старик.

– Прямота – почитаемое качество в твоём народе, поэтому лукавить не стану. Если просят меня, значит, доверяют. Так что нам можно войти?

В словах старика, как в надвигающейся буре, слышалось глухое эхо. Он не переставая щурился, а густые тёмные брови напряжённо нависали над выступающими костями черепа. Бледная кожа, жёсткая неухоженная борода и бурая мантия выдавали в нём ремесленника из касты Гронгана.

– Проходите в гостиную. Я принесу воды. Из еды ничего нет.

– Грон. – Грэг давно мечтал произнести традиционное приветствие вслух и едва не улыбнулся, но всё же сумел сохранить серьёзное выражение лица.

Дом, будто застрявший в эпохе грубой обшивки, напоминал скорее карикатурный приют из мрачных сказок, нежели место, где могла царить добрая, жилая атмосфера городского жилища. Деревянные балки загромождали половину пространства у входа, а гостиная, судя по разрастанию мастерской, скоро тоже должна была стать её частью. Бруски, брёвна, десятки поленьев всех размеров и форм теснились вдоль стен; повсюду лежали опилки, собранные в кучки.

В одной из комнат виднелись длинные громоздкие луки – итог творческого беспорядка. Эти луки не пользовались спросом у охотников и редко встречались даже в военном строю. Слишком массивные и выше любого лучника в этом городе, они требовали необычайно сильных рук и цепкой хватки, чтобы удерживать их и натягивать тетиву из жил степных быков.

Помимо этого, один из шкафов был до отвала забит деревянными куклами. Слой пыли покрыл их с ног до головы, отчего игрушки стали похожи на маленьких безликих мертвецов. В какой-то момент работа здесь словно оборвалась на полуслове: на это указывал странный порядок инструментов. Большинство стояло на своих местах, выстроенное по величине, а пара одиноких молотков и остывшая миска с рагу были брошены на другой полке.

Вместо обшитого кожей дивана здесь стояли доски на пнях, закиданные шкурами хищных животных. Старик ясно дал понять, где гостям следует сесть: прямо указал пальцем на самодельную скамью возле камина. Сам он опустился на стул напротив, посмотрел сначала на Фила, затем на Грэга и заговорил:

– Вы должны привести мне юношу. Это мой сын. Его зовут Агой, сейчас он ждёт отправки на север.

– Ясно. И где он? – спросил Грэг.

– Казармы Сурдара. Он копейщик. Вы войдёте туда и приведёте его ко мне.

– План отличный, правда. – Грэг отпрянул назад и сцепил пальцы. – Без воды, всё как надо. Но можно немного подробнее? Дело вы предлагаете не из простых: казармы Сурдара хоть и стоят у пограничных стен, что нам на руку, но при этом Сурдар – даже не Кадар. Я не знаток ваших законов, знаю только одно: разбираться не будут. За вторжение в казарму попытаются убить на месте.

– Я дам вам это.

Пожилой мужчина достал из-за спины свёрток ткани и разложил его посреди стола. Перед ними оказался загнутый кинжал, похожий на маленький утолщённый серп. Рукоять золотистого цвета украшал тёмно-бордовый камень.

– Вещь ценная. Удивлён, что вы её предлагаете, – произнёс Грэг, рассматривая кинжал.

– Мне он больше ни к чему. Дам золото и лук по возвра-

щении. Можно два, правда, горгулье будет не по размеру.

Грэгу пришлось слегка пересилить себя, прежде чем задать следующий вопрос:

– Личный вопрос. Я был уверен: для гронганца пасть в бою – наивысшая честь. Что изменилось?

Старик перенёс вес тела на ноги и слегка наклонился вперёд. Пол под ним медленно, протяжно проскрипел.

– Этот разговор уже предательство. Мой народ такого не терпит – и я не терплю. Но двое моих сыновей мертвы. Приведите мне Агоя и получите своё золото. На этом с вопросами всё. Кинжал – ваш.

– Мы сделаем. Даём слово, – твёрдо и без лишних раздумий ответил Фил.

Отойдя от дома старика на соседнюю улицу, Грэг достал серповидное орудие и всё ещё не мог поверить, что держит его в ладони. Такие кинжалы не используют в бою – их достают на военных советах, чтобы обозначить звание. Их называют символами.

Вытянутое острие указывает на принадлежность к младшему и среднему офицерскому звену – старейшинам деревень или улиц. Загнутый наконечник в виде серпа носят высшие офицеры: он служит напоминанием о том, что мнения подчинённых должны сходиться воедино. Молоты принадлежат командирам, ставящим точку в обсуждениях и решениях совета. У главнокомандующего армией похожий молот – но толще в обхвате и с бронзовым сечением.

Камни на рукоятках тоже имеют значение. Изначально их цвет указывал на принадлежность гронганца к определённому клану, от которого вёлся его род. Со временем из-за нескончаемых стычек между кланами появились более могущественные бойцы и семьи, а цвет камня стали воспринимать как показатель силы. Обладатели жёлтого, зелёного и красного камней в конечном итоге перестали выделяться, зато тёмно-бордовый по-прежнему оставался в почёте.

Существует и пятый цвет – фиолетовый. Его называют магическим камнем. Во время войны с эльфами часть народа Гронгана жила у подножия длинного хребта, прямо на территории врага. Многие из них общались с враждующей расой и учились владеть тёмными чарами, а единицы даже сумели обуздать крохотные доли магии тьмы.

За всю историю своего существования люди никогда не испытывали тёплых чувств к эльфам – и, разумеется, к их увлечению магией. Поэтому предрассудки против обладателей фиолетового камня даже спустя тысячу лет всё ещё не утратили силы.

– Ты видал? Символ серпа, да ещё и бордовый камень! – Грэг едва не светился от восторга. – Самая быстрая работа в моей жизни. Даже продавать его не собираюсь. Люблю халявные подгоны.

Фил остановился и посмотрел на него с нескрываемым возмущением.

– Мы не собираемся помогать ему? Ты же дал слово, Грэг!

– Во-первых, я ему ничего не обещал – ты за себя сам в ответе. Я согласился на условия, он сам мне его отдал. Во-вторых, казармы Гронгана – это тебе не шутки, Фил. Ты в городе первый день и не знаешь, как устроены здешние правила. Живи спокойно в Дэнроде и не суйся в Гронган без причины. И будешь жить.

– Мыслишь как трус. Старик помощи просит, и ты должен хотя бы попытаться, – упорствовал Фил, надеясь достучаться до его совести.

– Должен? Да что эти люди сделали для тебя? И если у тебя нет скрытых способностей, о которых я ещё не знаю, мы не сможем этого сделать чисто физически. И уж тем более мы никому ничего не должны.

Грэг попытался пойти дальше, но Фил остановил его голосом:

– Тогда я сделаю это один. Серп оставь себе, мне эта игрушка ни к чему.

– Да не вопрос, иди, иди. Желаю не потеряться в городе! И не благодари! Тоже мне, герой нашёлся! – выкрикивал Грэг с издёвкой. – И это не игрушка, неуч.

– Не думал, что горгульи такие трусы, – бросил Фил, уже отдаляясь от Грэга.

На последующие выпады вслед он отвечать не стал. Настроенный решительно, Фил принялся разглядывать надписи на зданиях, пытаясь разобраться с улицами и найти дорогу в соседнее королевство. Указатель на перекрёстке быст-

ро его измотал: в каждом направлении тянулось от шести до двадцати названий.

В устной речи Фил иногда ошибался, но грамоте был обучен плохо, а чтение давалось ему ещё труднее. После долгих попыток разобраться со знаками и непонятными словами – и не менее долгой борьбы с желанием вырвать указатель из земли – ему наконец пришла идея постучать в окна домов.

На дерзкие удары посреди ночи мало кто спешил отзываться. На все вопросы ему отвечали одинаково: просили проваливать или в замешательстве хлопали дверью. Одна бабушка пообещала выпустить, как она выразилась, «большую злую собаку», если он немедленно не уберётся с её глаз.

Пьяница, лежавший у крыльца на другом конце улицы, пристально наблюдал за попытками Фила поговорить с недовольными жильцами. Вынырнув из толстого пледа, мужчина с наслаждением допил яблочную настойку. Он плавно запрокинул голову, и последняя сладкая капля попала прямиком ему в горло.

– Так, давай думай. Может, выйти к центру города – там будет проще понять, куда идти. – Фил задумался. – А как понять, где этот центр…

Размышления прервал мужчина с пустой бутылкой, похлопавший Фила по плечу.

– Те-тебе что надо-то? Выпить хочешь?

Он протянул стеклянную бутылку к лицу Фила и с улыбкой стал ждать ответа.

– Нет, спасибо. И она пустая, – ответил Фил, стараясь не отвлекаться.

– Что, п-правда? Прости, я сей-час поищу новую. Не уходи никуда.

На первом же шаге мужчина споткнулся о собственную тень и едва не рухнул головой на каменную плитку. К его счастью, он завис прямо в воздухе и от радости замолотил руками, как птица.

– Я летаю! Ура-а-а…

Ощущение полёта оказалось обманчивым: Фил держал мужчину за потрёпанную рубашку, а затем потянул на себя и снова поставил на ноги.

– Не нужна мне твоя бутылка. Сможешь показать, в какой стороне Гронган? – настойчиво спросил Фил.

Мужчина сморщился и надул губы, точно успел затаить на него обиду.

– Можно пажал-ста без грубостей? Я тебе ничего не сделал.

– Да какие грубости? Просто ткни пальцем, в какой стороне Гронган!

Он недовольно вытянул руку, сжимая пустую бутыль. Фил поблагодарил его за помощь и аккуратно уложил на скамейку возле крыльца. Уже отходя, он услышал, как пьяница вновь окликнул его:

– Гронган? Ты сказал Гронган. Не, не туда… это туда!

Вдоль всей окружности города тянулась одна непрерыв-

ная речка; её истоки пробивались из подземных вод со стороны Курналана. Позже русло продолжили и за пределами стен, чтобы поток обегал Холмград не только изнутри, но и снаружи. За это её и прозвали Беговой.

Большая часть воды в итоге уходила в море, остаток – в канализацию. В Дэнроде речка сужалась почти до предела: здесь она зарастала густой травой и тянулась вдоль тесной тропинки, к которой выходили окна и балконы жилых домов. По узкой дорожке едва мог пройти один взрослый человек, зато она вела кратчайшим путём к внутренним стенам.

На выходе из ущелья с иссохшей речкой Фил услышал лязг поднимающихся петель, чей-то громкий приказ и скрип открывающихся ворот. Он скрылся за углом, стараясь не выдать своего присутствия.

– Рак минен кой! – прокричал человек на стене.

После внушительного возгласа послышался звон доспехов – ровный, слаженный, отработанный годами; ценители военного ремесла назвали бы его идеальным. Десятки воинов вышли на освещённую улицу, и огонь в горящих чашах затанцевал от ветра, который они несли за собой.

В руках они держали длинные копья и громадные прямоугольные щиты. Чтобы выдерживать вес полного обмундирования, требовались годы подготовки и врождённая сила – качества, которыми обладали многие жители Гронгана.

Большинство стражников отвлеклось на эффектный выход бравой армии, и посторонние звуки утонули в общем гу-

ле. Дэтфлейм редко оставлял себе время на раздумья – обычно у него не было причин сомневаться в собственных решениях. Эту привычку он сохранил и после того, как стал Филом.

Некоторые камни в стене заметно выпирали, давая возможность вскарабкаться по ним наверх. Для него этого было достаточно: он подбежал к тёмному углу с полной уверенностью, что взберётся вмиг и без особых усилий.

Но вместо грациозного прыжка он лишь слегка всколыхнул воздух. Ноги не сумели показать привычной силы и выдали один неловкий толчок на месте. Фил хотел попытаться ещё раз, но в тот же миг передумал – внутри появилось очередное новое чувство.

Неловкость, испытанная впервые, сразу попала в список самых нежеланных чувств. Так просто избавиться от неё не удавалось: она застряла внутри и не собиралась уступать место другим эмоциям.

– Ой, да плевать, – прошептал он себе под нос и направился к соседнему дому за пустыми ящиками, которые теперь тоже казались значительно тяжелее.

Действовать приходилось быстро – гул войска постепенно стихал. Фил взобрался по ящикам, как по лестнице, и рванулся к выступам. Конструкция потеряла равновесие, накренилась и зацепилась за выступающий погасший фонарь.

Последний боец Гронгана переступил границу своего квартала, и двое стражников потянули ворота на себя.

– Гро-он Ган! – прокричал тот же голос со стены.

– Грон! – ответило уходящее войско.

В Холмграде жизнь кипит без передышки: даже если на улицах этого не заметно, в любое время суток – за закрытыми шторами и в потайных подвалах – движение продолжается. Под всем городом тянется разветвлённая система тоннелей: они соединяют заведения и обеспечивают непрерывную доставку товаров между королевствами. Там же проходит большая часть производства.

Грохот падающих ящиков в такой среде едва ли кого-то удивил бы. Беда была в другом – шаткая конструкция стояла прямо у самых стен. Достаточно было слабого ветра, чтобы ящики сорвались вниз, и стража тут же сбежалась бы на шум.

Взобравшись наверх, Фил огляделся, высматривая спуск на другую сторону. Но снизу, там, откуда он поднялся, донёсся сухой деревянный хруст. Он выглянул через край и увидел, как ящики опасно накренились, готовые рухнуть на дорогу.

Фил быстро перебрал возможные пути отхода: ближайшая башня, узкий проход вдоль стены или прыжок вниз, прямо в Гронган.

Он сделал шаг к месту, откуда можно было спрыгнуть в квартал, но за спиной раздался мощный грохот. Фил вновь обернулся и взглянул за стену: ящики уже валялись у соседнего дома, далеко отброшенные от стены. Стражники у ворот поспешили проверить, что случилось.

Фил замер наверху, не сводя с них взгляда.

– Кто здесь? – Голос прозвучал не так сурово, как у старика Густара: молодость воина выдавало отсутствие тяжёлого баса.

Возле стены не оказалось ничего подозрительного. Факелы осветили ящики, небрежно разбросанные напротив соседнего дома, и – к удивлению стражников – с крыши прямо перед ними спрыгнула кошка.

– Просто глупый кот. Пошли обратно, – недовольно бросил один из них, и стражники направились обратно на пост.

Фил выглянул из-за стены, пытаясь понять, что произошло. Ящики на другой стороне улицы лежали как-то уж слишком неестественно.

– Правда сделаешь это один? – послышался голос за спиной. – Тебя уже здесь могли спалить. Чем ты вообще думал?

– Грэг? Зачем ты пришёл?

– Хожу тут, ящики твои собираю. Между прочим, из-за тебя могла кошка пострадать!

– Кошка? Так это ты сделал? Я уж не знал, что думать. Очень выручил.

– Да пош… – начал Грэг, но передумал. – Да, пожалуйста. Тебе повезло, что хоть с нужного места поднялся. Пошёл искать казарму в первый день в городе – ну чем ты думаешь! И чего это ты там делал внизу? Зачем эти неловкие прыжки на месте? Это у тебя разминка такая?

– Просто… ничего. Забудь об этом. – К Филу вернулось

то самое неприятное чувство, от которого хотелось поскорее избавиться.

– Ты странный маньяк. Когда-нибудь тебе придётся объяснить большую часть своих странностей. Давай быстро сходим к этому пареньку и поскорее свалим из Гронгана.

Казармы находились ближе всего к внутренним стенам: во всех королевствах их строили в одинаковых местах, чтобы можно было как можно быстрее мобилизовать все городские силы. Постоянный дозор не оставлял ни малейшего шанса попасть внутрь с земли.

Сурдар – на древнем барите, языке первого поколения людей, – означает «Смерть и почёт». Гронганцы не позволяют себе скучать на посту. Почести – в бою, для отдыха – смерть.

Закончив высматривать казармы, Грэг обернулся к Филу, чтобы озвучить свой план:

– Ты стой тут. Я подлечу к левому блоку – похоже, там они спят – и попытаюсь… Зачем, не знаю, но всё же попытаюсь найти нашего мальчика.

– И как это сделать, не привлекая внимания? – задумчиво спросил Фил, потирая лицо.

– Я не знаю, Фил, не знаю, – наигранно возмутился Грэг. – Если у тебя есть план, я внимательно слушаю.

– Мы проникнем в здание. Потом ты найдёшь его, уговоришь вернуться к отцу… Нет, это слишком быстро. Нужно отвлечь их, а я переоденусь в их форму.

Грэг не стал дослушивать: расправил крылья и спланиро-

вал со стены вниз, поближе ко входу в казармы.

Приближаясь, он перешёл на бег вприсядку и с каждым шагом сбавлял темп. Перекладина послужила отличным мостиком к крыше соседней пристройки, а затем последовал нырок в окно казармы – опасный трюк сработал без лишнего шума.

Горгульи умеют проникать куда угодно почти бесшумно. Благодаря непрерывному движению крыльев они научились гасить звук шагов: помогая себе крыльями, слегка парят над поверхностью. Выждав немного, Грэг продвинулся вглубь и затаился под потолком между деревянными брусьями, пока стража обходила здание.

Двери в спальные помещения располагались в ряд, и никаких указателей, отделяющих копейщиков от лучников, разумеется, не было.

– Думай, думай, Грэг. Не надо было идти спасать этого мудня. Да нет, думай, что сейчас делать! – ругался на себя Грэг, пока внутренний спор не оборвал третий голос в голове. – Заткнитесь. Просто надо позвать его. Да, точно! Агой!

После слегка приглушённого возгласа кто-то явно притих сильнее прежнего, другие насторожились и стали прислушиваться. Горгулья прижал крылья как можно плотнее и следил за дверями. После звонкого грохота за пределами казармы – похожего на звон разбитой вазы – затишье рассыпалось.

Сначала повернулись уши, затем голова – в сторону звона треснувшей глины. Вернув взгляд к коридору с дверями,

Грэг удивлённо втянул воздух.

Перед ним стоял высокий молодой парень, державший у его горла острие длинного копья. Он был жилистым, с крепкими суставами и тугими связками.

– У тебя есть одно мгновение, чтобы объяснить своё присутствие, или я проткну тебе глотку, зверь, – процедил юноша.

– Я не зверь, я гнус. Больше птица по природе, – ответил Грэг, слегка приподняв руки.

– Гнусы так не выглядят. У тебя заканчивается время.

– Я просто наглый гнус и хотел посмотреть на великие казармы, вот и всё.

– Зачем ты назвал моё имя? – Юноша прижал копьё ближе к его горлу.

– Так ты Агой. Тебя-то я и ищу. Пока стража не подошла, может, опустишь копьё и мы поговорим? Я пришёл от твоего отца, видишь? – Грэг медленно достал символ из поясной сумки и показал копейщику.

– Серп отца. Зачем он прислал вас? Что он хочет от меня?

– Попросил помочь организовать твой побег. Если поторопимся, возможно, сумеем ускользнуть. Ты к тому же не слишком тяжёлый, стену перелетим в два счёта.

– Я не пойду с вами, горгулья.

После его слов Грэг оглянулся, уловив за спиной движение стражников. Завершив очередной круг, они повернули и направились сменять караул.

Как только отдалённые шаги стихли, Грэг продолжил:

– Подумай о своём отце. Ему не хочется терять последнего сына. Не губи жизнь так рано.

Агой посмотрел в пустоту, думая об отце и о том, как непросто тому было решиться на подобную просьбу.

– Тебе не понять: ты делаешь это ради золота. Я же выполняю свой долг перед королевством и отцом. Я не хочу, чтобы его имя было запятнано.

– Ему не нужно имя – ему нужен сын. Так что завязывай с этим и пошли. – Грэг кивнул на двери.

– Наш город, наше королевство, наши порядки. Я не могу просто сидеть дома, положив копьё за верстак в мастерской. Я благодарен за то, что он прислал вас. Ему стоило больших усилий на это решиться. Теперь идите.

– Ой, да чтоб вас всех. Прощай, парень.

Грэг выскользнул из коридора и, не глядя по сторонам, пробежал по участку, залитому огнями. Он затаился за массивным деревянным забором, ограждавшим склады с провизией. Фил тем временем успел перебраться на соседнюю крышу и теперь лежал над балконом, уставленным десятками разных растений. Одно из них он уже успел сбросить.

– Что там? – прошептал Фил, показывая жестами.

– Ничего, – Грэг мотнул головой.

На более долгий разговор времени не осталось: двое стражников разглядели силуэт с крыльями и подняли тревогу. Один из них выхватил с пояса метательный топор и при-

целился в убегающего нарушителя.

Ночное небо рассёк глиняный горшок. Он летел прямо в стражника и с жёстким треском разбился о его голову. Тот потерял сознание и рухнул на землю; железный шлем уберёг череп от серьёзных повреждений. Второй стражник, наклоняясь к товарищу, чудом увернулся от следующего зелёного ядра.

Грэг разбежался, подпрыгнул и дважды взмахнул крыльями. Зацепившись за балкон, он вскарабкался наверх, попутно сшибая оставшиеся горшки. Затем оттолкнулся ногами от крыши и схватил Фила за руку.

Крылья – третья пара конечностей, и, как любым другим мышцам, им нужна постоянная тренировка, чтобы удерживать вес в воздухе. При всей любви к полётам большую часть времени Грэг проводил на земле. Его крылья давно не знали такой нагрузки, и теперь мышцы между лопатками болезненно сводило.

– Дерьмо, какой ты тяжёлый! – Грэг изо всех сил старался удержаться, но в середине спины вспыхнула острая пульсирующая боль. – Ай-ай, спина! Спина!

– Держись, Грэг! – крикнул Фил, вытягивая руку вперёд.

Им удалось зацепиться за край и забраться на стену – там их уже ждали четверо воинов. С одной стороны приближались два копейщика, с другой – мечник и здоровенный бугай со шрамом на пол-лица.

В отличие от остальных, громила из-за своих размеров но-

сил особую броню, оставлявшую руки открытыми, а вытянутый шлем не закрывал рта – из-под него проглядывал суровый оскал. На плече у него лежал двуручный топор; он без особых усилий удерживал оружие, лениво перебирая пальцами по рукояти.

Остриё копья пронеслось у лица Фила. Грэг выхватил меч и прижал копьё к каменному зубцу. Второе, нацеленное уже в него самого, Фил перехватил обеими руками. Копья перекрутились и скрестились между собой.

– Возьми мой меч! – крикнул Грэг.

Он выдернул из ножен второй клинок и подбросил его Филу. Тот тут же отбил им выпад мечника за спиной. Кончиком крыла Грэг ткнул одного копейщика в глаз; Фил ударил мечника кулаком в кадык, а затем рывком прижал второго копейщика к стене.

– Грэг! – Фил толкнул его ногой в грудь: огромный топор рассёк воздух между ними и с грохотом врезался в камень.

Не давая громиле замахнуться снова, Фил наступил на топор и ударил его локтем точно в челюсть. Тот пошатнулся, изо рта брызнула кровавая слюна. Выпрямившись, громила зарычал и принялся хлестать себя по щекам, раззадоривая самого себя.

Мечник бил со всех сторон, пытаясь пробить защиту горгульи. Грэг мастерски парировал удары и уводил клинок в сторону. Но мечник мешал громиле, и тот дёрнул его за плечо, оттаскивая назад, чтобы освободить место для широкого

замаха топором.

– Всё, прыгаем! – Грэг пихнул Фила между каменными зубцами, и тот полетел со стены вперёд головой. Подхватив его за ногу, Грэг пронёсся ещё несколько метров, раскачал Фила и отпустил. Тот уверенно приземлился на ноги.

Вслед за ними полетели шесть копий: пара воткнулась в древесину, остальные с жёстким стуком ударились железными наконечниками о каменную плитку.

– О боги! Что за звук? – скривился Фил.

– Ужас, прямо уши изнутри порвало. – Грэг одной рукой держался за голову, а другой тянул Фила за собой. – Пошли, я знаю куда.

Владельцы копий быстро спускались со стены. Подобрав оружие, они бросились в погоню.

Для местных жителей такая суета и небольшие погони по Холмграду были делом привычным: между королевствами нередко вспыхивали междоусобицы самого разного толка. Сироты и взрослые бедняки, знавшие лёгкие пути между стенами, промышляли воровством у соседей, а, вернувшись на свою территорию, без труда растворялись в толпе. Не редкостью были и стычки между бандами, и драки пьяных гостей ночных заведений, отстаивавших честь своих королей.

В высшем обществе тоже случались свои разборки. Однажды принц Халшана, притворившись простолюдином, попытался похитить дочь владыки Доэдраса. Нешуточная погоня закончилась тем, что принца на девять циклов заклю-

чили под стражу: от его выходки пострадало немало хороших людей. Напрасно было думать, что наместницу великого дома так просто выкрасть. После того инцидента отношения между королевствами заметно ухудшились.

Холмград при всём своём единстве сохранял явное внутреннее разделение. Люди здесь стремились причислять себя к одному из пяти королевств. Из-за предрассудков и постоянных беспорядков жильё вдоль внутренних стен стоило в разы дешевле.

Грэг летел позади Фила и разбрасывал всё, что попадалось на пути: пустые железные и плетёные ящики, бочки из-под вина и сока, прочую мелочь. Перед очередным поворотом стояла столярная мастерская с прямоугольной вывеской в виде пилы. Мощными взмахами крыльев Грэг обрушил десятки бамбуковых заготовок на головы копейщиков, выиграв немного времени.

– Лезь туда, мы уже на месте. – Грэг указал на железную преграду.

– Это обязательно? Мне не нравится эта беготня.

– Ты их всех убить решил? Давай лезь.

Перескочив через забор, они прошли дальше по улице, где их встретила пятёрка людей с разным оружием и в разномастных доспехах. Дозорные успели предупредить о гостях, поэтому компания вышла им навстречу. Оторванные от своих дел, они шли без особого рвения и не проявляли большого интереса. Полного комплекта доспехов не было ни у ко-

го. Броня, снятая с убитых, шлемы, выторгованные на чёрных рынках, и редкие награды за подпольные дела создавали пёстрый облик этой группы.

Вперёд вышел высокий худощавый мужчина в кольчуге с ног до головы, поверх которой висел длинный бурый плащ. Его голову покрывали туго заплетённые косички с вплетёнными в волосы фиолетовыми колечками.

– Вот так встреча! Наша горгулья. Хэрст уже решил, что потерял тебя.

Через каждые пару слов мужчина менял положение головы, запрокидывая её то влево, то вправо до упора.

– Гисто, приве-ет! Знаешь, вот так совпадение. Мы его как раз искали, – запыхавшись, ответил Грэг.

– А это кто? – Гисто указал на Фила, который неохотно подходил ближе.

Копейщики не стали церемониться с преградой: проверив прочность замка несколькими ударами, они воткнули наконечники в петли и аккуратно приподняли железный забор.

– А это кто? – Гисто заглянул им за спины и увидел бегущий отряд.

Заподозрив, что улица находится под охраной местной банды, гронганцы насторожились и сбавили шаг. Грэг отступил назад и встал вровень с худощавым головорезом. Фил, наоборот, подался вперёд, готовый к встрече.

– Эти двое нарушили правила и проникли в нашу казарму. Непосвящённым запрещено входить внутрь, – раздался

голос гронганца.

– Парни, а мы что, сейчас в казарме? Я что-то не вижу ни одного проклятого фанатика из вашей дыры. Может, ты, Лирки? Ты у нас поехавший кусок мяса?

– Нет, точно не я, Гисто, – ехидно ответила татуированная девушка в кожаной броне.

У её ног стоял трёхзарядный арбалет с автоматической системой спуска: на таких устанавливали рычаг, позволявший стрелять короткими очередями.

Народ Гронгана свято чтил свой дом: любое пренебрежительное упоминание о нём считалось оскорблением, и воины с готовностью отдавали жизнь, защищая честь королевства. Поэтому головорезы вроде Гисто наслаждались хождением по грани дозволенного, нарочно играя на нервах солдат.

– Вот именно. – На этот раз Гисто наклонил голову вперёд. – Здесь Дэнрод, не Гронган. У нас тут людей за людей считают. Мне закончить разговор вашей фирменной фразой или разойдёмся без крови?

Воины сомкнули строй и, наставив копья, шагнули ближе. В прорезях шлемов виднелись только глаза, и разобрать, кто именно говорит, было сложно.

– Вас всех нужно гнать на службу – глядишь, с вашей смертью в городе чище станет. И уважай наши порядки, червь. Даже если тебе не знакомо слово чести.

Гисто нисколько не пугали выпады гронганцев. Напротив, он держался расслабленно и говорил с ленивой насмешкой:

– Да ваше слово уже давно ничего не значит. Вас научили слепой вере, а за ней теперь скрываются совсем иные принципы. Сила, о которой вы кричите на каждом углу, служит не «чести», как ты выражаешься, а выгоде. Подумайте об этом, мальчики.

– Твой язык не умеет говорить правду. В нём яд, – ответил воин.

– Если развернуть список преступлений, то там будут фигурировать ваши лица – или лица ваших друзей из Гронгана – не меньше наших, уж поверь.

– Довольно болтовни! Отдайте нам этих двоих! – рявкнул другой воин.

– Возвращайтесь туда, откуда пришли, и ждите своего приказа. – Гисто лениво отмахнулся и повернулся к ним спиной.

Мнение копейщиков его больше не заботило: он опёрся на плечо горгульи и повёл того к двери.

Воины Гронгана не желали упускать нарушителей и приняли боевую стойку. В ответ компания отморозков подняла булавы, арбалеты и копья. Фил оказался меж двух огней, пока Грэг не окликнул его:

– Эй, Фил! Пойдём. Это мой новый друг, кстати. И спасибо за приём, Гисто.

– Ох, Грэгори. Хэрст будет рад твоему визиту. Для таких, как ты, у него всегда найдётся работа.

Глава 4
Дэтфлейм

У бывалого жителя Холмграда, привыкшего проводить дни в рабочих кварталах или мотаться с поручениями от рынка до главной площади, подобные места вызывали только одно желание – поскорее убраться прочь. Ещё на подступах к убежищу Хэрста возникало ощущение, что за его порогом ничего хорошего случиться не может.

Фила уже не заботил дальнейший исход стычки между воинами Гронгана и бандой головорезов. За дверью оказалось не помещение, как можно было ожидать, а сеть связанных между собой проулков. Пробираясь по узким улочкам, он прикидывал возможные пути отхода. Он не привык засорять голову подобными мыслями – великая сила пылающего огня обычно заставляла искать путь отхода его бесчисленных жертв.

Многослойные укрепления возводили с одной целью: не дать никому пройти внутрь или выбраться наружу. Одни окна наглухо заколотили досками, другие проёмы закрыли решётками, а возле едва заметных лазеек, в которые и собака с трудом протиснулась бы, стояли старожилы банды Хэрста. Многие продолжали заниматься своими делами – точили но-

жи, мечи, топоры и всякое колющее и режущее железо, – но каждый хотя бы раз косился на незваных гостей, пришедших на их территорию.

Грэг, как всегда, не выдал ни малейшего напряжения. Он уже не раз бывал здесь прежде и успел запомнить кое-какие лица. Цепная гиена вырвалась из рук хозяина – здоровяка из расы грисманов, похожего лицом и телом на злобного вепря. Внезапный хриплый лай заставил Грэга положить ладонь на правый меч, но он не повернул ни головы, ни взгляда в сторону зверя.

– Перестал доверять нам, Грэгори, или твои нервы уже не те, что раньше? – Гисто смотрел на горгулью с довольной ухмылкой.

– Не говори чепухи. – Грэг убрал руку с рукояти и с улыбкой взглянул на гиену. – В пустынях Забытия без этого не выжить. Пока я там странствовал, наработал рефлекс на всякую скотину.

Продолжая делать вид, что гиена ничуть его не смущает, он перевёл взгляд на её хозяина.

Раса грисманов – одна из многих, почти вымерших из-за своей малочисленности и неумения уживаться в парах. Грисман надменно повёл вздёрнутым пятачком носом, обнажив торчащие из пасти закрученные клыки, словно провоцируя горгулью на выпад.

– Вот, значит-с, где пропадал. Далеко же тебя закинули крылья. – Гисто посмотрел на грисмана. – Лёлок, успокойся.

Грэгори свой для Хэрста.

После короткой заминки они пошли дальше, и, пока голоса ещё отчётливо разносились между стенами, Грэг нарочно громко провопил:

– Вот идиотское имя, Лёлок, ха-ха.

Грисман взревел от злости и уже готов был прорваться сквозь толпу, но его обидчик пересёк черту, за которой драки лучше было не затевать.

Хэрст свято оберегал покой в своём доме и не допускал там стычек – даже в безымянной таверне, скрытой в стенах огромного двухэтажного особняка. Такие дома обычно строят на открытой земле, оставляя вокруг место для сада и широкого двора, но этот словно нарочно втиснули между высокими громадами. Зажатый камнем со всех сторон, он выглядел несуразно и чужеродно.

Первый этаж был отдан шумной жизни: здесь находились таверна с камином и просторный кабак со сценой для выступлений, а также кладовые, полные выпивки, еды и всяких дурманов. По обеим сторонам вились резные лестницы, ведущие наверх, в личные покои Хэрста, занимавшие весь верхний этаж.

Конечно, случались и исключения из запрета на стычки – показательные порки, призванные вышибить из подчинённых даже мысль о том, что можно высказать непрошеное мнение. Хэрст выстроил почти беспроигрышную систему власти, при которой редко требовалось открыто подчёр-

кивать своё превосходство. Он держал связь с командирами, некоторыми членами городского совета и многими влиятельными кланами за пределами Холмграда. Много сил и времени ушло у него на собственное возвышение по шаткой тропе криминала.

Неустойчивость положения любого, кто называл себя главой очередного клана, объяснялась просто: наёмные убийцы из расы вастахов не упускали случая напомнить, что ничья власть не вечна. Но угрозу представляли не только они. Величественные воины Доэдраса или теневое братство из Курналана были готовы во что бы то ни стало избавить Холмград от тех, кто множил в нём мрак и разбой, – они считали это делом чести.

Хэрсту удалось выстроить шаткую, но многоступенчатую платформу власти из сотен обязательств, завязанных на нём, а за последние двадцать лет – вписать преступность в удобные для королей рамки. Однако осторожным и сговорчивым он стал не сразу. Раньше Хэрст любил рисковать и лично участвовал в разбоях во всех королевствах. Завязал он только после того, как чудом остался в живых.

Теперь у него оставалась лишь одна причина покидать свой укромный уголок: выходы в свет ради состязаний на Арене Нагорды. Состязания оставались его единственной отдушиной на фоне всё более запутанной паутины отношений между белой, серой и тёмной сторонами города.

Гисто ворвался в общий зал таверны с приподнятыми ру-

ками.

– Смотри, смотри, кто здесь! Хэрст, благородный наш. Тебя точно впечатлит, кого занесло в наши края.

Правая щека Хэрста мерцала в отблесках камина: языки пламени то и дело пробегали по ней, ярко оттеняя серо-пепельную кожу. Чёрное одеяние свободного покроя с развевающимися рукавами и мешковатыми штанинами придавало его фигуре зловещую неуловимость. Широкополая шляпа низко нависала над лбом, а вторая половина лица утопала в густой тени.

– Приветствую, Хэрст! Давно не виделись. – Грэг вскинул ладонь в нарочито дружеском жесте.

– И вновь этот голос, – продолжая смотреть в пустоту, отозвался мужчина в шляпе. – И зачем ты привёл гронганцев? С какими такими делами просишь помощи?

– Хе-хе, это вообще случайно вышло. Мы…

– Кто второй с тобой? – перебил его Хэрст.

– Как раз об этом. – Грэг обернулся к Филу. – Мы с моим новым товарищем изначально хотели прийти к тебе. Просто по пути нас попросили передать послание, и как-то неловко вышло с охраной – они посчитали нас угрозой на ровном месте.

– А твой друг представляет угрозу? – всё с той же нахальной интонацией продолжил Хэрст.

– Меня зовут… – Фил впервые задумался о том, что произнесёт новое имя вслух, и на мгновение замялся. – Зовут

Фил. Мы с Грэгом знакомы недавно. Я бы не хотел подвести его и хочу отвечать за себя сам.

– На вопрос ты не ответил. – Мужчина отодвинул табурет, на котором держал ногу, и выпрямился во весь рост.

Он обернулся, и вторая половина лица наконец вышла из мрака. Левая щека, висок и часть челюсти были выжжены до костей – ожог в виде огненной руки оставил на нём клеймо в память о самых отчаянных днях.

Фил без промедления узнал свою работу. До недавних пор его судьба сводилась к одному: мстить дурным людям за их злодеяния. Поначалу расплата ограничивалась смертью, но этот путь далеко не всегда приносил плоды. Тогда он изменил подход: порой оставлял главарей в живых, метил их выжженным знаком Дэтфлейма – огненной дланью – и приказывал: «Наведите порядок в своём воровском мире».

– Забавный шрам. – Фил кивнул на ожог.

Движение в зале оборвалось так внезапно, что тишина отозвалась единым хрустом, скрипом и тяжёлым вздохом. Даже Грэг, казавшийся равнодушным к любым бурям, на миг задержал дыхание и слегка наморщил лоб.

Хэрст застыл в глубоком удивлении, а затем взорвался громким хохотом. Он смеялся так безудержно, что по острым скулам покатились слёзы. Многие из тех, кто видел эту сцену, позже считали, что умерли в тот день, а всё случившееся после им попросту приснилось – ведь такой реакции не ожидал никто.

Когда долгий хохот наконец оборвался, Хэрст помотал головой и заговорил:

– Вот это да, вот это да. Вот умора. Я столько раз представлял, что сделаю с таким, как ты. Захочу ли сжечь его? Выплеснуть на него всю злость, которую держал из-за этой раны? Ты действительно ввёл меня в полный ступор. – Хэрст говорил так громко, что охрана с улицы зашла его послушать. – Удивительно: по сути, моя реакция сделала меня Грэгом. Я про твой язык, – он махнул рукой горгулье, – так что не удивлюсь, если не замолкну, пока меня не перебьют.

«Да кем возомнил себя этот смрад?» – подумал Фил, не тратя времени на воспоминания о том, когда и за что оставил ему тот отпечаток. Бесчисленные лица обожжённых жертв давно слились в единую мрачную тень, и потому он действовал по привычке: намеренно провоцировал противника, вынуждая его первым проявить насилие. Стоило руке соперника дрогнуть – и у Дэтфлейма уже не оставалось сомнений.

В тот миг, когда губы Фила шевельнулись, Грэг настойчиво перебил его:

– Он не из наших краёв, Хэрст. Ему чужды манеры нашего общества. По правде говоря, я нашёл его голым в лесу. Даже представить не могу, какая жизнь была у него до встречи со мной. Ты меня знаешь, я своё слово держу – и так будет всегда. Дай нам любую работу, достойную моих навыков, а первую плату засчитай в счёт долга дружбы между нами – дабы освежить наши деловые отношения.

– Ты чувствуешь это, Грэг, не так ли? – Хэрст сделал два шага к стойке, сорвал с полки бутылку чёрного рома и с бульканьем плеснул его в резной кубок. – Можешь сколько угодно строить из себя невозмутимого и безразличного. Но ты, как зверь, включаешь голову, только когда угроза нависает прямо перед носом. Уверен, твои крылья внушают тебе иллюзию свободы. Здесь же…

Он запрокинул голову и осушил кубок одним глотком; капли рома стекли по его лицу.

– Здесь они тебя не спасут.

Интонация хозяина стала для головорезов безмолвной командой: Фил и Грэг оказались стиснуты в кругу тех, кому не терпелось порвать кого-нибудь на части.

В отличие от своих подопечных, Хэрст оставался на месте.

– За время твоего отсутствия я успел узнать много нового о твоей расе и, в частности, кое-что любопытное о тебе самом. Ты ведь не только искусный вор… не так ли?

– И что же ты узнал? – спросил Грэг, бегая глазами по толпе.

– До недавних пор я не задумывался, насколько горгульи скрытный народ. В чём же причина, подумал я? Ты был единственным, с кем я вёл хоть какие-то дела, и, будем честны, никогда не подводил. Преданность и верность слову – этого у тебя не отнять. Ты из тех, кто доводит порученное до конца. И сам собой поднимается вопрос: зачем же ты ушёл? Ты предатель среди своих или я ошибаюсь?

Грэг сглотнул, опустил глаза и, помотав головой, вымолвил:

– Не понимаю, о чём ты.

– Что ж, у тебя был шанс пообщаться. Если ты не желаешь отвечать на мои вопросы… – Хэрст повёл плечами. – Я не хочу твоей смерти. По крайней мере, не здесь. Хочу воочию увидеть тебя в деле. И скажи спасибо своему новому другу.

Выбирать было не из чего – Грэг с улыбкой поднял руки. Фил напрягся и злобно скривился.

– Только мечи не трогайте, – напоследок успел бросить Грэг.

Хэрст лениво взмахнул двумя пальцами, и в тот же миг воздух рассекла серия глухих свистов. Дротики вонзились почти одновременно. Одного хватило бы, чтобы уложить горного медведя: яд ритхи – крошечной лягушки – славился своей неумолимой силой. Но их было по два на каждого. Тела обмякли и рухнули на пол с тяжёлым грохотом, а из рассечённых губ и носов тонкими струйками закапала кровь.

Пятнадцать лет назад

Пылающие недра в его груди даровали величайшую силу, которую он сам называл проклятием. Вечный поток, не знающий усталости и не требующий сна. Дэтфлейм не испытывал искреннего желания отдыха – он в нём попросту не нуждался. Отголоски детских воспоминаний ещё хранили смутное понимание: сон – естественный этап каждого дня; сам же он заменил его собственным ритуалом – возведением тро-

на. Где бы ни оказался, он создавал себе удобное сиденье из магмы: величественное, достойное правителя тех земель, по которым странствовал.

Когда он покидал своё королевское кресло, его сила пропитывала землю, и та откликалась буйным цветением: из неё поднималась сочная зелень, а следом раскрывались россыпи дивных цветов. Однажды он узнает: найденные людьми тронные места станут святынями. Селяне будут украшать их подношениями и трогательными стихами, приносить самые сокровенные дары. Но это случится в иную пору – в грядущем, когда вслед за миром изменятся и знания о нём.

Из всех забот о себе только это он считал необходимым – возведение почётного места. К нему непременно вели две-три ступени, высокую спинку венчало боевое оружие, а в раскалённые узоры он порой замуровывал трофеи убитых главарей. Широкие подлокотники идеально принимали тяжесть его рук; там, где он любил упираться локтем и поддерживать голову ладонью, оставались вмятины.

В этот день он вновь выполнил свою норму праведных дел, как сам их называл. Со спокойным жаром в жилах он мог позволить себе заняться чем-то иным, кроме сожжения злых неприятелей.

Будучи ещё юным, он облачал себя в самые тяжёлые слои затвердевшей брони, стараясь казаться старше и могущественнее. Даже тогда, оставаясь худощавым огненным подростком, он внушал страх: немногие осмеливались бросить

ему вызов, а тех, кто был способен выдержать с ним настоящий поединок, находилось ещё меньше.

Дэтфлейм закончил любоваться своим пьедесталом, и на миг его тело вспыхнуло, точно в пламя плеснули чистого спирта. Он повернулся к закатному солнцу – и его свет вызвал раздражение. Угол обзора оказался совершенно неудачным. Подсознательно он воспринимал светило как старшего брата, виновного в его тяжкой судьбе, и потому по вечерам избегал встречаться с ним взглядом.

Рассевшись, он сорвал с лица застывший слой магмы. Под огненной маской проявились молодые черты, выточенные из пламени. Его взгляд устремился в небо; мысли стихли, жизнь замедлилась, эмоции стянулись в сияющий поток энергии у него в груди – тот, что мог ощущать только он.

Произошло то, чего Дэтфлейм ожидал меньше всего. Сначала он и вовсе не воспринял происходящее всерьёз. Высокий девчачий голос прозвучал у него в голове. Он провёл ладонями по ушам – нет, звук доносился из-за высокой спинки трона.

Громоздкая броня стесняла движения и не давала развернуться полностью. Когда голос внезапно стих, желание выяснить его источник только усилилось. Такого с ним ещё не случалось. Кто же это мог быть?

Он расплавил застывшую магму на руке, и из-под неё вырвался чистый огонь. Той же рукой сорвал броню с плеч, привстал и отодрал раскалённые пласты с ног, пока его не

прикрывал лишь тонкий слой густой полужидкой субстанции. Затем, как мальчишка, крадущийся к соседскому забору, встал на колени, ухватился ладонями за спинку трона и выглянул из-за неё на небольшой пригорок, заросший кустарником.

Три цикла он не произносил ни слова, если не считать яростных выкриков в последнем сражении. При всём его бескорыстном стремлении помогать людям и иным народам ему было непросто понять, кому именно нужна защита: все старались держаться от него подальше. Чаще всего Дэтфлейм полагался на «Доску Угрозы», где сообщали о налётах бандитов, чудовищах Хаоса или нашествиях горных троллей. Личные просьбы тоже случались, но обычно исходили от тех, кого жизнь довела до полного отчаяния.

Такой и была девочка, глядевшая на него из кустов. Измазанное пеплом и грязью лицо терялось в надвигающихся сумерках, и Дэтфлейм уже начал убеждать себя, что голос ему померещился. Его глаза ярко сияли, как два пляшущих факела, завораживая её и окончательно поглощая рассудок, и без того помрачённый горем.

– Кто… Кто есть? Тут. – В его голове мысли выстраивались правильно, но говорить вслух оказалось совсем другим делом – непривычным и неудобным.

– Скажи! – Его голос походил на гул раскалённой печи, обретшей речь.

– Ты помог мне, – полушёпотом ответила девочка.

– И что? Не вижу тебя. Выйди сюда. Зачем там стоять? – Дэтфлейм поднялся с колен, вновь пряча остатки юношеских манер за суровым обликом воина.

– Ты зачем там прячешься, глупая… Меня не беспокоить, когда я… – он запнулся, – когда я отдыхаю.

Листва зашуршала. Послышался треск сухих ветвей. Из-за склона показалось худенькое тельце в синем комбинезоне, перепачканном чёрными пятнами золы. На вид ей было около десяти лет – возраст игр, смеха и беззаботных вопросов. Всё это исчезло: пережитый ужас смёл с её лица детскую наивность и оставил выражение, которое редко встретишь даже у взрослых. Девочка делала несколько шагов вперёд, замирала, чуть покачивалась – и снова продолжала путь.

При виде неё Дэтфлейм невольно размяк, но вскоре вновь напустил на себя суровый вид:

– Я понимаю, ты из той деревни. Я убил злодеев, можешь идти домой.

– Там больше никого нет, – сказала девочка, продолжая покачиваться.

– И что? Иди в другую деревню.

– Зачем? Их тоже убьют.

– Кто? Я их всех убил, – обиженно возразил Дэтфлейм.

– Кто-нибудь да убьёт.

Девочка вцепилась в пряди своих волос, сжимая их перепачканными ладонями. Грязь тут же въелась в тонкие нити, и жёлтые локоны потемнели, потеряв своё сияние.

Дэтфлейм неловко пошевелил пальцами, не понимая, должен ли сказать что-то ещё. В итоге слова сами полезли наружу:

– А мне делать что? Я убивать, сколько могу. Знать ты, как трудно найти… Потом понять… Ещё и убить кого надо, не убить кого не надо. Хотя просто это – убить. Но вот то, в начале и середине, – это трудно. И кого не надо тоже трудно.

Чем больше слов вылетало из его рта, тем сильнее это походило на речь потерянного ребёнка.

Дэтфлейм и сам был ещё подростком, ненамного старше неё, но в этом возрасте разница даже в несколько лет кажется огромной. К тому же грозный облик скрывал юношеские черты, из-за чего рядом с десятилетней девочкой он казался заметно взрослее своих лет.

Девочка уставилась в его глаза и замерла, слегка покачиваясь.

– Что молчишь? – воскликнул Дэтфлейм.

– Ты говоришь, как маленький.

– Да ты… огонь гори. Я тебя… Ничего, отстань! Поэтому и не хочу. Уйди куда. Иди куда хочешь.

Наплевав на трон, Дэтфлейм быстрым, раздражённым шагом направился прочь от маленькой девочки. В груди бушевал огонь, но теперь уже не от очередной битвы, а от обиды. Лишиться трона – единственного во всём мире, что он называл своим, – да ещё услышать такое от этой чумазой малявки было слишком. Обидно вдвойне.

Он ворчал себе под нос, не разбирая слов, и с каждым тяжёлым шагом старался заглушить шум собственных мыслей. Дорога вытянулась длинной серой лентой среди степей и глухих холмов. Дэтфлейм шёл не меньше полутора свечей, пока вечернее небо не окрасилось красноватыми тонами. Наконец путь остудил его горячий пыл. Мысли улеглись, и он позволил себе остановиться, присев на громоздкий валун у опушки леса.

Дэтфлейм всмотрелся в пустоту, пытаясь выудить из неё собственные чувства, но в тот же миг услышал тонкий, дрожащий голос за спиной:

– Есть хочу. Ноги болят.

Слова девочки прозвучали неожиданно близко. Всё это время она неотрывно следовала за ним, терпеливо вынося его ворчание и упрямо не отставая.

– Да что ты… Проклятье! – Дэтфлейм раздражённо мотнул головой. – Разве так можно? Иди домой.

– Нет дома. Там все мертвы, – незамедлительно ответила девочка.

Она прижалась спиной к громоздкому валуну, казавшемуся ещё массивнее рядом с её худенькой фигуркой, медленно закрыла глаза и больше не пошевелилась.

Дэтфлейм стоял в растерянности. Его тяжёлая фигура застыла, точно расплавленный камень, не знающий, в какую сторону потечь. Бросить её здесь значило обречь на быструю и неизбежную гибель, а о том, что будет, если взять её с со-

бой, он даже не смел думать.

Через узкую щёлочку прищуренных глаз девочка, борясь с сонной тяжестью, ещё какое-то время наблюдала за пламенным воином. Последнее, что она успела разглядеть, – как он неловко опустился рядом и развёл маленький костёр. Тёплые волны огня мягко коснулись её босых ног, и это тепло окончательно увлекло её в глубокий, безмятежный сон.

Под покровом ночи ей явились грёзы – те, о которых она мечтала сильнее всего. Во сне девочка увидела семью: двоих братьев, со смехом бегавших вокруг стола; мать, строго указывавшую им на проступки за день; и розовощёкого отца, которому во время обеда доставалось всего несколько страниц любимой книги, прежде чем невспаханные поля снова прерывали его дневное чтение. Он окликнул мать, и та, улыбнувшись, вынесла из печи румяный пирог. Тёплый аромат мгновенно наполнил комнату, поднял всех с мест и собрал за столом, подарив им радость простого момента.

Ноздри девочки дрогнули, и она медленно открыла глаза. Костёр разросся, пламя жадно тянулось вверх, отбрасывая рыжие отблески в ночную темноту. Дэтфлейм сидел рядом и держал на затвердевшей палке из магмы крупного, уже освежёванного хорька. Его горящие глаза, полные немого напряжения, следили за мясом: он пытался угадать, сколько ещё держать добычу над огнём, прежде чем она станет пригодной для еды.

– Уже готово, – подсказала девочка.

– Правда? Как понять? – Дэтфлейм посмотрел на неё.

– По цвету, но больше по запаху. Вкусно пахнет. Ты чувствуешь?

– Чувствую… Боль чувствую. Всегда, – ответил он.

– Я про запахи. Ты их не чувствуешь?

– Нет.

– Некоторые ещё говорят: «слышать запахи». Такая безвкусица – слышат-то ушами. – Девочка скривилась, потянулась к горячему хорьку и поманила пальцами, чтобы он опустил мясо на плоский камень.

– Горячий, не могу ждать! – Она оторвала маленький кусочек и с наслаждением положила его в рот. – Ура… Я думала, умру, честное слово.

Не дожидаясь, пока мясо окончательно остынет, она с явным наслаждением съела добрую треть хорька.

– Я постоянно чувствую боль. Или: я всегда чувствую боль. Так надо говорить. Не «чувствую боль всегда». Учись говорить правильно, – с умным видом произнесла девочка. – Хочешь, я научу тебя?

– Я могу говорить, – огрызнулся Дэтфлейм.

– Говорить – можешь, а разговаривать – это другое. Мой папа всегда меня поправлял. Раньше это бесило, а теперь я отдала бы всё, чтобы снова услышать его замечания.

Девочка попыталась выковырять мясо между зубов, но, заметив грязные руки, недовольно сплюнула в сторону костра.

– Как он умер? – спросил Дэтфлейм.

Девочка промолчала. Слёзы могли бы подступить, если бы в ней ещё что-то оставалось, кроме безразличной пустоты. Наконец она тихо заговорила:

– Те плохие люди напали на нашу деревню внезапно. Налетели ночью, и мама спрятала меня в погребе. Я просидела там несколько дней и слушала болтовню этих монстров.

На большие подробности её не хватило. Девочка замолчала, но спустя короткую паузу продолжила:

– Однажды я проснулась и услышала, как ты их сжигаешь. С трудом распахнула дверь погреба. Мама завалила её вещами, чтобы спрятать меня. Выбравшись наружу, я поползла и испачкала руки в застывшей крови. Было страшно и больно. Потом я услышала жалобный крик и, выглянув в окно, увидела тебя. Ты поступил правильно. Они заслужили смерть.

– Мне неприятно слышать твою историю, – сухо промолвил Дэтфлейм.

– Наверное, ты хотел сказать, что тебе жаль.

– Жаль… – задумался Дэтфлейм. – Возможно.

– Жалость приходит, когда переживаешь за других. – Её лицо почти не изменилось, но уголки губ дрогнули, складываясь в нечто похожее на улыбку. – Тебе надо читать книжки. Хотя, мне кажется, ты их скорее сожжёшь – всё равно что дров в костёр подкинуть.

В народе жила древняя поговорка, идущая ещё от первых поселенцев континента: «Нечто произойдёт только после то-

го, как змея обретёт крылья». И, видимо, где-то сегодня нашлась счастливая рептилия, наконец познавшая язык птиц и вкус полёта, – ведь Дэтфлейм позволил себе искреннюю улыбку. Случалось это так редко, что подобные моменты он мог пересчитать по пальцам одной руки.

– Меня зовут Дэтфлейм.

– Я Арна. Спасибо, Дэтфлейм, что спас меня.

В последующие циклы девочка продолжала идти за Дэтфлеймом. Его путь не имел ни чёткого направления, ни явной цели. Такой хаотичный и непредсказуемый маршрут не одобрил бы ни один смертный воин – даже самый безрассудный исследователь, жаждущий познать каждый уголок материка. Сам Дэтфлейм утверждал, что подобное странствие позволяет изучить всё вдоль и поперёк и не упустить ни одного места, где может понадобиться его сила.

Но в глубинах памяти скрывалась иная причина – поиск собственного начала. Не признавая этого, он продолжал тешить себя надеждой однажды найти ответы на вопросы о своей судьбе. Арна старалась не отставать, а Дэтфлейм держался на расстоянии: от холодного «Отвяжись от меня» до молчаливого «Я всё ещё вижу тебя, и тебе ничего не угрожает».

Земли, по которым они странствовали, именовались Калимансий Жар и принадлежали королевству Халшан, лежавшему на юге материка. Здешний климат не прощал слабости. Между редкими очагами плодородных земель, питае-

мых ключами пресной воды из недр, тянулись бесплодные каньоны и скалистые пустоши.

Целый день и всю ночь они провели внутри гигантских трещин, которые, по преданиям, образовались от удара бога Хаоса, желавшего похитить силу бога Стихий. С тех пор земля потеряла способность удерживать энергию жизни и отторгала любые её ростки.

Приходилось останавливаться намного чаще, чем обычно, что, разумеется, никак не соответствовало привычному темпу Дэтфлейма. Однако частые привалы оказались полезны: у Арны появилась веская причина сопровождать могучего воина. Её рассказы о королевствах, городах, островах, народах и расах приносили двойную пользу: расширяли его знания, а заодно помогали ему практиковаться в речи и пополнять словарный запас.

Дэтфлейм приноровился к изощрённой охоте с помощью огненного хлыста: бросок копья показался ему слишком простым и скучным. С каждым днём он всё чаще замечал мир за пределами собственного носа и – насколько это вообще было возможно для него – умерял пылкий нрав, находя удовольствие в пейзажах, на которые так подолгу смотрела девочка.

За несколько полных циклов странствий список его подвигов пополнился схватками с разными чудовищами. Так, парочка костолапов слишком часто громила железные шахты. Рабочие не могли найти добровольцев, готовых спра-

виться с ними без высокой платы.

Эти твари отличались утолщёнными конечностями: вместо стоп у них торчали массивные костяные наросты, похожие на колышки. Они не бегали, а прыгали вперёд, вонзая лапы в землю. При ударе конечности входили в почву, как в мягкую глину, а кости того, кто оказывался под ними, трещали и ломались.

Другим противником оказались стогние гончие – копытные существа с множеством рогов на голове и клыками, острыми как ножи. Иногда их даже приручают для верховой езды, но по природе они хищники и часто нападают на домашний скот. Одна стая, обожавшая мясо птиц, разоряла фермерские амбары. Когда гончие расплодились до нескольких сотен, они стали реальной угрозой для ближайших деревень и пастбищ.

Дэтфлейм узнал о них даже не через «Доску Угрозы»: тысячи разбросанных по полям костей сами попались им на глаза, а следы раздвоенных копыт выдали злодеяния гончих.

Мясо убитых гончих смогло прокормить множество нуждавшихся семей. Арне тоже досталась своя доля, хотя мясо ей не понравилось: слишком уж жёсткое.

– Когда мы встретились, ты сказал, что тебе постоянно больно. Почему? – спросила девочка, пытаясь разжевать ужин.

– Почему? – Дэтфлейм повторил её вопрос. – Почему ты не боишься меня?

– А ты разве хочешь, чтобы я боялась? Я думала, мы уже почти друзья. Или ты и этого слова не знаешь?

– Знал и до тебя. Кстати, весёлая история.

– Ты и слово «весёлая» знаешь? – За долгое время с этим вопросом из неё вырвалась самая широкая улыбка.

– Замолчи! – громко произнёс Дэтфлейм.

– Ладно, ладно. Просто я не ожидала, что в твоей жизни есть место веселью. Продолжай.

– Так вот. Однажды я вытащил людей из плена работорговцев. Их держали в таких маленьких клетках, что они могли только сидеть. Я ворвался к ним и стал разрывать стражу на части – всё вокруг было в горелой плоти и чёрной от моего огня крови.

– Вот это веселуха, – подметила девочка.

– Один из пленников глядел на меня такими глазами… Тело худое от голода, а глаза большие от страха. Такое нужно видеть. Мне всё думалось, что у него в голове. Когда я оторвал руку одному жирному уроду, державшему ключи, то стал открывать клетки. Почти никто не говорил ни слова, но пока я уводил их из подземелья, этот пленник тысячу раз спросил меня: «Ты друг? Ты друг, да?» Не умолкал. Наверное, он не мог поверить, что у него есть друг.

– Так ты ему ответил? Сказал, что друг? – Девочка подняла брови.

– Зачем? Я ведь не друг ему.

– Дружба – это скорее про состояние. Вот смотри. Когда

я была маленькая… – Дэтфлейм удивлённо наклонил голову после её заявления. – Когда я была ещё младше, – поправилась она и продолжила: – Я дружила с Мирандой. Мы были всегда вместе, всегда-всегда. Она жила в соседней деревне, но потом стала тако-о-ой назойливой, что я от неё устала. Я очень переживала, потому что больше не хотела с ней дружить, а папа сказал, что такое бывает. Может, когда-нибудь жизнь снова сведёт нас. Дружба – это чувство сейчас, в настоящем.

– Мне больно, потому что я… всегда зол.

– На кого?

– Я не думал об этом. Я злюсь на всё.

Арна нахмурилась, пытаясь сообразить, какие слова подойдут лучше всего, а потом с радостным видом заявила:

– Наверное, тебе стоит не думать об этом. Просто не думай. Злость – это ведь яд, который пьёшь сам.

– Папа сказал? – спросил Дэтфлейм.

– Нет, в книжке прочитала. Ничего о ней не помню, но фраза полезная.

Жар, исходивший от Дэтфлейма, заметно ослаб. В тот вечер он не заметил перемен: огонь его тела пылал уже не так неистово, как прежде. Но, взгляни он на себя со стороны, увидел бы, что Арна сидела гораздо ближе обычного и привычный зной больше её не обжигал.

– А что ты будешь делать, когда уничтожишь всё зло на свете? – спросила Арна, обведя руками окрестности.

– Не верю, что оно закончится, – ответил Дэтфлейм. – Их слишком много. Зло везде, как и моя работа.

– Получается, это бессмысленно. Так-так… Может, стоит подключить ещё кого-то? Одному тебе явно не справиться. – Арна вскочила и принялась перебирать мысли.

– Мне не нужна компания, – коротко ответил он.

– Это я поняла. Ты отлично дал понять это при первой встрече. Но тебе точно нужно как-то развивать себя. Своё дело.

– Не понимаю, о чём ты, – прохрипел Дэтфлейм.

– Например, ты можешь распространять весть о своих делах среди других злодеев. Страх – хорошее оружие. Он поможет уничтожить их ещё до того, как они совершат какие-нибудь злодейства.

– Меня и так все боятся. Я ведь огонь, я смерть! – величественно произнёс Дэтфлейм.

– Но ты всё же подумай над этим, – добавила Арна и принялась готовиться ко сну.

Бессонница оборачивалась для Дэтфлейма привычной мукой – день никогда не заканчивался. Этой ночью, как и во многие последующие, он патрулировал местность вокруг спящей девочки. Сначала сама мысль казалась тягостной: зачем брать на себя лишние хлопоты? Она могла только мешать его делам. Но вскоре он уловил в этом неожиданную ценность. Даже простое патрулирование стало для него интересным – именно своей новизной и непривычностью.

Спустя ещё один полный цикл странствий они пересекли Тропы Андатра – пограничные земли Халшана, входившие в самую большую область Намэроса. Между королевствами пролегали полосы беззакония – территории, не принадлежавшие никому по праву. Официально такие места называли Иноземьем. Они существовали намеренно: разграничивали владения и лишали королей повода спорить из-за каждого холма на стыке границ.

Такой порядок был удобен и для тех, кто не признавал власти. Бездомные возводили там крохотные поселения, избегая налогов; бандиты прятали лагеря и торговали с обеих сторон; на ничейных землях вырастали целые кланы.

Самый известный случай произошёл между Гронганом и Доэдрасом: население одной из таких полос выросло настолько, что заявило о себе как о новом королевстве. Его признал только Курналан; остальные правители отказались даровать ему подобную привилегию. Это место именуется Грэдас. Многие жаждали побывать в Иноземье, мнившем себя «шестым» королевством людей, – но уж точно не на том перевале, который предстояло пройти Дэтфлейму и Арне.

Было бы странно ожидать, что Дэтфлейм станет обращать внимание на то, где начинается или заканчивается то или иное королевство. Он шагал вперёд, не моргнув глазом, тогда как Арна вдруг заметила на старой мельнице флажок – треугольный знак границы Халшана. Такую форму символу придавали нарочно, чтобы путники понимали: здесь терри-

тория королевства подходит к концу. Подобные флажки развешивали на строениях вдоль границы, чтобы безопасные земли можно было различить издалека.

– Там дальше Иноземье. Туда не стоит идти, – с тревогой в голосе сказала Арна. – Папа рассказывал: там нет правил.

– Для меня нигде нет правил, – отозвался Дэтфлейм, не сбавляя шага.

– М-м-м… – протянула девочка, и в этом звуке прозвучал недавно забытый детский страх перед опасным миром. Она замерла, колеблясь и пересиливая себя: ведь она обещала отцу не ходить туда. Но, увидев, как огненный спутник удаляется всё дальше, перестала колебаться и решилась – бросилась за ним бегом. – Подожди меня!

Если бы они шли поперёк Иноземья, то, вероятно, уже вышли бы к Саморе – области, принадлежащей королевству Дэнрод. Но Дэтфлейм сам того не замечая держался пути, пролегавшего вдоль бесхозных земель, подчиняясь мимолётным порывам: то следовал за дуновением ветра, то выбирал более ровную тропу.

Чаща то сжималась стеной зелени, то внезапно раскрывалась прогалинами. Местами пробивался прозрачный ручеёк из живого источника; высоко в кронах шумел улей, и оттуда доносился ровный, упорный гул пчёл. Казалось, жизнь здесь текла размеренно и мирно, но тишина глуши хранила иной смысл – слишком ровная, слишком настороженная.

С каждым шагом становилось яснее: человеческая нога

ступает сюда нечасто. Под листвой таилась вязкая сырость, тени ложились плотнее, чем следовало бы днём, а лёгкий шорох ветвей вдалеке больше напоминал скрытое движение, чем игру ветра.

Следили за ними или нет – узнать было невозможно, но эта мысль не оставляла напуганную девочку. Когда впереди показалась заросшая дорога, Арна оживилась и радостно обернулась к Дэтфлейму.

– Смотри, вон туда! Давай по дорожке, прошу тебя. Можно, а?

– И зачем мне это? Там могут ходить люди.

– И что? Я тоже человек. Значит, и мне положено ходить там. Я уверена, так безопаснее.

– Кого ты боишься? Здесь нет никого страшнее меня! – громко отозвался Дэтфлейм, нарочно не опасаясь быть услышанным.

– Хотя бы пару свечей, – устало выдохнула девочка. – Ноги уже не держат, я выдохлась. Пожа-алуйста… – Её голос впервые за всё время стал по-детски капризным.

– Ладно. Только потому, что там никого нет. И я сам хочу, проклятье…

Дэтфлейм замолчал, вдруг вслушавшись в собственные слова, и опустил взгляд.

– Что такое? Ты что-то услышал? Это враги? Их много? – Арна встревоженно принялась выдумывать все возможные беды, которые могли ждать их в этой опасной местности.

– Я бы предпочёл пройти по прямой дороге. Предпочёл… Что за дурацкое, тупое слово! Но не потому, что ты попросила. Я просто предпочитаю так.

– Ура! Спасибо, спасибо! Ты лучший! – радостно выкрикнула Арна и задорно подпрыгнула от облегчения.

Зелёные пятна мха десятилетиями покрывали каменную кладку, оплетённую корнями деревьев, и постепенно скрывали очертания дороги. Некогда красивый путь превратился в едва узнаваемую тропу под тяжёлым пологом нависшей листвы. Казалось, она тянулась в самую глухую и забытую часть леса – туда, где сама земля больше не позволяла себя обуздать.

Бронированный воин, сотканный из обжигающей лавы и дышащий пламенем, был одним из немногих, кто умел находить в таком мрачном месте особую прелесть. Подобную картину лучше рассматривать не из окна, а в мастерской художника: там мазки и тени складываются в ощущение опасной красоты, пробуждающей странное желание прикоснуться к пугающему.

Арна, проходя очередной десяток шагов, оглядывалась по сторонам и ловила каждую деталь – то позади, то впереди, – надеясь разглядеть хоть что-то, что не сводилось бы к словам «тёмный», «зловещий» или «дурной». Но лес будто намеренно прятал светлые стороны. Погода лишь подыгрывала этой сцене: тяжёлые тучи охотно сгущали серое небо, ветер сердито морщил листву, заставляя её плясать в сухом шоро-

хе, а общий гул чащи складывался в тревожную симфонию сумерек.

Девочка вновь почуяла неладное. К её досаде, дорога так и не принесла ощущения безопасности.

– Дэтфлейм. Ты, конечно, сверхсильный и весь такой герой. Но ты уверен, что ты… – Арна не хотела, чтобы он счёл её трусихой, готовой сдаться при виде темноты и глухого леса. Поэтому старалась скрыть страх и перевести разговор к вполне логичному вопросу. – Уверен, что ты ни разу не спал? Может, хоть разок так… вздремнул чутка? Так ведь не бывает.

– Уверен.

– Точно? Как-то ведь нужно восстанавливать силы. Ты же не солнце и не одна из его лун. Должен же быть предел.

– По правде говоря, я думаю… – Он остановился и взглянул на Арну. – Я маленькое солнце.

Девочка сдержала усмешку. Будь она не так напугана и чуть расслабленнее, наверняка уже просила бы прощения за смех в его адрес.

– Маленькое солнце, – повторила она. – Да, ты маленькое солнце.

– Та злость, о которой мы говорили. Её нельзя остановить, потому что она как луч солнца. У неё нет предела и конца, – суровее прежнего сказал Дэтфлейм.

– О, это я уже запомнила. Мне жаль это слышать. Ты не заслужил такого.

– Заслужил? – переспросил Дэтфлейм.

– О, это когда ты чего-то достоин.

– Нет, я помню, что это значит. Просто у меня есть ощущение, что я не всегда был таким. Может, меня таким сделали, и я… я заслужил это. Поэтому и смог принять свою судьбу.

– Поэтому ты хочешь её загладить, убивая всех плохих людей, – помогла Арна закончить его мысль.

– Может быть, мы правы. Пусть будет так, – с ноткой облегчения сказал Дэтфлейм.

В какой-то момент дорога окончательно растворилась в надвигающейся ночи. Не раздумывая, стоит ли тратить силы на её поиски, они просто продолжили идти вперёд – туда, где расстояние между деревьями ещё позволяло двигаться без особых помех.

Обычно тусклое свечение, пробивавшееся из-под брони Дэтфлейма, достаточно освещало землю для ночного странствия, но сегодня его оказалось мало. Тогда он зажёг в ладони красный огонёк. Там, где не хватало и этого света, Дэтфлейм вызывал короткие вспышки пламени – и лес вокруг ненадолго оживал, отражаясь сотнями бликов.

Вспышки огня разгоняли мелких грызунов и сонных птиц, заставляя листву тревожно шуршать. Зато пламя притягивало назойливых термитов и других насекомых, стремившихся к единственному источнику света в округе. Подлетая слишком близко, они вспыхивали и сгорали, оставляя

после себя крошечные искры и едва заметные струйки дыма.

Пройдя ещё немного, они подошли к склону, крутизна которого всё возрастала. Земля под ногами осыпалась, трава путалась в изношенных сапогах, низкие кусты цепляли одежду колючками. Пару раз Арна едва удержалась от падения – в темноте попадались ямы, прикрытые влажной листвой.

Ноги тяжелели, дыхание сбивалось, но она упрямо тешила себя одной мыслью: ещё немного – и можно будет отдохнуть. Пусть даже идти придётся до рассвета, лишь бы выбраться из этого проклятого места, где каждый шорох напоминал чужое дыхание. Оставаться здесь на ночёвку она не согласилась бы ни под каким предлогом.

Спуск становился всё труднее. Когда перед ними выросла плотная стена из кустов и спутанных ветвей, Дэтфлейм, не колеблясь, первым вошёл в заросли. Арна, не раздумывая, рванула следом – и стоило им прорваться сквозь дремучий заслон, как лес внезапно закончился.

Из душной тени они шагнули в открытое пространство, и мир будто вздохнул. Перед ними раскинулось широкое поле – холмистое, мягкое, расходящееся волнами под порывами ветра. Воздух стал чище и свежее, а над головой наконец открылось небо: тяжёлые облака расступились, выпуская одну из лун. Её бледный свет пролился на траву серебристым сиянием.

– Смотри, – едва слышно сказала Арна. – Вон там… мель-

ница!

На краю поля, одиноко возвышаясь среди покачивающихся трав, стояла старая ветряная мельница – чёрный силуэт с перекошенными лопастями. Арна ускорила шаг и теперь шла даже впереди Дэтфлейма. Сердце стучало быстрее: ей не терпелось увидеть на стене треугольный флажок – знак Халшана или, может быть, Дэнрода. Символ, который сказал бы ей: здесь граница, здесь безопасно.

Но, подойдя ближе, она не увидела ничего, кроме выцветшей доски, неподвижных лопастей и ветра, свободно гулявшего в пустых проёмах. Ни флага, ни отметины. Только тишина и ощущение, что мельница давно ждёт тех, кто всё равно не придёт. Земли по-прежнему оставались бесхозными.

Любая ситуация познаётся в сравнении. После выматывающей дороги, а особенно на фоне перспективы провести ночь среди опасностей гремучего леса, старая, забытая мельница показалась Арне настоящим убежищем. Покосившаяся крыша и хрупкие стены вселили в девочку радость и покой – на миг ей почудилось, что она вернулась в горячо любимый дом, где её ждала родная семья.

Она сразу принялась осматривать запущенное строение и выбрала себе сухое местечко у стены, сохранившейся лучше остальных. Мешала только прогнившая бочка. Арна навалилась на неё всем телом, стараясь расчистить угол, но дерево хрустнуло, и из трещины посыпалось сгнившее зерно. Вслед за ним наружу полезли мелкие чёрные жучки – давние хозя-

ева бочки.

– Фу, фу, фу! Буэ! Ой, ужас какой! – визгливо вскрикнула она и отскочила назад. – И прямо на моём месте!

Повсюду зашевелились крошечные насекомые, спешно разбегаясь по полу. Арна возмущённо бормотала, глядя на устроенный ею хаос, а потом обречённо выдохнула. Придётся искать другое место.

Она собрала охапку сухой травы и осторожно прошла вглубь мельницы. Там было темнее – тусклый свет едва пробивался сквозь щели в стенах. Усталость тяжело оседала на плечах, веки слипались, и Арна чувствовала, что вот-вот рухнет на пол. Осторожно переступая через разбросанную ветхую утварь – сломанные вёдра, пустые мешки, остатки некогда нужных вещей, – она выбрала свободный уголок и улеглась.

Тишину нарушал только редкий скрип досок под ветром. Арна уже начала засыпать, как вдруг резко вскочила, опустилась на колени и крикнула:

– Дэтфлейм! Эй!

Ответа не последовало. Девочка позвала снова – громче, уже с лёгкой тревогой.

Через мгновение на стене мелькнула тень – длинная, неровная, как трещина. Следом появился он.

– Что нужно? – отозвался глухой голос Дэтфлейма.

– Ничего… я просто хотела… эм… пожелать тебе тихой ночи.

– Спи. Я хочу скорее продолжить путь, – коротко ответил он.

Арна с облегчением улыбнулась. Усталость взяла своё, и вскоре она заснула, свернувшись клубком и обхватив руками лодыжки.

Хотя их совместное путешествие длилось уже довольно долго, Дэтфлейм всё ещё не привык проводить так много времени рядом с кем-то, кроме самого себя. Он воспринимал это как данность и не задумывался, нравится ему такое соседство или нет. Разумеется, пользу от временной спутницы он понимал: его речь стала богаче, а мысли – яснее и живее, чем прежде.

Помимо истребления зла, долгие годы одиночества выработали в нём ещё одну привычку – постоянно изучать местность, хотя это дело невозможно довести до конца. Этим он и занялся без промедления.

Половину свечи он бродил по округе. К несчастью, в той части окрестностей, откуда он мог хотя бы примерно оценить, грозит ли Арне опасность, раскинулись одни поля. Небольшая группа криворогих оленей, услышав тяжёлые шаги, всполошилась и умчалась к лесу. Дэтфлейм отметил про себя, что они могли бы стать завтраком для Арны, но устраивать погоню не стал. Вместо этого он остановился на пригорке, окинул взглядом горизонт и, не заметив ничего подозрительного, направился обратно.

Вернувшись к мельнице и уже собираясь устроить себе

трон у входа, он заметил давно потухшие угли, присыпанные землёй. Случайная находка насторожила его, однако задерживаться на ней он не стал.

Дэтфлейм сложил ладони, и между пальцами просочилась обжигающая магма. Капли падали на землю и стремительно остывали. Разводя руки в стороны, он растягивал вязкий слой, который тут же затвердевал, превращаясь в камень. Когда глыба стала достаточно массивной, он уложил её на землю, создавая основание будущего трона.

Закончив с сиденьем, Дэтфлейм замер и нахмурился, затем встряхнул руки – и, недовольный тем, что решил отложить дела, направился внутрь мельницы.

Тишину нарушил топот его шагов. Тьма не позволяла рассмотреть помещение целиком, но стоило пройти чуть дальше – и он понял, что девочки нет на месте. Убедившись окончательно, Дэтфлейм обошёл мельницу вдоль и поперёк.

Он вышел наружу и громко крикнул:

– Арна!

Ответом ему был завывающий ветер.

Он вернулся внутрь и подошёл к месту у стены, где Арна уснула. Вглядываясь в каждую деталь, Дэтфлейм перебирал в голове все возможные – и невозможные – варианты того, куда могла деться маленькая девочка. Затем поднял взгляд к потолку, где виднелись обломки лестниц, ведущих наверх. Вряд ли она смогла бы забраться туда… да и зачем?

Он усилил пламя в ладонях – свет заплясал по стенам,

озаряя каждый уголок.

Дэтфлейм медленно обвёл взглядом помещение.

– Где ты прячешься? – произнёс он вслух.

Ответ не заставил себя ждать. Он с размаху отбрасывал в стороны всё, что попадалось под руку: обломки досок, щепки, старую мешковину. В памяти всплыло то самое место из рассказа Арны – погреб, где она уже однажды пряталась.

Дэтфлейм принялся методично простукивать пол. Глухо. Снова глухо. Ещё раз – и вдруг под ногами раздался ясный, гулкий бум. Под досками угадывался контур люка, искусно замаскированного под пол.

Дэтфлейм пробил крышку кулаком. Она с яростным треском отлетела и с грохотом врезалась в стену мельницы. Под ней тускло мерцал свет. Глубина была не больше двух копий – для него всё равно что перешагнуть через крысу. Не раздумывая, он спрыгнул вниз.

Тоннель оказался грубо выложен камнем. Было видно, что его сделали давным-давно, вероятно, ещё прежние хозяева мельницы. Вдоль стен висели старые масляные лампы, под ногами валялись пустые мешки из-под зерна.

Он прошёл в первую комнату – пусто. Только подсохшая туша оленя на полу, рядом длинный нож и растянутые шкуры. Кроме мух – никого. Торопясь, Дэтфлейм двинулся дальше и оказался в следующей комнате.

Арна сидела на полу, рот туго затянут повязкой. От носа и разбитой губы тянулась размазанная полоска крови. К гор-

лу был прижат закрученный кинжал, а за волосы её держал мужчина в грязных серых штанах и помятой зелёной рубахе. Длинные чёрные волосы небрежно перехватывала повязка, лицо блестело от пота. Он судорожно сдувал пряди, липнувшие ко лбу, и не отводил взгляда от Дэтфлейма.

Жар внутри вспыхнул мгновенно – пламя рвалось наружу, и только чудом Дэтфлейм удержал себя от того, чтобы обратить в пепел и этого человека, и всю мельницу вместе с ним. Арна стала щитом для мужчины, чья жизнь висела на волоске.

– Что ты делаешь? – медленно произнёс Дэтфлейм.

– У-уйди, я её… я её! Убью, обещаю. Только двинься – горло ей порежу. Уйди! – Голос мужчины дрожал, как рвущаяся музыка: каждая нота была пропитана страхом.

Дэтфлейм набрал воздуха в огненные недра своего тела и ответил диким, пронзительным рёвом. От этого звука руки похитителя дёрнулись, и он едва удержал оружие. Затем Дэтфлейм заговорил таким грозным голосом, какой немногим доводилось слышать – и в прошлом, и в будущем.

– Жалкий слизняк, ты действительно думаешь, что сможешь уйти отсюда живым после такого? Убьёшь девочку – и, клянусь, ты испытаешь все муки этого мира в этой маленькой комнате. Опусти свои вонючие руки сейчас же, пока я не сжёг тебя до углей вместе с ней.

На этот раз мужчина затрясся всем телом и медленно поднял руки. Нож выскользнул, скользнул по его предплечью и

упал, а Арна сразу поползла к своему защитнику.

Взгляд Дэтфлейма вдавливал похитителя в стену – ещё миг, и тот начал бы врастать в камень. Желание стать её частью стало для мужчины самым сокровенным в жизни.

Арна вытащила повязку изо рта и, не в силах вымолвить ни слова от потрясения, уставилась на похитителя мокрыми от слёз и ненависти глазами.

– Проклятье, – разочарованно произнёс Дэтфлейм. – И что мне с такими делать? – Он обернулся к Арне. – Как мне остановить таких, как он? Эту мерзкую тварь!

Дэтфлейм ткнул пальцем мужчине в грудь – и прожёг в нём дыру. Похититель завопил от боли.

– Заткнись! – рявкнул Дэтфлейм и снова посмотрел на Арну. – Я не могу истребить их всех. Их слишком много, под каждым камнем! Мне что, в каждую дыру лезть?

Дэтфлейм отдёрнул палец, и мужчина рухнул на пол.

– Как же вы достали со своим злом. Насильники, убийцы, кровопийцы. Ты что, не можешь перестать этим заниматься? Что ты собирался сделать с ней? Что?

– Я… я… я… Ничего, правда, ничего. Я хотел золота, только и всего.

– Он тащил меня за волосы и бил по лицу, – тихо сказала Арна, не отводя от него взгляда.

– Мгр… РАХ! Значит, любишь причинять боль, – прорычал Дэтфлейм.

– Нет, нет! Я больше никогда так не буду! – завопил муж-

чина, судорожно отползая к углу. Он скрёб стену ногтями, пытаясь вырыть себе выход.

Дэтфлейм схватил его за ногу и прожёг мышцы до костей. Чудовищная боль сковала тело.

– Думаешь, он чему-то научится, Арна? – спросил Дэтфлейм, подтянув его другой рукой и оставив ещё один глубокий ожог.

– Не знаю. Я больше не могу на него смотреть, – ответила девочка.

По её лицу было видно, что от этой картины ей становилось не по себе.

Измазанный собственными соплями мужчина был так напуган, что выглядел по-настоящему раскаявшимся – готовым на что угодно, лишь бы всё прекратилось и больше никогда не повторилось.

Дэтфлейм поднял его на ноги. Жгучая боль всё ещё окутывала тело.

– Да, теперь я вижу. Ты хочешь перестать творить то, что делал. Хочешь раскаяться, просить прощения. Да. Идея, чтобы такие, как ты, рассказывали о пережитом, хорошая. Лучший учитель – тот, кто сам прошёл урок. Так?

В глазах мужчины мелькнула капля надежды на спасение.

– Да, да. Я всем передам. Я всё расскажу. Больше никогда, никогда, клянусь! – со стонами умолял он.

– Ты не только расскажешь. Ты покажешь им. Это будет написано на твоём лице.

Дэтфлейм прижал горящую ладонь к его щеке, и комнату разорвал крик.

Арна закрыла уши.

С омерзением Дэтфлейм смотрел на орущего человека.

– Идея хорошая. Это правда может сработать. Но ты, слизняк, слишком мелкая рыба, чтобы передать моё послание.

После этих слов Дэтфлейм сжал его череп в кулаке – кость хрустнула, и голова разлетелась, разметав осколки и тёмную кровь по стенам.

Фил открыл глаза и сразу услышал голос Грэга, которому, похоже, было совершенно без разницы, очнулся ли его собеседник. Горгулья заливался бесконечным монологом – трудно было представить, как долго воздух дрожал от его речей. Впрочем, Грэг, кажется, приберёг самые остроумные высказывания специально для виновника их нынешнего положения.

Завершив рассуждение о том, что они пропустили как минимум два приёма пищи, Грэг услышал шорох и, подняв взгляд, заметил, как Фил медленно пытается подняться с пола.

– О, ты наконец-то проснулся! Надо же, я уже столько речей задвинул, что даже не знаю – стоит ли начинать заново или просто пробежаться по ключевым моментам. Ты как предпочитаешь?

– Где мы? – спросил Фил, оглядывая железные прутья вокруг.

– Вот это правильно. Поздравляю, вы выигрываете приз за лучший вопрос дня! И, между прочим, если бы ты спросил, когда мы пойдём есть, я бы тоже засчитал. А мы, дорогой Фил, – на арене. Точнее, под ареной. И, отвечая на вопрос про еду, ох, не скоро.

Каменная кладка стен давно потускнела. На ней не было ничего лишнего: ни символов, ни надписей, ни единой щели. В местах, где когда-то могли появиться трещины, штукатурка легла неровно, точно её наносили в спешке. Глаза сами искали хоть что-то, за что можно зацепиться, – и находили только клетки, отведённые каждому пленнику.

Кроме двух их одиночных камер, чуть дальше были и другие – там тоже кто-то ожидал своей участи.

И хотя расстояние между клетками было немалым, все прекрасно слышали болтовню Грэга – его голос эхом гулял по подземелью, не давая погрузиться в тягучее, изматывающее ожидание.

Горгулья закинул одну ногу на другую и смотрел в потолок – на потемневший камень, испещрённый следами времени, и железные прутья, разрезавшие его на неровные квадраты.

– Честное слово, Фил, ты думаешь, я злюсь на тебя? А вот и нет. Нет, говорю. Я, напротив, убеждён, что с тобой происходят крайне увлекательные вещи. Меня даже… тянет досмотреть всё это до конца. Куда же тебя заведёт жизнь, а? Где она оборвётся? Хотя, судя по шуму сверху… уже скоро

мы это выясним.

– Твой проклятый друг Хэрст. Он сволочь, усыпил нас.

– Ха-ха. Меня поражает… нет, меня возмущает твоё мышление. Ты просто… – Грэг раздражённо поднялся на колени. – Ты просто… ох, у меня нет слов. Ты говнюк, знаешь это? И не смотри на меня непонимающим взглядом. Мы были в окружении сотни опасных бандитов и кровожадных убийц, а ты вот так просто: «Красивый у тебя шрам на роже». Ты разрушил мой авторитет!

– И зачем он тебе? Зачем водиться с этими уродами?

– Откуда ты вылез, Фил? Чтобы выжить в нашем мире, нужно уметь дружить со всеми, даже с таким, как Хэрст.

– Идиотское правило. Поэтому они и смогли забраться так высоко. Им все продолжают улыбаться, хотя они заслуживают изгнания.

Их разборку прервал мощный свист, разнёсшийся по всей площади. Несмотря на преграды, звук легко добрался до подземелья и проник сквозь щели.

– Слышишь? О да. Это они, родимые – дьякожные хрипсы. Знаешь, в мире есть такие звери и чудовища: разок взглянешь на них – и сразу появляются смешанные чувства. Красивые, да, несомненно. Но в то же время мерзкие твари. О да, да. Они с удовольствием насадят рога на твою задницу.

На последних словах свист забрался глубоко в голову, надрезая перепонки. Именно тогда хрипсы пронеслись над ними.

– Неприятные ощущения, – произнёс Фил, ковыряя в ухе.

– Да ты что, – передразнил его Грэг, делая то же самое.

– Ладно, Грэг. Не время выяснять, кто прав. Что нас ждёт наверху? Я не знал, что в Холмграде есть арена.

– Если где-то и есть простой смысл, то он здесь. Бейся или умри. Порядок один: бой – это слава, а победа даёт право выбора. Правда, многим гронганцам уже давно наплевать на честь. Бои тешат их жажду крови, и то, что когда-то задумывалось как поединок чести, превратилось в огромное шоу.

– Плевать, я готов биться. Почему они не открывают? – прокричал Фил. – Эй, где стража? Чего вы ждёте?

– Уоу-уоу, полегче, парень. Боевой настрой мне по нраву, но даже я не тороплюсь с такими вещами.

– А чего ждать? Они нам чай предложат на прощание или как?

– И тем более никто тебя не услышит. Посмотри внимательно на решётки – их откроют дистанционно.

– Чего сказал? – возмущённо бросил Фил.

– Издали, понимаешь. Там механизм.

Ждать пришлось недолго. Пока Грэг разъяснял, как работают подъёмные ворота, – в основном опираясь на выдуманные знания, которые лишь наполовину отражали реальность, – раздался долгий, протяжный звук горна.

– Вот и пришло время. Ты как в воду глядел, – прервался он.

Лицо Грэга стало серьёзным: щёки чуть впали, взгляд по-

темнел и заострился. Решётки их клеток поползли вверх, открывая тоннель, ведущий наверх.

– Нам лучше идти. Иначе они спустят сюда гончих.

– Да как скажешь. Мне без разницы, – с напускным спокойствием ответил Фил и зашагал вперёд.

Не дойдя и до середины, он почувствовал, как содрогается воздух. Хор над ними взорвался криками, призывающими к зрелищу:

«НА-ГОР-ДА! НА-ГОР-ДА!»

Хотя люди выкрикивали это слово по частям, Нагорда всегда оставалась единым понятием – знаком поединка чести. Со временем вложенный в неё смысл исказился. У истинного гронганца уважение нужно было заслужить силой, прежде всего – победой над тем, кто бросил ему вызов.

Ещё до того, как жажда битвы нашла выход в войне с эльфами, Гронган состоял из северных народов, чьи пылкие нравы невозможно было укротить. Их буйные сердца не подчинялись никому, и только Нагорда решала споры. Когда Холмград только начинали строить, его стены были невелики, а границы между королевствами ощущались куда острее. Визиты к соседям без переговоров или серьёзных торговых дел случались редко – и именно это давало Гронгану право разрешать конфликты прямо на своих улицах.

Но шли годы. Королевства переплетались всё теснее, в центре города выросла площадь Эверека, и Гронгану пришлось ввести новый закон, ограничивший Нагорду на ули-

цах. Он мог бы сработать, будь кипящую кровь гронганцев так легко остудить.

Из-за давней вражды двух известных семей громила Соль Турнак по прозвищу Каменный Утёс – ростом в полтора копья и весом в полторы сотни – сцепился с Хоем Зором, малым, но не менее крепким воином. Они сошлись с мечами посреди бела дня на углу у площади Эверека. Бились с такой силой, что летящие во все стороны искры могли поджечь сухую солому. Удары гремели один за другим, пока меч Хоя Зора не вырвался из руки и не полетел в толпу – прямо в курьера из Курналана. Лезвие пробило беднягу насквозь и вонзилось между каменными плитами, пригвоздив молодого парня к земле.

Курналан тянуть не стал. В ночь того же цикла они собрали значительную часть своих войск и через тоннели ударили по Гронгану изнутри. К счастью для всех, мир удалось сохранить: войну не развязали, но буйные соседи воочию увидели силу Курналана.

Спустя год в Гронгане развернули строительство арены – территории, которая и по сей день остаётся единственным местом для проведения Нагорды. За двести лет пролитие крови во имя чести превратилось в зрелище, требующее всё новых и новых поединков.

– Старайся не получать лишний урон. Точнее, лучше вообще не получай его. Будь максимально аккуратен. Одним раундом это не закончится. Поверь, зрителям плевать, оста-

нешься ты жив или нет. Им главное увидеть, как кто-то кому-то сносит голову, и всё.

Из-за шума им становилось всё труднее расслышать друг друга, поэтому говорить приходилось громче, местами почти кричать.

– Поверить не могу, что говорю это. Держи мой меч. Будет лучше, если у тебя тоже будет оружие. – Грэг протянул ему широкий гномий клинок с характерным орнаментом.

– Мне не нужно твоё железо, – бросил Фил и тут же понял, как глупо это прозвучало, учитывая, что создать оружие из огня он не сможет. Он потянулся за рукоятью. – Хотя… всё же давай.

По лицу Грэга было видно, как сдают нервы.

– Ты просто… ох, боги. Что с тобой не так? Ты как глупое дитя – сам не ведаешь, что говоришь.

– Не называй меня так, горгулья, – процедил Фил сквозь стиснутые зубы.

– Что? Я тебя не слышу! Может, повернёшься и скажешь мне в лицо? Тут грёбаная арена, я ни хрена тебя не слышу. Ты вообще понял, что я сказал про тактику? Уворачивайся и не рискуй.

– Они идут, – не поворачиваясь к нему, прорычал Фил.

– Что? – громко переспросил Грэг.

Фил обернулся и указал остриём меча на приближающихся противников.

– Слушай, я не собираюсь выслушивать твои уроки. Тебе

не кажется, что для этого уже слишком поздно? Ты лучше сам соберись, включи злобу.

– Злобу? Да на кого мне злиться, что мне сделали эти… – Грэг наконец посмотрел, кто к ним двигался.

Двое копейщиков уже пересекли половину арены. Золотистые латы были украшены узорами в виде цветов нистий; яркие блики били в глаза зрителям, заставляя их слегка щуриться. Обычай Гронгана, связанный с памятью усопших, включал возложение на могилы нистий – изысканных цветов с сотнями мелких фиолетовых лепестков, хаотично расходящихся по всей окружности.

Ведущий восторженно провопил:

– Братья Нистий! Сегодня вновь поборются за право иметь честь пролить кровь на нашей арене!

После чего Грэг закончил свою мысль:

– Что мне сделали эти цветочные братья, скажи мне? Зачем мне на них злиться? Эмоции в бою с лёгкостью могут предать тебя.

Заметив, что горгулья и лысый мужчина как ни в чём не бывало продолжают беседу, братья решили воспользоваться моментом и ускорили шаг. Сократив расстояние до двадцати шагов, они снова сбавили темп. Тот, кто шёл со стороны Фила, двигался прямо на него, выставив наконечник копья. Второй двигался по диагонали, готовый в любой момент прийти брату на помощь.

Грэг окинул взглядом сначала одного, потом другого, при-

кинул несколько возможных исходов, просчитал вероятную тактику копейщиков и уже собирался действовать расчётливо, без спешки. Но всё это не входило в планы Фила – он ринулся на ближайшего противника, как баран. Грэг не поверил своим глазам и даже не успел выкрикнуть просьбу остановить эту безрассудную выходку.

Фил держал меч на уровне пояса, слегка наклонил голову вперёд и в два счёта преодолел расстояние между ними. Копьё давало явное преимущество над мечом, но отчаянный рывок свёл его на нет. Бросок Фила оказался действенным: копейщик сделал выпад, пытаясь успеть проткнуть его, но не ожидал такой безрассудной атаки и промахнулся. Через миг Фил уже упёр лезвие в его нагрудник.

Копейщику ничего не оставалось, кроме как позволить сбить себя с ног, чтобы меч не дотянулся до горла. Выпуская копьё, он левой рукой потянулся к кинжалу на поясе.

Фил прижал его к песку и взмахнул мечом, но рана в животе помешала ему нанести удар: копейщик успел вонзить кинжал. Правой рукой Фил вцепился в рукоять, не давая противнику распороть себе брюхо, а левой продолжал держать меч, который от боли пришлось отвести в сторону.

Второй брат с криком рванулся на выручку. Его копью оставалось меньше шага до груди Фила, когда меч, брошенный Грэгом, пронзил ему живот. Копейщик рухнул рядом.

Лежавший под Филом увидел, как брата пригвоздило насмерть, собрал остатки сил и ударил Фила кулаком между

ног. Фил замер от тупой боли, но следом хлынул новый прилив сил, рождённый злостью на подлый приём. Он воткнул меч в плечо противника, отбросил кинжал и принялся методично забивать тому лицо кулаками, пока тот не перестал двигаться.

– Что это, мать их, это было?! – прокричал Грэг, подходя за своим мечом.

Глубоко дыша, Фил смотрел то на себя, то на мёртвого копейщика, пытаясь понять, где чья кровь.

Лицо горгульи перекосило от злости. Он поставил ногу на тело и выдернул из него свой меч.

– Да катись оно всё лесом, так будет проще, – отмахнулся Грэг. – Убивай себя, давай. Я так понимаю, с тобой разговаривать бесполезно. Только начало, а тебе уже живот вспороли. И зачем я вообще дал тебе свой меч?

– Мы же победили! Что ты несёшь!

– Я свой меч метнул, ты хоть понимаешь, в какое отчаяние ты меня вогнал? Никогда, никогда нельзя бросать своё оружие. Никогда. С таким подходом мы тут точно помрём.

Толпа ревела от удовольствия, восторженные крики разносились по всей арене. Голос ведущего пробивался сквозь гул только благодаря громоздкому рогу, усиливавшему каждое слово и уносившему его далеко за пределы арены.

– Вы это видели! Похоже, на этот раз нистий возложат на могилы самих братьев – ибо их честь и подвиги закончились сегодня. Воздадим почести павшим и дадим право победи-

телям встретиться с настоящими монстрами нашей арены!

– И кого же вы нам дадите? – тихо произнёс Грэг.

– Встречайте! Красные огры из Форхэма – Грызун и Дробун! – выкрикнул ведущий, и рёв довольных зрителей заглушил всё вокруг.

Грэг недовольно фыркнул, не сводя взгляда с ворот:

– Сразу огры? Вот же гадство. Они не хотят оставить нам шанса, да. Видимо, Хэрст им здорово заплатил.

Дрожь пробежала по песку, и вибрация поднялась от ног вверх по телу. Для зрителей на трибунах это было предвкушением зрелища, но Грэг с Филом готовились к худшему.

Грохот приближался: казалось, где-то рушатся скалы и десятки валунов бьются друг о друга. Ворота не успели подняться до конца, как огр ростом в три копья снёс плечом часть креплений.

На его грубой коже тянулись красные символы – это был Грызун. Он запрокинул голову, и пасть, набитую острыми зубами, с обеих сторон обрамляли толстые костяные клешни, которыми огры сжимают добычу при укусе. Грызун грозно прорычал, и арена на миг стихла. Затем он сразу принялся выискивать цель – и, разумеется, первым в его большой зелёный глаз попали горгулья и лысый мужчина. Помимо громадных передних рук, у него была ещё одна пара, поменьше, а короткие широкие ноги толкали тело вперёд. Огр рванул вперёд.

За ним медленно показался второй огр – Дробун, с белы-

ми символами на коже. Вид у него был даже свирепее, чем у первого, но двигался он спокойнее и не спешил оправдывать своё имя.

– Ну что, Фил? Как тебе эти новые братья? Предлагаешь тоже на них позлиться или как? А вообще, знаешь что… Тут ты будешь прав. Здесь и вправду нужна быстрая атака.

Грэг повернулся к Филу спиной и уверенно побежал навстречу несущемуся огру. В такие моменты тело выбрасывает огромное количество гормонов: если оно достаточно натренировано, это идёт на пользу; если нет – гормоны ввергают его в состояние звериных инстинктов, лишая способности трезво оценивать обстановку и управлять рефлексами. Такой отчаянный воин, как Грэг, нёс в себе многолетнюю историю битв и самых разных методов боя, часто опираясь на главное преимущество – крылья.

Грэг бежал навстречу чудовищу. Для него всё вокруг замедлилось; сердце гнало кровь по жилам, выбивая гулкую симфонию. Он расправил крылья, перехватил меч двумя руками, оттолкнулся ногами и взмыл к огру.

Чудовище взмахнуло всеми четырьмя руками – костяные клешни рванулись к горгулье. Грэг взмахнул крыльями, поднялся выше, сделал кувырок, проскользнул мимо огромных пальцев и со всей силы вогнал лезвие в позвоночник противника.

Огр завопил. От удара в нервы передние руки перестали слушаться, а другой парой он безуспешно тянулся к спине.

Позвонки выгнулись от боли. Чудовище рухнуло на песок, а Грэг, не выпуская меч, провернул его в ране. Огр жалобно простонал и бездыханно замер.

– Фух, вот это я дал, конечно, – прошептал Грэг, приходя в себя и глубоко выдыхая.

Фил одобрительно закивал: увиденное поразило его не меньше, чем всех присутствующих на арене. Грэг хлопнул себя по щекам, окончательно возвращаясь в чувство, вынул меч и развернулся ко второму огру.

Дробун смотрел на поверженного соплеменника, а затем с недовольным рёвом принялся бить руками по песку, сотрясая арену. Вряд ли в этом страшном чудовище кто-то смог бы распознать страх – но именно его он сейчас и испытывал. Ему не хотелось оказаться на месте Грызуна, и он попятился, пока задом не упёрся в стену арены.

– Хе-хе, что, зассал, громила! Или как тебя там… Дрочун? – Горгулья был более чем доволен своим положением, пока далёкий, но стремительно приближающийся свист вновь не изменил его настроение.

Голос диктора возвестил новый этап:

– Послушайте! Вы только послушайте, кто к нам бежит! Мы снова слышим их, снова страшимся их воя! Дамы и господа, закрывайте уши и открывайте шире глаза – ибо сюда бегут хрипсы!

– Да вы издеваетесь… – недовольно выдохнул Грэг.

Издали их можно было спутать с обычными гончими пса-

ми: по форме тела они были похожи. Однако все четыре конечности оканчивались раздвоенными копытами, а с морд свисали закрученные рога – внутри них скрывались полости, через которые хрипсы издавали свой характерный свист. Благодаря мощным ногам и конусовидным черепам, рассекавшим воздух, они могли преодолевать огромные расстояния быстрее любых других зверей.

Крылья позволили Грэгу укрыться от них в воздухе: он завис над хрипсами, держа меч наготове. Некоторые кружили под ним и прыгали от ярости – головы дёргались, но никак не могли дотянуться до добычи. Большая же часть пронеслась мимо.

Осознание безвыходности положения разом накрыло Фила: бежать было бессмысленно, спрятаться негде. Свист становился всё сильнее, забирался глубоко в голову и создавал ощущение, что череп вот-вот разорвёт на части. Ему оставалось только одно: использовать труп копейщика как щит. Фил закрылся им.

Хрипсы одна за другой вонзались в мёртвое тело, действуя с пугающей слаженностью коллективной атаки.

Лишившись жалкого прикрытия, Фил выставил меч перед собой в надежде, что хоть одна из тварей напорется на остриё, как кусок мяса на шпажку. Конусовидный череп первой хрипсы не дал ей насадиться на клинок, но лезвие всё же оставило глубокий разрез от затылка до спины. Другая хрипса на полном ходу вонзила рога ему в голень.

Фил отбивался как мог; копытный табун швырял его из стороны в сторону, и только пятясь назад, он ещё удерживался на ногах. Меч выскользнул из руки. Теряя равновесие, Фил почти рухнул на землю, но вдруг чья-то ладонь схватила его за руку.

Это был Грэг.

– Держись крепче! – прокричал он.

Молодая, юркая хрипса взбежала по спинам других и прыжком ударила Фила в живот – их руки разом разошлись. Твари навалились на него, топтали, кусали и бодали. Грэг в отчаянной попытке снова прорубил себе путь мощными взмахами меча и схватил Фила за руку, но обжигающая боль заставила его отпустить.

– Ау! Что за херня! – вскрикнул Грэг, мотнув рукой.

Он взмыл в воздух и с недоумением пытался разобрать, что происходит под грудой безжалостных тварей.

Волна раскалённого воздуха рванулась наружу, с силой отбросив Грэга и докатившись даже до дальних рядов трибун. Мгновение спустя вспыхнуло ослепительное пламя – песок почернел и зашипел. Люди зажмурились, инстинктивно прикрывая лица.

Огонь охватывал одного за другим хрипсов, опаляя их мех. Их жалобные визги и свисты рвались из клубов дыма, пока не стихли вовсе. Воздух наполнился смрадом горелой плоти. Грэг, щурясь, прикрыл глаза ладонью, пытаясь что-то разглядеть сквозь дым.

Когда густой чад начал редеть, сквозь серые завихрения проступила фигура. Из центра обугленного круга медленно поднимался человек, целиком сотканный из огня. Он выпрямился, застыл среди дыма и уставился на собственные ладони, точно видел их впервые.

Грэг не мог поверить глазам:

– Жесть, это же…

По трибунам прокатилась волна шёпота:

– Это же Дэтфлейм.

– Тот самый. Я слышала, он сжёг поместье Форкана Зона.

– Я был уверен, это слухи.

– Дэтфлейм – не вымысел. Он уничтожил ужас Северного хребта.

– Он сжёг ту погань, что отравляла край Голанда.

Люди перекликались между собой: многие оборачивались к соседям и повторяли одни и те же слова – кто-то со страхом в голосе, кто-то с уверенностью, что Дэтфлейм убивает только тех, кто этого заслуживает.

В просторных, удобных ложах член совета Дэнрода, заместитель главы управления порядком Халшана и первый командующий Гронгана уже громко спорили о том, было ли появление Дэтфлейма запланировано.

На соседней ограждённой террасе находился Хэрст. Прежде чем он успел произнести хоть слово, изо рта у него брызнула слюна. Несмотря на зной и палящее солнце, глаза его распахнулись так широко, точно их растянули крюками.

Столь желанными были его грёзы об этом моменте. Множество бессонных ночей рождали обманчивые мысли о том, как он мог бы разобраться со своим злейшим кошмаром.

Первый подручный Хэрста сделал вид, что не замечает, как хозяина сотрясает судорожная дрожь, а у губ выступает пена. Возможно, он боялся наказания за то, что стал свидетелем слабости. А может, не хотел признавать, что тот, кому он служит, способен испугаться так же, как все остальные.

Хэрст почувствовал тупую боль в глубине щеки – там, где находился выжженный шрам в виде ладони. Тело охватило немое оцепенение, и из урагана чувств вырвалось одно слово:

– ДЭТФЛЕЙМ.

Глава 5
Вастах

Легенды – это обрывки слухов, переданных теми, чьих имён уже никогда не удастся узнать. Одни рассказывают о предании, в котором родилось имя всего сущего – того, что не имеет лика, но обладает горами, морями и бескрайним многообразием живых существ. Это имя возникло само. Мир назвал себя Аэрум, что означает «поток энергии».

Из места, которого нельзя найти, – из пространства без материи, без времени и законов мироздания, – сочился эфир. Он приносил и до сих пор приносит в Аэрум энергию света, дарующую творение, и уносит энергию тьмы, чья суть – в затухании. Когда Аэрум ещё не обрёл форму, поступающему эфиру некуда было пролиться: ведь не существовало ни земли, ни воздуха, чтобы принять его.

Энергия цеплялась за единственное, что у неё было, – за саму себя. Она вращалась вокруг одних и тех же точек, замыкаясь в завихрениях. Эти вихри непрерывно меняли свой потенциал, пробуя себя во всех возможных и невозможных проявлениях, пока один из сгустков не принёс миру то, чего прежде не существовало, – движение. Перемещение энергии раздвинуло границы Аэрума. За первым импульсом по-

следовало новое явление: сгустки света ощутили прикосновение. Они сталкивались, сжимались и обменивались частицами друг с другом.

Легенды впоследствии назвали их Богами.

Самыми первыми были Старые Боги – Боги Вечности. Они определили основы реальности: законы, функции и свойства, на которых держится бытие. Их трудом воспользовались Боги Стихий – те, кто начал творить материю, следуя установленным законам Вечности. Понятие времени и без того иллюзорно, поэтому сотворение мира могло длиться бесконечно долго или произойти в одно мгновение – прежде любого момента, который только мог наступить.

Когда Аэрум наполнился, последние завихрения породили Новых Богов – Богов Хаоса. Их первыми чувствами стали жажда борьбы и стремление превзойти других. Сражаясь между собой, они двигали горы, вздымали океаны; от их битв содрогались континенты. Но смерть ускользала от них, и завершить спор было невозможно. Из своей неутолимой тяги к разрушению они породили чудовищ – существ, чей разум не искал цели, но упивался самой борьбой, подчиняясь закону вечного отбора.

Оставались немногие Боги, чей вектор ещё не был направлен. Им наскучила бездумная борьба Хаоса – в ней не было конечного смысла. Тогда Бог Вечности по имени Лурадрис вдохновил их обратить свои силы в нечто новое. Он даровал им способность мыслить и тем самым открыл путь к созда-

нию разумной жизни, наделив их титулом Богов Разума.

Аэрум, населённый множеством удивительных рас и народов, многие из которых появились сразу в своей конечной форме, не мог обойтись без иного пути развития жизни – через преобразование.

Ваха был единственным из Богов Хаоса, кому удалось сотворить разумную жизнь. Однако он не обладал всеми знаниями Лурадриса о сокрытой функции и потому действовал иным путём. Он даровал жизни возможность самой выбирать направление: развиваться, меняться, искать путь к совершенству, начиная с зачатка разума, едва отличимого от звериного.

Так зародились вастахи – пресноводные существа, покорившие подводные глубины и долгое время наблюдавшие за миром со стороны. Поколение за поколением они меняли облик, пока не стали подобны иным разумным расам.

– Как же быстро летит время, – прошипел Сох сам себе. – Глупейшее умозаключение. Оно вообще никуда не движется. Такие фразы только торопят мысли, отчего разум ускользает от своего владельца, становясь цветком, чьи лепестки колышет ветер. Так же ветер колышет и жизнь тех, кто не чувствует времени.

Над столом тлела стеклянная сфера, внутри которой мерцала тонкая нить жара. Тёплый свет, как дыхание живого огня, мягко растекался по комнате. Лампы, созданные по подобной технологии, больше нигде не делали. Сох изобрёл её

пятьдесят лет назад и с тех пор никому не открывал свой секрет. Как название «свеча вастаха» отсылает к её создателям – ко всей расе, а не к отдельной личности, – так и здесь Сох предпочёл назвать своё творение «лампой вастаха».

Тайна заключалась в особой ткани, вымоченной в густой жидкости из льняных источников, а затем высушенной под палящим солнцем. Сох обвёл взглядом контуры светильника, после чего перевёл глаза на ночной город.

Холмград уже входил в фазу сна: чтобы экономить, на улицах оставляли редкие фонари, едва теплившиеся в темноте. В них подливали смесь масел каждые три цикла.

«Если бы они знали мой метод, – подумал Сох. – Моя сфера горит больше двадцати».

Понятие цикла – так называют день и ночь, две половины единого круга, – было введено вастахами, ибо они, как никто другой, чувствуют течение времени. Светлая часть принадлежит Солнцу, тёмная – Лунам. Тридцать циклов составляют полный цикл. Десять полных циклов складываются в один год – меру великого пути, в ходе которого разворачивается история, приходят холода и возвращается тепло.

В каждом цикле – тридцать свечей вастаха. За одну свечу можно сварить овощную похлёбку, починить простую упряжь или пройти полдесятка вёрст по дороге.

Так в Аэруме принято мерить время: свечами, циклами, полными циклами и годами.

Момент настал – пора было выбирать и действовать, ибо

всякое дело под попечением вастаха не терпит дневного света.

«Кто же направляет меня – выточенная опытом, обострённая до рефлекса интуиция? Моё бессознательное, не раз спасавшее в трудную пору? Стоит ли вновь довериться чутью – или включить разум, рассудив всё по уму, взвесив вероятные шаги и их исходы?

Муки выбора – те ещё фокусники: они жонглируют удачей и ленью, играя вокруг логики».

Убежище Соха трудно было бы назвать домом в привычном смысле этого слова – скорее пристанищем, уголком, где разум находил покой, а мысли – простор. Он обосновался на мансарде старого здания, некогда служившего фабрикой по производству деревянной посуды, и превратил запущенное помещение в укромное убежище. Здесь, под самой крышей, Сох обустроил небольшую террасу-беседку, откуда открывался вид на спальный район Дэнрода.

На массивном столе, освещённом тёплым светом лампы вастаха, теснились всевозможные диковины – предметы, не имеющие между собой ничего общего, но, по мнению Соха, именно они питали его вдохновение. Среди них особое место занимал маятник потоков – устройство из пяти стальных шаров, подвешенных в идеальном равновесии.

Многие лжецы, возомнившие себя провидцами, охотно вешают лапшу на уши чрезмерно доверчивым людям. Чаще всего людей интересует одно: кем они были в прошлой

жизни. И почти каждый надеется услышать нечто, достойное гордости.

Жизнь состоит из двух начал – матери и отца. А ощущение внутреннего «я» есть не что иное, как энергия, приводящая тело в движение. Потому правда о прошлом в гаданиях легко превращается в сказку. Помимо присущих всем живым существам инстинктов выживания, нервная ткань вастаха хранит отпечатки памяти прошлых поколений – по обе стороны родовой линии. При желании и должной тренировке вастах способен пробудить эти отголоски, заглянув в тень тех, кем были его предки. Глубина и ясность таких видений зависят от силы и мастерства самого вастаха. Другие расы никогда не поймут, что это за опыт. Это не сон и не воображение – скорее, окно в иную реальность. Потому вастахам куда проще вспоминать собственное прошлое: их уникальный мозг хранит память каждого прожитого цикла.

– Нужно скорее принять решение.

Насколько глубоко можно уйти в воспоминания? До той черты, где прошлое становится действительностью, стирая само ощущение настоящего. Для Соха подобное дело было естественным. Веки медленно опустились, и разум, ускорившись втрое, практически остановил для него течение времени.

Сох потянул крайний шар маятника и отпустил – звонкий удар рассёк тишину, а размеренный ритм слился с биением его сердца и дыхания.

Тук-тук.

Тук-тук.

Тук-тук.

С каждым ударом маятника настоящее становилось всё тоньше, пока не дрогнуло и не отступило окончательно. Дэнрод, мансарда, горящая лампа – всё растворилось, и Сох провалился туда, где каждый звук, каждый запах и каждая вспышка боли были такими же настоящими, как в тот цикл.

– Силы покинули меня, – прохрипел Сох, сплёвывая кровь.

Холодные стены пещеры, куда никогда не проникал луч света, и ледяные лужи жгли спину, испытывая тело на прочность. По разбитому лицу стекала кровь. Превозмогая боль, Сох то и дело поднимал голову, маниакально всматриваясь в широко распахнутые ворота. Их створки вместе с запором валялись среди камней; ошмётки застывшей лавы намертво запечатали проход, лишив всякой надежды на восстановление ворот.

Не прошло и одной десятой свечи с тех пор, как Сох принял решение, навсегда разделившее его путешествие по царству гномов на «до» и «после».

Два цикла назад Сох вместе с тремя гномами отправился в экспедицию на поиски синих минералов – наименее изученных из всех металлов Забытия. Путь пролегал через тоннели, известные как Водная Гладь. От столицы Гномрога они находились далеко – настолько, что стража туда почти не до-

биралась. Эти пещеры считались окраинами гномьего царства: изредка туда посылали боевой отряд, чтобы проверить, не расплодились ли у пограничных ворот бурлаки.

Сох и его товарищи встретили отряд «Железобой», но встреча обернулась несчастьем: бурлаки знали об их приближении и готовили засаду. Удар оказался внезапным и стремительным. Ворота, которые обычно держали открытыми, захлопнуть не удалось: бурлаки сорвали петли створок ещё до прихода отряда.

Тоннели Водной Глади – или, как их ещё называют, Водные Пещеры, – представляют собой огромные пространства, где потоки стекают по каменным руслам, разбиваются водопадами и расходятся на десятки больших и малых каналов. Остановить течение здесь невозможно: горные резы воды спроектированы так, чтобы направлять поток строго по заданному пути, питая гигантские водяные мельницы и шестерни с глубокими пазами.

Эти конструкции возвели первые поселенцы-гномы под предводительством Рудора II – ещё до основания Гномрога, когда главным приоритетом были притоки пресной воды. Со временем механизм стал сердцем водоснабжения царства гномов и, по совместительству, всех жителей горы Хэом. Пока шло строительство, даже некоторые бурлаки соблюдали нейтралитет, понимая, насколько это важно.

Нападение бурлаков на Соха и гномов разрушило весь порядок похода, до того проходившего спокойно и с задором

исследователей. Бурлаков оказалось слишком много: они давили числом и разрывали гномов на части. Синебур и Дон, двое компаньонов Соха, попали в оцепление и, отбиваясь, были вынуждены отступить к самому краю обрыва, уходившего в трещины, куда стекали излишние потоки воды. Старый, но всё ещё крепкий Гомхол, последний из их отряда, держался до последнего и разил врагов шипастой булавой, хотя кровь уже вовсю сочилась из разбитого колена.

Сох остался единственным, кто мог воспользоваться планом отступления, заготовленным на такой случай. За воротами, на дальней стене, скрывалась ловушка – массивный навесной молот. Стоило перерубить удерживающий его трос, и молот должен был пробить каменную перегородку, за которой покоилась лава.

Сох, едва держась на ногах, дотащился до стены. Пальцы дрожали от усталости и волнения, когда он ухватился за натянутый трос. Рёв бурлаков сливался с криками отчаянных бойцов отряда «Железобой».

– Это единственный шанс, – уговаривал себя Сох.

Мгновение. Вдох. Рывок.

Три удара понадобилось Соху, чтобы перерубить трос, и с каждым новым взмахом он продолжал убеждать себя в правильности выбора.

При ударе из троса вылетела искра. Навесной молот сорвался с цепи с жутким свистом и ударил в каменную стену. Воздух содрогнулся от гулкого удара, и на миг наступила ти-

шина – прежде чем камень лопнул, как скорлупа.

Из трещин вырвался упокоенный жар, а следом хлынула лава.

Она с рёвом пронеслась по каменному полу, ослепительным потоком заливая пещеру. Камень плавился, воздух густел, дышать стало нечем. Волна раскалённой смерти сметала гномов и бурлаков вместе с оружием и снаряжением.

Булава Гомхола опустилась, когда огонь добрался до его ног. Сухой треск кожи, крик – и старик рухнул, сгорая заживо, цепляясь за камень, который плавился под его руками.

Синебур и Дон, находившиеся у обрыва, оставались последними из тех, кто ещё мог спастись. Не видя иного выхода, они шагнули в пустоту. Бездна приняла их без звука.

Сох не успел отпрянуть: волна жара ударила в лицо, и кожа покрылась слоем копоти. Из пламени вырвался бурлак – чудом уцелевший, обожжённый, но живой. Его налитые кровью глаза горели безумной жаждой убийства. Бурлак рванулся на Соха и сбил его с ног.

В ход пошли закалённые рефлексы. Рука сама нашла кинжал. Прежде чем бурлак сомкнул челюсти на голени Соха, тот вонзил клинок в центр чудовищной головы. Тело бурлака дёрнулось, захрипело и рухнуло рядом.

Сох лежал на камнях, чувствуя, как мир вокруг плавится. Гул бурлящей лавы сливался с биением крови в ушах. Всё затихало.

Случайная встреча соплеменников на границе, где пути

гномов так часто пересекаются, обернулась настоящей катастрофой.

Сотни раз прокручивая в голове возможные исходы, Сох не находил ни одного, в котором хотя бы один гном остался бы жив. И всё же одна мысль не отпускала: что, если им просто овладел страх? Он не боялся признавать ошибки – напротив, всегда смотрел им прямо в глаза и не избегал трудных решений. Но стоило ли всё это того? Можно ли было избежать гибели – пусть не всех, но хотя бы кого-то?

Вопреки случившемуся, Сох продолжил путь. Он прекрасно понимал, что без проводников рискует заблудиться в бескрайних пещерах Хэома, – что, впрочем, и произошло. Сколько циклов прошло с тех роковых событий, сказать было невозможно: под землёй не видно неба, а потому время теряет привычные очертания, превращаясь в бесконечный поток шагов и дыхания.

Долго он брёл по извилистым ходам, теряя счёт поворотам, и не заметил, в какой миг окончательно сбился с пути. Карты гномов безупречны в своём исполнении – точные, выверенные, с тщательно обозначенными уровнями и переходами, – но даже они не спасают путника, если рядом нет знатока этих мест. Первая вылазка в Хэом без местного проводника – это верный путь в бездну.

Когда еда и вода закончились, истощённый и обессиленный Сох цеплялся за единственное правило: двигаться туда, где каменные своды поднимаются вверх. Ноги ныли, каждый

шаг отзывался глухой болью. Где-то на дне сознания тлела тяжёлая мысль: он заслужил эту участь.

Разум гас, как тлеющая свеча, и тело само вывело его из тьмы бесконечных пещер на поверхность.

Поверхность Забытия раскинулась перед ним бескрайним морем песков. Белые, жёлтые и красные оттенки мерцали под безжалостным солнцем; вокруг гулял ветер, поднимая песчаные вихри, крутившиеся, словно живые. Но даже теперь, понимая, что впереди его ждёт смерть от жары и голода, Сох не стал возвращаться назад.

Тук-тук.

Тук-тук.

Тук-тук.

Сох остановил бьющийся ритм маятника – и вместе с ним оборвалось воспоминание.

– Я ведь выжил… – В голосе Соха звучало сомнение.

– Значит, стоит поступить проще. Не знаю, зачем я вообще решил подойти к выбору через историю с горой Хэом. Непростая часть моей жизни. Видимо, потому и вспомнил. Может, до сих пор не понял, что чувствую. А нужно ли понимать?

Следом произошло то, что заставило его широко раскрыть глаза от удивления: лампа потухла.

– Забавно. Именно сейчас. Вот так просто. Ай, ладно. Буду делать как захочу. Зачем гадать?

Вечные размышления о пройденном пути в сочетании со

знанием прошлых поколений порождали в Сохе ощущение непрекращающегося внутреннего конфликта. Недаром вастахи предпочитают держаться поодиночке. На вопрос, почему они выбирают уединение, обычно следует простой ответ: так легче.

Сложность не в том, что приходится думать о соплеменниках, проявлять заботу или тратить силы на мелкие знаки внимания, на которых держатся близкие отношения. Дело в другом: вастахи мыслят иначе, чувствуют иначе. Жизнь, не требующая постоянного общества, дала им редкое право выбирать одиночество. Вероятно, люди неосознанно недолюбливают их именно за это – завидуют тому, что вастах может стать изгоем по собственной воле, не теряя ни рассудка, ни достоинства.

Разумеется, так живут не все. Некоторые вастахи, придерживаясь принципов отшельничества, всё же предпочитают время от времени пересекаться с другими: заключать сделки, отправляться в запланированные путешествия, делиться опытом – или просто сыграть партию в Пай Хо Ру За Карокум Са До Нугай. Эта стратегическая игра не является исключительной особенностью их расы – о ней знают и другие народы, – однако изобрели её именно вастахи.

Любой, кто знаком с вастахом лично, непременно упомянет об этом при первом же удобном случае – как о редком и запоминающемся опыте. Не стремясь к подобной славе, вастахи всё же обрели её благодаря внешности и особенностям,

резко отличающим их от других рас. Пожалуй, только встреча с эльфом могла бы вызвать большее удивление.

– Пойду в Монхарь прямо сейчас и сделаю всё быстро, – решительно заявил Сох.

В Доэдрасе находится знаменитый дворец Монхарь – хранилище драгоценностей и одновременно музей, куда знатных гостей приглашают полюбоваться редчайшими камнями, металлами и минералами, собранными со всего мира. Среди множества удивительных экспонатов особое место занимает колье «Клыки Чкалы» – украшение из бордовых самоцветов, огранённых в форме острых клыков.

К несчастью для жителей Доэдраса, три цикла назад колье похитили. Истина же, как водится, утонула в мраке догадок и слухов.

По одной из версий, некоторые приближённые ко двору знали: настоящие клыки исчезли задолго до кражи, а выставленный на всеобщее обозрение экземпляр был искусной копией.

Чтобы скрыть подлог, кто-то решился на второе «ограбление» – громкое, выставленное напоказ, но при этом безопасное.

Так или иначе, позор был неминуем. Сама мысль о том, что кто-то сумел проникнуть на охраняемую территорию, – а тем более о возможном предательстве изнутри, – бросала тень на имя Доэдраса и его легендарный дворец.

Почему кражу решили совершить именно сейчас? Ответ

прост: колье собирались подарить госпоже Файхи из рода Анисара, и перед вручением украшение должно было пройти проверку на подлинность. Это и могло стать причиной. Если бы при экспертизе выяснилось, что выставленное в Монхаре колье – копия, пришлось бы объясняться, а объяснения для Доэдраса означали бы позор. Потому, по одной версии, кто-то из приближённых предпочёл инсценировать вторую кражу, чтобы списать всё на внешних грабителей и навсегда скрыть подлог.

Но слухи спорят. По иной трактовке, всё было куда прозаичнее: хозяева просто проморгали очевидное – и колье впрямь стало добычей вора. Ограбление и впрямь выглядело необычайно простым, потому и породило столько домыслов: всего четверо налётчиков, двое из которых представились ремонтниками окон. Как только дело было сделано, они растворились в узких улочках города.

Доподлинно узнать правду никто не в силах. Посадить всех причастных в ряд и проверить на искренность невозможно; к сожалению, вскрыть чужие мысли никому не по плечу.

Разумеется, короля Доэдраса эта история задела лично. Он решил действовать рассудительно – начать масштабную перестройку власти. Народ Доэдраса слишком долго почивал на лаврах прошлого, считая себя выше прочих. Пришло время встряхнуть устоявшиеся порядки, вернуть людям трезвый взгляд на мир и отрезвить тех, чьё самодовольство

давно обернулось привычкой к безмятежному быту.

После недавней громкой неразберихи Сох решился на отчаянный ход – повторное ограбление Монхаря. С первой кражи прошло уже три цикла, и любое промедление усложняло задачу: с каждым новым циклом входы дворца укрепляли тяжёлыми замками, а стража проходила инструктажи, выслушивала выговоры вышестоящих чинов и, как следствие, становилась внимательнее.

Действовать нужно было сейчас. Ночь оставалась единственным верным союзником.

Убедившись, что всё необходимое при нём, Сох скользнул по крышам и тенистым стенам города, добираясь из Дэнрода до Доэдраса и мастерски избегая дозорных. Долгие годы, проведённые в Холмграде, научили его видеть невидимые пути: он двигался по слепым зонам, обходил караулы и посты – словно тень, не отбрасывающая сама себя.

Несомненно, повторить прежний план – под видом ремонтных работ – было невозможно. К тому же представителям расы вастахов, к которым и без того приковано повышенное внимание, в делах такого рода приходилось выбирать иную тактику: полное слияние с местностью – до ощущения, что их не существует вовсе.

Сох не считал задуманное чем-то серьёзным. Он понимал: кража по своей природе – поступок недобрый. Но, во-первых, целью была коллекция из двадцати колец семейства Оканос, некогда жившего на югах. Кольца не обладали ника-

кими особыми свойствами и представляли собой предметы декора. Во-вторых, он не собирался никому причинять вреда. Этих двух пунктов хватало, чтобы та часть его существа, что принимала образ совести, оставалась спокойна. В конце концов, этими кольцами мир не спасти – и никто из-за них не умрёт. Просто вещи. Для кого-то они представляют визуальный интерес, но не более.

Многие могли бы подумать: ограбить дворец – дело не из лёгких. Однако куда сложнее найти двух одинаковых вастахов. Помимо способности заглядывать в прошлое, у них есть и другая врождённая особенность – умение изменять собственное тело. Именно так, шаг за шагом, они прошли путь от пресноводных существ до форм, схожих с людьми и другими разумными расами.

К сожалению, менять структуру тела – плотность мышц, величину костей или подвижность суставов – вастахи способны только через поколения, задавая изменения на уровне наследственных генов. Зато им подвластно иное: управление всеми органами, от печени до мозга; сжатие стенок сосудов; рост новых нервных волокон; контроль подачи гормонов.

Для людей такие способности кажутся невероятными, почти выдумкой. И всё же в каком-то смысле человеческая раса тоже обладает схожим механизмом – пусть и косвенным. Эмоции управляют телом: гнев и радость учащают сердцебиение, обида и стресс ведут к упадку сил, страх перехватывает дыхание.

Не каждый вастах обладает навыками контроля всех систем своего организма. Но есть то, что доступно каждому из них без исключения: при желании они могут вызвать мгновенную смерть – путей к этому в теле более чем достаточно.

Быстро проникнув в Монхарь, Сох затаился в полутени арочного пролёта, выжидая середину ночи – миг, когда стража меняется, а внимательность дозорных слабеет.

Время тянулось вязко. Тишину нарушали редкие звуки: шаги караульных, заканчивающих последние обходы, глухие отзвуки металла и короткие фразы, которыми они перебрасывались, прогоняя сонливость. Из-за угла доносился приглушённый разговор двух стражников – тот самый, что невольно стал для Соха отсчётом до действия.

Он сидел без движения, вслушиваясь в каждое слово и звенящие паузы между ними. Скоро должен был настать момент, когда даже лучшие дозорные позволят себе зевнуть и ослабить хватку копий.

– Всего три цикла, ты можешь себе представить? – с лёгким раздражением произнёс стражник. – У меня сын родился всего пять циклов назад, а им и дела нет. Неужели всё настолько важно? Какая, к троллю, муха их укусила? И ни слова о подробностях.

– Тогда зачем тебя вообще поставили на караул? Разве ты не должен готовиться к походу? – ответил женский голос.

– Старший боевого отряда выпросил для меня эти несколько циклов, чтобы я мог побыть рядом с семьёй. Я

ведь живу неподалёку. А потом – что ж, пойду, куда прикажут. – Он немного помолчал и добавил вполголоса: – Хотя, признаться, догадываюсь, в чём дело. Похоже, между королевствами назревает война. Не здесь, конечно, где-то в глубинках. Потому и молчат – ждут, кто первым оступится. Тот и станет виноватым.

– Какая им разница до виновного, – заметила женщина. – Историю диктует победитель. В хрониках всегда найдётся место для «доблестной» стороны, а несогласных запишут в изменники. – Она усмехнулась. – Ты, может, и повидал больше земель, участвовал в стычках с разбойниками, но мне, служа при внутренних дворах, довелось услышать политику – ту, что произносят за закрытыми дверями.

– Не верится, что даже владыка Доэдраса марает руки в грязи интриг.

– Владыка Эрик – человек честных кровей, и этого никто отрицать не станет, – спокойно ответила она. – Но власть, увы, притягивает худшие пороки. И людей, что приносят их с собой.

– Что ж… – вздохнул стражник. – Как вернусь со службы, зайду к тебе. Тогда и узнаем, что на самом деле происходит. Не будем гадать впустую.

Какое-то время в роскошных залах под покровом ночи стояла безмолвная тишина. Когда тягостная пауза затянулась, её нарушил властный голос офицера караула, объявившего о новой смене. Пока стража обменивалась формальны-

ми приветствиями и коротко отчитывалась о состоянии залов Монхаря, заскучавший в тени вастах наконец перешёл к делу.

Домашние хранилища в убежищах Соха представляли собой не только собрание ценных минералов и драгоценностей. Куда сильнее его манили сведения – забытые записи, чертежи, карты. Он знал цену информации. В прошлом Соху удалось выкупить у одного строительного мастера старую схему дворца – ту, что тот некогда подсмотрел у коллег и восстановил по памяти. Этого оказалось достаточно: теперь вастах мог уверенно ориентироваться в запутанных коридорах и многочисленных залах Монхаря.

Аккуратно скользнув вдоль крайнего павильона, Сох нашёл нужную витрину. На удивление, её подсвечивал лунный свет: яркий луч точно ложился на стекло, огибал зеркальные грани и играл на отполированных кромках. Под герметичной поверхностью покоились двадцать колец, выстроенных в идеальный ряд. Защитный слой был внушительным – чтобы пробить его, понадобилось бы не меньше трёх мощных ударов железного молота.

Сох медленно извлёк из мешка, перекинутого через плечо, чёрную цепь – на её концах поблёскивали лезвия из красного минерала. Ловким движением он раскрутил цепь до бешеной скорости, пока зал не наполнился тихим свистом.

Резкий взмах – лезвия пронеслись по стеклу, оставив на нём тонкие оплавленные линии. Второй удар, третий – и по-

верхность витрины покрылась мелкими трещинами, разогретыми добела. Под жаром красного минерала стекло мягко осело, плавясь под собственной тяжестью. Аккуратно просунув руки под расплавленные края, Сох несколькими толчками приподнял стекло и быстро сгреб кольца в мешочек. На осторожность времени не оставалось – каждый лишний вздох имел цену.

Он двигался стремительно, почти не думая о скрытности, – только о направлении. По всем расчётам, караул уже должен был подниматься к этому залу. Проскользнув по переходам, Сох выбрался к тому самому окну, через которое проник. Стоило ему ступить за его пределы, как над дворцом раздался тревожный гул сигнальных колоколов.

Стража бросилась окружать здание, топот сапог эхом разнёсся по улицам, но для вастаха это уже ничего не значило. Сох, не сбавляя темпа, рванул вперёд по крышам, где лунный свет ложился серебряными дорожками. Его путь вёл в сторону Гронгана – туда, где ждал покупатель.

Оказавшись к утру за пределами Доэдраса и ступив на земли Гронгана, Сох позволил себе сбавить шаг. Погоня осталась позади. Здесь за ним больше никто не гнался. Гронганцы чаще других имели дело с вастахами и потому не находили ничего странного в том, что одинокий вастах идёт по своим делам. Сох растворился в городском потоке.

Закрученные крыши отличали архитектуру Гронга: коричневые, красные и чёрные тона переплетались с украше-

ниями из костей и звериных шкур. Утренние тренировки были обязательны для всех без исключения – вне зависимости от сословия и возраста. Даже старейшие выходили на дыхательные практики.

Местные любят красоваться оружием и доспехами. С раннего утра они цепляют на себя обмундирование и ходят так весь день. Могучие плечи не знают усталости. Демонстрация себя как воина здесь не прихоть, а гордость, питающая самолюбие.

Хотя при каждой трапезе большинство гронганцев предпочитают закусывать мясо птиц или копытных какой-нибудь растительностью, зелень и свежие овощи занимают далеко не первые места на прилавках. На улицах стоит запах свежей крови, стекающей по тушам недавно распотрошённых животных. Гронганцы не из тех, кто кричит о скидках или «горячем предложении»: тебе нужна еда – вот ты и кричи, что тебе нужно.

У мясной лавки стояла высокая, статная девушка, сложив руки замком на груди. Ровную спину поддерживали мышцы, закалённые тренировками, а тугие, как жгуты, связки и суставы подчёркивали крепкую фигуру. Засаленные волосы она стянула в плотный хвост – ни одного волоска из него не торчало. Её глаза обрамляли ровные стрелки у внешних уголков и чёрная подводка по нижнему веку.

Вастахи редко заглядываются на мужчин или женщин других рас. И всё же эта воительница произвела на Соха впе-

чатление. Он остановился прямо перед ней, не собираясь ничего предпринимать, – только с восхищением отметил изящество скул и пронзающий взгляд. Девушка расцепила пальцы и вытянула руки – движение невольно подчеркнуло её выразительную грудь.

– Тебе что-то нужно, вастах? – спросила она.

– Только выразить восхищение, воительница. В изгибах твоего тела – сила, а в глазах – энергия. Ты достойная представительница Гронгана.

В круговерти покупателей многие звуки терялись в потоке разговоров. И всё же она отчётливо уловила каждое слово, сказанное Сохом. Сперва лицо девушки не изменилось, но мгновение спустя улыбка мягкой волной пробежала по губам.

– Надеюсь, правду говорят: как цикл начнёшь, так его и проведёшь. Твои слова мне приятны – от них настрой на день стал ярче. Желаешь свежего мяса?

– Не сейчас. Мне нужно идти.

– Грон, – сказала на прощание девушка и дважды ударила кулаком о предплечье.

– Грон, – ответил Сох, повторив тот же жест.

Опыт прожитой жизни – заключённый в наработанных умениях, полученном образовании, освоенных ремёслах, боевых и спортивных навыках – может проявляться в самых разных ситуациях. Любое действие имеет два начала: условное и безусловное. Оно проявляется в рефлексах, которыми

человек пользуется в повседневности, часто даже не задумываясь об этом. Уклониться от случайного столкновения, устоять после удара ногой о выпирающий камень, уловить опасный запах, способный уберечь желудок от мучений, вовремя распознать присутствие хищника или ядовитого растения – всё это работа накопленного опыта.

Знания о природе интуитивно выводят на верный путь. Владение речью помогает заключить выгодную сделку или разрешить конфликт. Пазлы телесных способностей – кости, мышцы, нервы, органы чувств – формируют побуждения, управляют импульсами и направляют работу нейронов мозга, столь склонных порождать хаотичные мысли.

В арсенале Соха хватало мастерства: он владел разнообразными техниками и множеством орудий убийства, умел читать тело и пространство вокруг. И без чужой оценки он давно считал себя высокоразвитым вастахом – тем, кто грамотно и с достоинством использует собственное тело, эволюционировавшее благодаря труду предков.

Его реакции безотказно отвечали на импульсы, но вопросы в голове всё равно с трудом находили ответы. Возможно, дело было в том, что на такие глубокие вопросы нет единственно верного ответа. Найти можно лишь свою правду – приглушённую доводами, корни которых уходят в боль, принципы и догмы, усвоенные ещё в детстве.

Причина оставалась неясной. Возможно, со временем Сох её найдёт, но голос в голове его не устраивал. Он давно выра-

ботал принцип недоверия к собственному внутреннему «я» и предпочитал не соотносить каждую мысль с реальным ходом дел. Этот голос следовало держать в узде: слишком легко он тянулся к низменным порокам, и доверять ему было нельзя.

Возможно, именно поэтому ему были так близки гномы. Их разум выкован простым убеждением – говорить только правду. Они не терзают себя лишними мыслями, не прячут слов за намёками. Скажут как есть – и проверять не требуется.

Погружённый в мучительное обдумывание собственных мыслей, он двигался, почти не чувствуя дороги.

Тем временем улица, выточенная строгими стенами, наполнялась золотом: яркие, сочные, лимонные лучи солнца прорывались сквозь каждую щель между домами, разливаясь по камню и воздуху.

Свет ложился на макушки женщин, стройной вереницей идущих на утреннюю тренировку; скользил по лицам торговцев, чьё утро застало их ещё затемно; мерцал на витринах лавок, затекал в домашние очаги, заглядывал на завтрак горожан.

Магазин зеркал и цветной посуды отражал его так щедро, что солнце словно решило устроить представление: блеск, искры, сияние – настоящий праздник радужного света. Всё это заставляло прохожих поднимать головы и невольно воодушевляться началом нового дня.

Всех – но только не Соха.

Каждое королевство окружено широкими стенами с дозорными. Между королевствами стоят ворота: в зависимости от времени суток они либо полностью закрыты, либо открыты, но для срочного визита требуется объяснить его причину. Исключение составляют Дэнрод и Халшан – здесь ворота существуют скорее формально и почти никогда не запираются.

Но в Холмграде есть ещё одно отделённое место, куда нельзя попасть просто так. Район Гром-грон – единственная часть столицы, чьи жители не подчиняются своему прямому правителю, Саердору из Гронгана. Здесь правит Танагон.

Гром-грон соседствует с ареной и лежит на границе Гронгана и Дэнрода. Именно здесь расположен самый крупный чёрный рынок на всём материке. По тоннелям из Дэнрода сюда поставляют товары, а Танагон отвечает за их сохранность и дальнейший сбыт.

Сох прошёл внутрь района, и никто не посмел его остановить. Не потому, что каждый патруль знал его в лицо. Просто любой вастах пользовался здесь негласным почётом и доверием. Даже если вастах прежде не имел дел в Гром-гроне, Танагон охотно предоставлял ему место и возможность проявить себя. Таков был устоявшийся порядок: потенциал не запирают за воротами.

Вход в район производил впечатление. Двойные створки ворот – тяжёлые, в два человеческих роста, – расходи-

лись внутрь, раскрывая пасть крепости. Дерево укрепляли металлические пластины, по которым тянулись узоры кланов Гронгана, вырезанные когтями чудовищ. Над воротами возвышалась платформа со стражей: по четыре бойца с каждой стороны – восемь фигур, застывших над проходом, как живые статуи. В каменных навесах над платформами были проделаны узкие гнёзда для луков и метательных копий – отсюда район можно было защищать, не делая ни шага назад.

Для вастаха двери Гром-грона раскрывались так же свободно, как и путь к любой возможности внутри. Один стражник слегка наклонил голову, признавая проходящего, – и на том проверка закончилась.

Хотя все знали, что в Гром-гроне царят свои порядки, а обычные законы едва дотягиваются до его глубин, желающих жить здесь меньше не становилось. Когда району стало тесно, было принято смекалистое решение – наращивать его вдоль гигантских стен, уходящих в небо, пока он не превратился в многоярусное нагромождение улиц, лестниц и переходов.

Поскольку раньше это место являлось неотъемлемой частью Гронгана, его архитектура во многом сохранила первозданную грубость. Однако со временем появились детали, изменившие облик района: другие расы и народы приносили свои формы и привычки. Этот наложившийся слой сделал застройку хаотичной, а суровость очертаний – осознанной чертой, превратив Гром-грон в нечто уникальное, непохожее

на остальной город.

Хотя путь Соха лежал к самым дальним зданиям, вознесённым высоко над землёй, он не спешил и свернул к кварталу Фонарей – месту, известному обилием навесных светильников, которые, впрочем, сейчас были ни к чему. Эти извилистые улицы жили куда оживлённее других.

Помимо коренных жителей Гронгана и переселенцев из соседних королевств, здесь обитали представители самых разных рас: роккуны, вастахи, тендерцы, кривийцы и даже гномы.

Внимание Соха привлёк знакомый гортанный говор. Он остановился, позволил людскому потоку пройти мимо, а затем протиснулся сквозь толпу – прямо к двум крепко сложенным гномам. Их руки сплошь покрывали церемониальные татуировки. Узоры не заканчивались на плечах, а уходили глубже под броню, скрываясь под слоями металла и кожи.

У одного борода была аккуратно заплетена в косички, а волосы стянуты в тугой хвост. Среди густых прядей проглядывали толстые закрученные рога. Второй относился к своей бороде куда менее уважительно – та росла жёсткими спутанными клочьями во все стороны. Зато волосы на голове были выстрижены в ровный ирокез, торчавший дыбом, а его концы сияли ярко-жёлтым цветом. По обе стороны лысых висков выступали короткие прямые рога.

На волосах красовалась не обычная краска – их покрывала пыльца минерала. Подобные составы редко использу-

ют бездумно: длительное воздействие многих минералов может оказаться опасным даже для крепкого организма. Только жёлтые и зелёные разновидности иногда наносят прямо на тело, чтобы постоянно ощущать их влияние.

Жёлтые усиливают живость реакции и ускоряют движения.

Гномы, хоть и давно ведут дела с людьми, всё равно относятся к ним с опаской. Но здесь они чувствуют себя вполне комфортно. Одним синхронным движением оба развернулись к Соху упругой стеной.

– Харкна уорта рага маша, – с издёвкой сказал первый.

– Куна, хайэртамп, – добавил второй.

Прекрасно разбираясь в языке гномов и его диалектах, Сох говорил на гунде почти без акцента.

– Бартама окра? – спросил он.

– Говоришь на гунде, сиквой? – откликнулся гном с ирокезом.

Сиквой – мягкое прозвище, которым нарекали вастахов. Буквально оно означало «нелюдимый». Некоторые считали его оскорблением, переводя как «недоличность», однако сами гномы вкладывали иной смысл: отстранённость от людей они скорее относили к достоинствам.

Сох спокойно принял прозвище и ответил без тени раздражения:

– Пятнадцать лет я прожил в Забытии. Среди моих знакомых хватает достойных гномов.

– С чего решил, что нам не хватает вастаха?

– Ты селезень, что ты сразу бодаться, – одёрнул его гном с заплетённой бородой. – Нормально общается, может, он ищет кого.

Гном с ирокезом недовольно фыркнул и провёл рукой по неухоженной бороде.

– Меня называют Тэнго, а этого злыдня – Боро. Что тебе нужно?

Сох не стал цепляться за грубость и продолжил тем же ровным тоном:

– Вы здесь живёте? Или только по делу?

– Гномрог – наше сердце, мы трудились ради него. Работали в малом портовом городе под гнётом безжалостного солнца пустыни.

– Ради товаров. Торговля минералами, – добавил Боро.

– Всё верно. – Тэнго кивнул. – Мы отдали этому делу добрую часть жизни и уже привыкли к солнцу. Теперь решили вернуться на старую родину. Попытать удачу и здесь.

– Моё имя Сох. Я странствую по всему миру собственным путём. Я не ищу чего-то конкретного – я кое-что изучаю.

– Минералы?

– Мои вопросы касаются в том числе и минералов. В первую очередь меня интересует измеритель частиц. У вас есть такой?

– А зачем бы он нам здесь? Мы тут не ради добычи, – без раздумий ответил Боро.

– Скажи лучше, зачем ты ищешь его? – вмешался Тэнго.

– Как я говорил ранее, я своего рода учёный. Познав природу трав и ядов, я обратил внимание на эссенцию минералов. Составляющие их элементы обладают уникальными свойствами. Потому я и отправился в Забытие – изучать и учиться. Мне стала ясна суть каждого цвета, кроме одного.

– Чёрный минерал, – произнёс Тэнго. – Его суть – в угасании. Крепок, надёжен, но в нём нет ни капли живой энергии.

Он коротко махнул рукой:

– Пойдём внутрь, продолжим там. Умираю – хочу пить.

Они перешагнули порог и вошли в дом. Внутри всё оказалось иначе, чем снаружи: гномы сумели устроить здесь настоящий уют – строго по своим обычаям. В каждом углу горели большие и малые огни; стены вместо тонкой отделки были завешаны тяжёлыми тканями. В подземных пещерах камень всегда холодит, а шкуры удерживают тепло; здесь же от такого убранства стояла лёгкая жара – не тягостная, но ощутимая.

К счастью, гронганцы и сами любители шкур и ковров, так что достать подходящий материал для гномов не составляло труда. Тем более гномы в Гром-гроне были далеко не редкостью, и некоторые местные ткачи с охотой пробовали себя в новом ремесле – создавали узоры и орнаменты, подходящие к гномьему очагу.

Чуть поодаль от входной двери стояли диваны среднего размера, окружавшие каменную столешницу, где аккуратно

лежали разного рода инструменты. Широкий зал заканчивался вытянутым столом возле кухонной утвари.

Огней в помещении было немного. Окна скрывались за плотными занавесями, а основное освещение давали тусклые сгустки горящего минерала, вставленные в куски затвердевшей древесной коры и уложенные в каменные чаши.

Тэнго прошёл к шкафчику с посудой и достал большой фарфоровый стакан. Набрав газированного напитка, называемого чок, он осушил стакан залпом. Боро пропустил Соха в центр комнаты, сам же остался у двери.

Тэнго поставил стакан и, не мешкая, заговорил:

– Если ты ищешь залежи минералов, тогда лучше вставай в очередь. Тебе повезло, что мы не из тех, кто ради цели пойдёт на крайние меры. Но любому, кто станет путаться у нас под ногами, мы будем мешать.

– Учёный, говоришь? – грозно буркнул Боро. – Не суй нам камни в уши.

Сох почти не двигался и отвечал ясно, без промедления:

– Ваша логика мне ясна. Я не встречал живого существа, способного осознать мои мотивы. Измеритель нужен мне не в тоннелях Холмграда. Используйте его здесь и сейчас.

– Не играй с нами в игры, сиквой, – продолжал напирать Боро.

– Никаких игр. Прошу определить концентрацию чёрного минерала в воздухе, только и всего. И, если возможно, сделать это на крыше – там больше свежего воздуха.

Тэнго задумчиво прикусывал щёки:

– С чего ты взял, что он у нас есть?

– Догадки строить не стану – потому и спрашиваю прямо. Мне нечего скрывать, и ни под кого я не рою. Гномы чтят закон правды, не так ли? Чем вы занимаетесь, меня не интересует. О своих планах могу рассказать. Либо я получу измеритель от вас, либо продолжу поиски.

– Хм… – протянул Тэнго. – Просто всё это выглядит так, будто ты проверяешь, храним ли мы минералы или как именно с ними связаны.

Тэнго обошёл длинный обеденный стол и присел на диван, опершись кулаками о колени.

– Если уж ты и вправду жил среди нас, тебе известна судьба народа гномов и, главное, наши моральные ценности. Для нас минералы – не драгоценность. Дело никогда не было в наживе, нет, не в золоте. Минералы стали ключом к пониманию устройства мира. Вглядываясь в их узоры и переливы, мы увидели: каждая вещь имеет форму, состав и порядок. Всё различно – и всё связано. В конце концов, именно они подарили нам второй шанс на существование.

– Безусловно, – подтвердил Сох. – Я благодарен вашим предкам за начало и за путь, проложенный ими. Путь, который, возможно, ещё спасёт всех нас от гибели. Мои амбиции чисты – я ищу спасения.

– Не совсем понимаю, о какой опасности ты толкуешь. – Тэнго потёр бороду и поднялся на ноги. – Ладно, будет тебе,

вастах. Боро, неси измеритель.

– Тэнго, ты ещё не спросил моего согласия.

– И что ты молчишь тогда? Если не согласен – гони его за дверь.

Боро уставился в затылок вастаха. Сох слегка повернул к нему голову.

– Харкна уорта рага маша, куна, хайэртамп, – возмущённо пробормотал Боро и поднялся на второй этаж.

Сверху раздался глухой грохот, и вскоре Боро спустился, волоча тяжёлый механизм – огромную железную коробку, опутанную насосами, трубками и рычагами.

– На улицу выносить не будем, ещё увидит кто. Да и крыши у нас нет. Если нужен свежий воздух – дыши реже, может, поможет, – с ухмылкой сказал Боро.

Сох проделал с устройством привычные для него манипуляции, а Тэнго с усилием накачал воздух рычагом. Поток прошёл по трубкам и смешался с жидкостями в шести колбах. Такие измерители используют в шахтах для поиска минералов: при повышении концентрации пыльцы в воздухе стрелки над соответствующими колбами приходят в движение.

Как и ожидали гномы, все показатели остались неизменными – кроме одной стрелки, едва заметно дрогнувшей.

– Благодарю, мне нужно идти, – сказал Сох.

– Стой, стой. Ты получил, что хотел?

– Да.

– И что же? Ничего ведь не изменилось. Конечно, минералов-то рядом нет. Ты обещал рассказать правду о своих действиях, – громко напомнил Тэнго.

– Минералов рядом нет и не было. Дело в чёрной стрелке – она сдвинулась.

– Да чепуха, – отмахнулся Боро. – Барахлит, наверное. Просто надо починить.

– Это ни к чему. Измеритель работает исправно. Вы ведь сами сказали: суть чёрного минерала – в угасании. В энергии тьмы. Она повсюду, как и воздух.

Сох сделал паузу.

– Вот только её становится больше.

Гномы, как по команде, пожали плечами и нахмурились.

– А теперь мне и правда нужно идти. Удачи вам. Прощайте.

Выскочив из дома гномов, Сох направился прямо к цели – вглубь района, к его верхним ярусам. Ничто уже не могло его отвлечь или задержать. Опасения гнали вперёд, не позволяя сбавить шаг. Мысли одна за другой безжалостно били в голову.

Все доводы по-прежнему оставались лишь догадками. Он чувствовал, что что-то не так, но не понимал, к чему это ведёт. Картина ускользала, распадаясь на отдельные фрагменты, между которыми зияла пустота. А измерение частиц подбросило углей в тревогу: никакой ясности – только очередное подтверждение того, что происходящее не укладывается

в привычные рамки.

На крайнем проходе к самой укромной части Гром-грона его ненадолго задержали, чтобы уточнить, готов ли Танагон его принять. Сох коротко кивнул, и его пропустили дальше. Он поднялся на самый верх, миновал вытянутый коридор, выложенный каменной плиткой, и, сделав последний поворот, оказался в главном зале.

По всей длине помещения тянулись высокие окна, открывая вид на город с птичьего полёта. С такой высоты можно было разглядеть почти всю крышу арены и даже земли соседних королевств. Танагон мог позволить себе роскошь заменить тяжёлые стены стеклом – внезапных нападений он не опасался. Весь район был выстроен по принципу укреплённого верхнего центра: сотни постов, продуманная защита и верные люди.

Охрану составляли коренные гронганцы – люди старой закалки, с крепкой волей и неизменной преданностью. Роккуны отвечали за экономику района: фиксировали перевозки, выплаты и снабжение жителей всем необходимым. Точечные поручения, для которых требовались узкий круг исполнителей и минимум огласки, ложились на плечи вастахов. Даже гномы занимали своё место в этой цепи – их знания и опыт помогали совершенствовать здания и фасады, защитные механизмы и новые проекты Танагона.

– Я ждал тебя свечу назад. Заскочил перекусить? – Танагон держал в руке красное яблоко и смотрел в сторону аре-

ны. – Ты в курсе, у нас сегодня намечается представление. Давно бывал на арене?

– С тех пор – ни разу. Меня не интересует восхваление смерти.

Глава Гром-грона был высоким, статным мужчиной. Его рост и телосложение соответствовали типичному гронганцу, но ухоженные руки, чистое лицо и менее выраженная мускулатура выдавали в нём человека иной культуры – представителя нового высшего слоя Гронгана. Не столь грубого, как большинство командиров и правителей его народа.

Причёска оставалась узнаваемо гронганской: волосы собраны на макушке, но куда аккуратнее обычного – ни выбившейся пряди, никакой небрежности. В этом чувствовались выучка, манеры и внутренняя дисциплина, чуждые суровой простоте большинства гронганцев.

Проведя пальцами по волосам, Танагон подошёл к Соху и лёгким взмахом руки пригласил его к столу. Сох достал свёрток ткани и развернул его: кольца скатились и вытянулись в ровную линию.

– Твоё задание я выполнил. Хвоста за мной нет. Тебя это, конечно, мало волнует, но никто не пострадал. Работа чистая и быстрая. Бери кольца… и скажи, где я могу найти книгу.

Танагон не стал вникать в подлинность товара – лишь скользнул взглядом по кольцам и снова посмотрел на Соха.

– Никто… не пострадал, – протянул он, пробуя слова на вкус. – Да, ты прав, это меня не беспокоит. Мы давно зна-

комы, Сох. И я не прошу тебя раскрыться передо мной… Я просто хочу наконец поговорить.

Шарообразный графин, наполненный ярко-жёлтым алкоголем, сиял в отражённом свете свечей, словно внутри плескалось жидкое золото. Лёгким движением руки Танагон плеснул немного рома в фужер.

– Как много книг тебе известно? Ты знаешь, о чём я толкую, – Танагон неотрывно следил за его реакцией. – Не делай вид, что я спрашиваю о чтиве для развлечения.

– Сколько бы книг я тебе ни назвал, сомневаюсь, что найдётся в мире тот, кому я раскрыл бы их все.

– Мне нравятся те, кто знает толк в истинной силе знаний. – Танагон покачал пальцем. – Власть можно обыграть, армию – разбить, земли – отобрать. А знания дают преимущество. Фору. Козырь в рукаве – назови как угодно, суть не меняется. Информация подобна паутине: нужно отыскать паука, чтобы повторить её узор.

– Тому, кто уже обладает властью, армией и землёй, довольно легко так рассуждать. Пока нет остальных звеньев, знания, оголяя реальность, несут погибель разуму. Невозможно укрепить положение в обществе, если его нет изначально.

– Ой, да брось. Ты ведь сам так не считаешь. Очевидно же, что меня не так просто обвести вокруг пальца. Не недооценивай меня, Сох. – Его голос стал тише. – Моя милость имеет привычку быстро сходить на нет.

Осушив стакан, Танагон подошёл к стене и, потянув за ручку, развернул карту всего Аэрума. На ней был изображён Континуум – материк людей и эльфов с ближайшими островами, а справа – Забытие, второй материк с горой Хэом. Поверх карты пестрели десятки пометок: тонкие линии, заметки на полях, едва различимые дорисованные контуры – аккуратный беспорядок, в котором угадывалась долгая работа внимательного и настойчивого разума.

– Вот. Посмотри на свою реакцию. Вастахи могут контролировать органы, подавлять рефлексы, регулировать дыхание… но… но не способны скрыть настоящие желания. У людей любопытство расширяет зрачки – у вас же, вастахов, тело замирает.

Слегка наклонив голову, Танагон продолжил:

– И ты сейчас застыл куда сильнее обычного. Пытаешься впитать каждый штрих, зарисовать карту в памяти. Ищешь точки, которых не нашёл на картах, перерытых в библиотеках Холмграда.

Сох медленно повернул голову к карте.

В голосе Танагона прозвучал тихий восторг:

– В нашем мире есть информация, способная перевернуть весь ход событий.

– Ты не скажешь мне, где спрятана книга. Не так ли? – спросил Сох, поворачиваясь к нему.

– Ха-ха! – Танагон коротко рассмеялся, прикрыв рот рукой. – Ну вот, я же говорил, ты мне нравишься. Ты сам до

всего дошёл. Признаться честно, когда ты спросил о книге Равновесия, у меня аж зубы заскрипели. Сперва я думал убить тебя. Будь ты человеком, может, просто послал бы тебя в бездну, но вастах вроде тебя и ищет непростые знания. Мне стало любопытно, какие цели ты преследуешь.

Танагон отступил от карты.

– Но не переживай, наградой тебе станет наш разговор. Золото не предлагаю – мы оба знаем, оно тебе ни к чему.

– Ты не знаешь.

– Нет, Сох. Место книги мне неизвестно. И раз уж мы всё прояснили, давай для начала поговорим о других экземплярах. Среди моих подчинённых я никому не доверю подобную тайну. Я желаю этого разговора не меньше твоего.

Сох впервые за время встречи сменил позу и сел в одно из кресел напротив.

– Я не желаю раскрывать своих тайн.

– Поэтому предлагаю начать с простого. Уверен, оно известно нам обоим. Книги трав.

Лицо Соха исказилось: лоб едва нахмурился, скулы ушли назад. Именно так он выражал улыбку.

– Пять томов, – сказал Сох.

– Ну разумеется. Яды. Регенерация. Трансформация. Сознание и грёзы. Мускулы и кровь.

Перечисляя названия, Танагон подошёл к балконным дверям и закрыл их, затем вернулся к столу и, устроившись в кресле, закинул ноги на табурет.

– Читал? – спросил он.

– Пять лет посвятил алхимии. Изучил четыре из пяти – но не подлинники.

– Само собой. Воровать книги из башни Кристалл, когда существует столько копий, было бы безумием. Хотя… – Танагон прищурился. – Откуда я могу знать, как именно устроена твоя эволюция, Сох. Скажи мне: на что уповали твои предки? Что ими двигало?

Сох задумался, взвешивая, стоит ли говорить о своём происхождении и не обернут ли эти знания однажды против него.

– Я погружался в себя – до самых глубин, – наконец произнёс он. – Видел глазами тех, кто жил в воде, смотрел на мир удивлённым, первозданным взглядом.

– Каково это – осознавать себя в теле животного? Твой предок чувствовал страх… или беспомощность?

– Поначалу это была свобода. В мыслях, в действиях. Поступки не ждали причин, и ни одно последствие не нуждалось в оправдании. Ни осуждения, ни обсуждения, никаких социальных норм. Полное единение с настоящим: прошлое и будущее не тянули и не тормозили. Один нескончаемый миг.

Пауза натянула их обоих за невидимые нити, не позволяя сразу нарушить тишину.

– Прелестно, – с облегчением произнёс Танагон. – Зачем же вы продолжили развиваться? Была ли обратная сторона такого счастья?

– Не эльфы и не люди придумали жестокость, – ответил Сох. – Она в крови каждого, как часть системы. Гнев – первый двигатель мироздания, и на первозданном уровне он выглядит ещё страшнее, потому что не знает границ. Не стоит винить разум за пороки. Мой предок развивался, потому что хотел этого. Если у тебя есть ноги – ты будешь ими пользоваться. Так всё устроено.

– Понятно. Это было интересно. Я слышал много версий и в очередной раз убеждаюсь: вастах вастаху рознь.

Танагон слегка усмехнулся собственному заключению.

– Вернёмся к книгам. «Абсолют» – как тебе?

Сох повёл рукой, вспоминая прошлое.

– В Гномроге я посещал гильдии инженеров. Там она и хранится.

– Уверен, гномы не позволили тебе подержать её, – покачал головой Танагон. – Ходят байки, что тот, кто коснётся книги, становится чуточку умнее.

– Края «Абсолюта» отлиты жёлтым минералом. От него голова действительно начинает работать лучше. Иногда и байка несёт в себе правду.

Разговор не спешил заканчиваться. Танагон подлил себе алкоголя и уселся на край стола.

– Ждёшь, что я продолжу перечислять… или сам предложишь известные тебе книги? – спросил он.

– В том же Гномроге, в покоях правителя Дурона, хранится «Симфония Камня» – книга о минералах. Впрочем, её

учения преподают в каждом гномьем училище. Тайн в ней мало, разве что сам подлинник скрывают.

– Что ещё? – Танагон вскинул брови.

– Книга Шёпотов.

– А ещё Архив Звериных Сердец и Фолиант Отражений, разумеется. Давай всё же перейдём к рыбам покрупнее, – с нетерпением бросил Танагон.

– Почему сразу не спросил о них?

– Тогда я узнал бы о тебе меньше.

– Шай и Дор. Свет и тьма. Ты искал их? – По белым зрачкам Соха было трудно угадать направление взгляда, но сейчас он неотрывно смотрел на Танагона.

Танагон выдержал этот взгляд, затем поднялся и направился к окну. Молчание растянулось. Он скользнул глазами по своим владениям, уходящим вниз: по кварталам, тянувшимся от самых верхов до дальних улиц; по караванам на мостовых; по стражникам, сменявшим посты; по солнечному свету, игравшему в стекле и металле. Всё это было его порядком, его системой, его дыханием города.

– Знаешь, почему я делаю всё именно так? – наконец заговорил он. – Думаешь, меня привлекает власть? Несомненно. Любого, кто стоит у власти, она привлекает. Но дело не только в этом.

Он сделал короткую паузу.

– Глядя на город отсюда, с высоты, мы видим десятки установленных норм, сплетённых в единое целое. Законы

утверждает королевство. Законы – это фикция, которой придерживаются там, где правительство успевает дотянуться и вовремя вмешаться. Но правила… правила устанавливает тот, кто диктует порядок.

Танагон сжал пальцы одной руки.

– Правила организуют обход законов. Формируют то, как люди общаются, где проходит грань между личным и дозволенным, что считать посягательством, а что – обычным жестом. Они создают русло, по которому течёт жизнь города.

– Считаешь, что вы с законом – как свет и тьма. Потому тебе и нужны книги? Хочешь навести равновесие в королевстве?

– Я хочу узнать тайну этих книг. – В голосе Танагона проступило явное возбуждение. – Судя по всему, в них скрыты способы управления энергией бытия. И, возможно, сведения о местах захоронения артефактов, о самом существовании которых мы прежде не догадывались. Моё стремление – дать нам, всем нам, счастливое будущее. Как бы банально это ни звучало.

– Мне кажется, этих книг не существует. Как и любых «томов равновесия».

– Или мы просто не там ищем, – уже с меньшим энтузиазмом подытожил Танагон.

За дверью раздался высокий звон колокольчика.

– Если желаешь продолжить разговор, нам придётся переместиться на лоджию арены.

Сох спокойно кивнул, без лишних движений. Они вместе вышли за двери, где их уже ждал Йонур – главный телохранитель правителя Гром-грона.

Йонур был вастахом, представителем той ветви расы, чьи предки сделали ставку на внешнее и физическое превосходство, поколениями наращивая массу и длину мышечных волокон. Его тело казалось сплетённым из плотных жгутов силы: каждая открытая жила пульсировала крепостью и выносливостью. Вастахи и без того отличались внушительным ростом, но Йонур превосходил даже их – словно принадлежал к отдельной породе.

Сох выглядел иначе. От его макушки тянулись длинные кожные выросты, напоминающие гибкие щупы; они хаотично свисали по спине, опускаясь чуть ниже лопаток. Лицо было вытянуто, точно вырезанное из гладкого камня: узкие белые глаза, рот – тонкая горизонтальная линия, а вместо носа – широкая плоская пластина. За спиной тянулся длинный хлёсткий хвост.

Йонур выглядел грубее и тяжелее. Вместо носа у него были широкие дыхательные отверстия; глаза – круглые, а рот – тот же натянутый разрез, только куда длиннее, чем у Соха. Короткие кожные наросты на затылке давно закостенели, превратившись в ряд массивных бугров; создавалось впечатление, что он способен протаранить стену одной головой. Хвост, напротив, был коротким и толстым, почти скрытым за массивной спиной.

Если бы не общий изумрудно-синий оттенок кожи и когтистые конечности, распознать в них представителей одной расы было бы непросто.

Сох поприветствовал сородича томным взглядом, и Йонур ответил тем же. Вместе они направились к арене. По пути Танагону то и дело досаждали вопросами, поэтому он решил отложить начатую в кабинете беседу до более подходящего момента.

К входам на арену тянулись плотные толпы. Жители обожали снимать напряжение, вкушая радость смерти и жестоких боёв. Для многих это был простой способ выпустить пар: крепкий эль, шум друзей и несколько свечей без мыслей о долгах, работе и домашней суете.

Разумеется, Танагон повёл спутников через личный вход, минуя суету и безумие, царившие внизу. Пройдя по длинным мощёным коридорам, они вышли к ревущему морю криков и грохота.

– Видишь, Сох? Посмотри на всех, кто здесь собрался.

– Ждёшь от меня умного заключения, Танагон? Я вижу зрителей. И только.

– Отнюдь. Я не оскорбляю твой разум. Да, зрители. Но важнее другое.

Он обвёл взглядом трибуны.

– Здесь собрались представители каждого из королевств людей, а также тендерцы, кривийцы и роккуны. Рядом со мной – вастахи. Ты без труда найдёшь и гномов. Вот моя

цель.

– Ты говоришь не о золоте, полученном со сборов.

– Нет, конечно. Я создаю условия и притягиваю разные расы и народы – чтобы не упускать сути. Черпать мудрость отовсюду. Но самое главное – общение, установление связей и отношений. И неважно, насколько они дружны.

Сох слегка повернул голову к шумящим трибунам, оценивая сказанное без лишней поспешности.

– Гронганцы не особо склонны к тёплым отношениям.

– Согласен. Мой народ не славится мягкостью, но гронганцы учатся. Хотят они того или нет. И, поверь, не за горами первый союз гронганца с какой-нибудь роккункой.

Танагон ухмыльнулся, подошёл к перилам и коротким жестом велел диктору начинать.

– НАРО-О-ОД! – протянул ведущий, и его голос раскатился над ареной.

Он повторил ещё раз – громче, протяжнее. И ещё. И снова. Каждый выкрик поднимал новую волну, пока толпа не взорвалась ликованием – таким мощным, что стены задрожали от гула.

Ведущий вскинул обе руки к небу.

– НА-ГООР-ДА!!!

Двух слов оказалось достаточно. Десять тысяч глоток сорвались в рёв, и от этой живой силы по арене пронёсся настоящий шторм.

Такая вереница событий привела Соха в негласный вос-

торг. На мгновение он забыл о том, что ждёт впереди, и позволил себе утонуть в оглушительном порыве общего ликования.

«Как же мало нам нужно, чтобы зажечь огонь», – подумал он.

Тем временем шоу началось.

– Какие у тебя отношения с Грэдасом? – спросил Сох. – Он появился гораздо раньше Гром-грона и уже чуть ли не мнит себя шестым королевством.

– Грэдас и я тесно связаны. Можно даже сказать, у нас один корень. Единственное, меня не устраивают некоторые их законы, унаследованные от Доэдраса. Осмелюсь предположить, что владыка Эрик до сих пор оказывает влияние на Грэдас.

– Часто бываешь там?

– О нет. Мне хватает хлопот дома.

– Но ведь это ты говорил, что мудрость нужно черпать из разных источников. Путешествия расширяют наши грани – во всех смыслах.

– Поверь, я исходил все возможные края и округа. – Танагон отвлёкся от беседы и заказал себе еды. – Ты не назовёшь места, куда не ступала моя нога. Я положил на это добрую часть жизни.

Разговор продолжался, но всё чаще обрывался в те моменты, когда напряжение на арене достигало своего пика. Танагон был привязан не к самой смерти, а к азарту, разрастав-

шемуся вокруг неё. Он никогда не ставил на кон золото – его ставкой было слово. Он утверждал, что способен назвать победителя ещё до первого удара: достаточно взглянуть на походку, настрой и мимику бойцов.

Йонур стоял неподвижно позади. Он не смотрел на бои – не потому, что они его не интересовали, а потому, что сам хотел бы участвовать. Участвовать ему правитель запретил категорически.

Глаза цеплялись за искры, летящие от сталкивающихся мечей, за брызги горячей крови, за слюну, вырывающуюся из пастей зверей, обезумевших от ярости. Толпа подстёгивала бойцов пронзительными визгами, металась по трибунам, сливаясь в единый дрожащий ком живой плоти. Еда, вода, смерть, вопли – всё переплеталось в первобытный хаос. Счастливая жестокость. Крик умирающей добычи и довольный рёв хищника.

Соху становилось всё труднее удерживать связь с настоящим. Происходящее сливалось в единый поток и утягивало его вглубь собственной памяти. Он не хотел обращаться к памяти предков – и всё же не мог сопротивляться. Атмосфера арены подняла на поверхность воспоминание, собранное из запахов, пылающей жажды крови и рваных образов.

Он осознавал себя зверем из глубокой, давно угасшей жизни предка – чужой, завершённой, но всё ещё доступной через плоть и память. Предок впивался клыками в добычу. Мелкорогое копытное, вдвое меньше его, билось под ним,

пока он нещадно сжимал челюсти. На каждое подёргивание животного предок Соха отвечал резким рывком, разрывая сухожилия на шее, пока жизнь в добыче медленно угасала.

На фоне этой безжалостной картины в голове бушевал ураган мыслей.

«Книги у него нет».

«Он не знает, где она».

«Если человек с его возможностями и связями не смог найти… что остаётся мне?»

«Искать где-то ещё? Но где? Он наверняка обыскал все земли».

«Что я делаю здесь? Есть ли в этом хоть какая-то логика?»

По спине пробежал холодок. Сох чувствовал, как тонет в глубинах собственной памяти и увязает в череде сомнений, и изо всех сил тянул себя обратно – к поверхности, к настоящему.

И тут яркая вспышка огня полоснула по глазам, точно тонким ножом. Боль скрутила зрачки.

«Что это? Это… не просто огонь. Сколько оттенков… Это не тепло – это энергия. Стихия».

Заворожённый, он стоял неподвижно, пока глаза медленно приходили в себя после лёгкого ожога роговицы. Сох не переставал восхищаться увиденным и не сразу заметил, что гул толпы внезапно стих, а тысячи голосов перешли на тревожный, сдержанный шёпот.

Вывести его из оцепенения смог только обезумевший

крик из соседней лоджии:

– ДЭТФЛЕЙМ!

Глава 6
Шёпот дороги

Существует один ракурс, с которого происходящее на арене можно уловить по-настоящему – целиком, без искажений. Можно подумать, что речь идёт о взгляде зрителей или героев этого дня. Но точнее всего эту картину способна передать сама арена.

В моих пределах – бесконечная бойня. В прошлом году песок пришлось заменить: кровь раз за разом впитывалась в него, делая его темнее, тяжелее, грязнее. Такова моя судьба – быть местом мучения и ликования. Мне не найти иного пути, кроме как однажды стать кормом для других построек, разобранной на камень и стёртой в строительную пыль.

Иногда люди пытаются использовать меня иначе – как арену для состязаний. Натренированные тела, их упругие мышцы, скорость и сила испытывают себя на прочность. Как бы ни изощрялся ум создателей физической культуры, соревнования на выносливость и сноровку – в команде или в одиночку – не способны дотянуться до первобытной тяги к жестокости. Игра в спорт никогда не взойдёт на пьедестал игры с судьбой.

Поводом моего возведения была древняя варварская тра-

диция – Нагорда. И пусть ценности со временем изменились, пусть битва за честь уступила место забаве, суть осталась прежней. Я по-прежнему исторгаю реки крови.

Сегодня внутри меня вспыхнул пожар – мощный, яростный. Такой, что, вырвись он из-под контроля, способен уничтожить меня изнутри, сжечь до основания. Я чувствую: никакая вода его не остановит, сколько бы рек и морей на него ни обрушилось.

Виновником пожара оказался сгусток энергии, принявший облик человека. Некий важный господин решил уничтожить его любой ценой. Последовавший приказ поразил своей несдержанностью и легкомыслием – выпустить всех чудовищ. Это было равносильно тому, чтобы поставить под высочайший удар безопасность не только моих зрителей, но и жителей всего города.

Моё строительство длилось не десятки лет – куда дольше. Меня расширяли, перестраивали, добавляли новые отсеки; даже сейчас часть из них находится в состоянии ремонта и возведения. И вот теперь твари всех мастей, размеров и пород вырвались на сладкую песчаную поверхность. Изголодавшиеся, обезумевшие, они видели перед собой лишь одну цель – убивать.

Огненный сгусток – тот самый Дэтфлейм. Его имя через журчание и шёпот донесли мне трибуны. Из всего, что он умел, лучше всего он разбирался в природе убийства. Размеры противников не имели никакого значения: по сравнению

с ними сила Дэтфлейма была словно раскалённая кочерга, проходящая сквозь кусок сливочного масла.

Пьяный зритель, завсегдатай арены, ничуть не дрогнул, когда происходящее у него на глазах в два счёта перешло за грань опасного безумия. Его разуму давно наскучили простые бои – он искал искру, способную хотя бы на миг поднять настроение в жизни, переполненной серой повседневностью, нелюбимой работой и постоянным ощущением собственной беспомощности перед большим и сложным миром.

Оправившись от первого ошеломляющего восторга, он радовался, как пёс, впервые увидевший снег.

– Дэтфлейм… значит, так его зовут, – решил он, уловив разговоры за спиной.

Он никогда раньше не слышал этого имени. Увидев, как Дэтфлейм швыряет по арене чудовищ – тех самых, что считались особо опасными и непобедимыми, – зритель почувствовал, как его с головы до пят накрыл пьянящий азарт. Раньше бойцы без раздумий выходили на поединки с подобными тварями, а зрители покупали лучшие места, чтобы увидеть, как чудовище зверски расправится с очередным выскочкой, осмелившимся бросить ему вызов.

Дэтфлейм вырвал у гигантского чудища трахею голой рукой. Удерживая одной ладонью его зубастую пасть, он вонзил другую в горло и тут же вытащил наружу внутренности. Мужчина сидел достаточно близко к песку, чтобы почувствовать запах горелой плоти.

Огненный шар, вдвое превышающий рост мужчины и нацеленный в клешни трескуна, пронёсся мимо и взорвался всего в двух копьях от него. Шокированный зритель задышал глубже, по телу пробежали мурашки. Он попытался подняться – уйти, вырваться из наваждения, – но не смог заставить себя сделать ни шага. Такое представление выпадает раз в жизни.

Единственный союзник, выступавший на стороне Дэтфлейма, кружил в небе: горгулья Грэг рассекал чудовищ с воздуха и, стараясь не отставать, принимал на себя пусть и меньшую, но всё же свою долю битвы.

Трескун всё ещё держался. Его клешни двигались молниеносно и сжимались с такой силой, что могли в одно мгновение разорвать любого человека пополам. Грэг к нему не совался, оставляя Дэтфлейму возможность разобраться с чудовищем самостоятельно.

Трескун забил клешнями, и громкий треск волнами прокатился по арене. Чудовище, в лучших традициях, пыталось навести ужас на соперника. Разбежавшись, Дэтфлейм прыгнул на него. Трескун мгновенно схватил добычу – клешни сжались с неистовой силой, сомкнулись до предела и тут же раскололись, не выдержав прожигающего огня.

Хозяин арены, Танагон, был не в силах остановить развернувшийся хаос. Люди Хэрста находились повсюду – они не позволяли решёткам закрыться. Глава преступного мира Холмграда жаждал расплаты. Но сокрушительные пора-

жения чудовищ ясно показывали: победы над Дэтфлеймом Хэрсту не видать. Тогда он отдал иной приказ – направить гнусов. Глупую летающую расу, чья задача – контроль воздушного пространства над ареной.

Поймать. Разорвать. Убить назойливую горгулью.

Грэг мастерски уворачивался, крутился, маневрировал в воздухе, но численность взяла своё. Несколько гнусов вцепились в оба его крыла и рванули в разные стороны. Раздался хруст. Правое крыло сломалось. Грэг стал терять высоту. В последний миг он успел вонзить меч в одного из гнусов и вместе с ним стремительно спикировал к земле.

Извилистые дороги, захудалые тропы, величественные центральные здания – столетиями этот город собирал себя по кусочкам. Он смотрел на себя отовсюду: из-под навесных знаков, из мимолётной искры крепкого молота в мозолистой ладони кузнеца; с телег, просевших под грузом, со скрипящих осей и потных лошадей; из окон, щелей, балконов и тёмных проулков.

Город смотрел сам на себя – в лица жителей и приезжих, в отражения витрин и луж. Он не уставал наслаждаться бесконечными мгновениями собственной изменчивости, тем, как жизнь переливается в нём снова и снова.

Видел ли город огненного монстра в обличье человека? Теперь – да. Дэтфлейм стал новым экспонатом в длинном списке «а помнишь, когда…» и по праву занял верхние строчки среди самых памятных событий Холмграда.

Изо всех углов за ним наблюдали грызущие питомцы города – те, кого сам Холмград, спроси его, признал бы куда ближе и роднее людей. Город охотно давал скренам убежище за то, что они вычищали органический мусор и позволяли ему дышать ровнее. Чистота улиц держится на них: здесь сложно отыскать запах гнили. Скрены съедают все остатки, особенно кости, нередко выясняя из-за них отношения с бродячими псами.

Жители расступались при виде огненного монстра. Жар отпугивал и скренов: они не жаловали кузни, откуда исходило подобное дыхание, а в памяти хранили страх лесных пожаров, хотя большинство не видело леса уже много поколений. И всё же любопытство брало верх над страхом. Потому многие из них сбегались и изучали необъяснимый объект.

Впрочем, ни один скрен не решился подойти близко: они держались по углам и молча наблюдали. В их памяти отложился новый образ – без чётких очертаний, без понимания сути: огонь, ходящий на двух ногах, который вырвался из пролома арены. Следом за ним держался крылатый спутник, который по непонятной для них причине не желал пользоваться даром полёта.

Скрены сопровождали их весь путь, сменяясь на границах собственных территорий, словно передавали весть дальше.

Уходя ввысь, всё выше и выше, почти до самых облаков, великие защитные стены единым фронтом выстроились вокруг города. Никому не дозволено их пересечь – да и при

всём желании мало кто смог бы. Даже крылья не давали лёгкого способа миновать преграду: всякого, кто сумел бы подняться так высоко, неминуемо заметили бы стражники наверху и при первой возможности подстрелили бы без всяких вопросов.

Стены укрывают жителей от внешних угроз и, будь на то их воля, укрыли бы от холода стражей, несущих службу на их вершинах. Могучий ветер и влажность от облаков делают их службу по-настоящему суровой. Потому стражи охотно стреляли в нарушителей закона – это давало хотя бы повод размяться. Далеко не все соглашаются на столь удалённую и тяжёлую службу: караулы здесь несут службу вахтами по двадцать циклов, ведь подъём занимает немало времени, а единственным утешением служит высокая награда.

Единственное дозволенное место для выхода наружу – ворота, по одному на каждое королевство. На фоне гигантских стен они выглядят узкими прорезями у самого основания, несоизмеримо малыми по сравнению с их высотой.

Неизвестно, что внутри кольца стен распространялось быстрее. Слухи среди горожан разлетались, как пыль, поднятая ветром в сухой сезон, – беспорядочно, без формы и конкретики. В какой-то мере они не имели веса и в данном случае не несли особого смысла, служа разве что подпиткой для сплетен: об интригах правительства и приближённых к нему, о надвигающейся войне или о явлении миссии с важным поручением от богов.

«Он явился явно не случайно – и не где-нибудь, а именно там, где восхваляют кровь и убийства. Такое не может быть простым совпадением».

Сформировав шаблонное мнение за считанные свечи, кто-то уже прозвал его «тайным оружием против эльфов». Ведь недаром ползут слухи о смуте в королевстве:

«Всё правильно. Пора кончать с эльфами – раз и навсегда».

Верхушка королевства едва успевала отдавать приказы, стремясь выудить как можно больше из тех самых слухов: откуда всё началось, где сейчас находится Дэтфлейм, как ему удалось добраться до центра города незамеченным. Правителей успокаивала лишь новость о том, что огненный монстр движется к стенам, а не вглубь – к Башне Кристалл.

Владыка Доэдраса Эрик от лица совета отдал чёткий приказ:

«Следить и докладывать обо всех передвижениях. Без причины в бой не вступать».

Одно было известно наверняка: по словам очевидцев, на арене Дэтфлейм устроил настоящее кровавое месиво. Выслушав долгие рассказы, владыка Эрик пришёл в недоумение: описанная мощь поражала. Успокаивала весть о том, что Дэтфлейм умышленно не причинял вреда зрителям, а только отражал атаки бесчисленных тварей. В ходе сражения именно тела чудовищ разрушали трибуны, калеча заодно и людей.

Когда бой закончился, Дэтфлейм пробил брешь в стене арены и незамедлительно покинул её в компании горгульи. Их путь пролёг через Гронган в Дэнрод, а затем – без отклонений и остановок – прямиком к выходу из города.

Даже ворота – крохи на фоне стен, как и их хозяева, – обладали собственными характерами. Внешние различия имели значение, но истинная ценность ворот мерилась другим: способностью сдержать любого, кто окажется по ту сторону, – армию, чудовище или одинокого безумца, – а если сдержать не удастся, то продержаться столько, сколько позволят железо, дерево и камень под прямым натиском. Эти ворота скорее сгорят дотла, чем отворятся по чужой воле без приказа хозяев.

Подойдя к воротам вплотную, горгулья вежливо попросил пропустить их. Дэтфлейм оказался куда менее сговорчив и церемониться не стал – повторил просьбу в более грубой и краткой форме. Обещание снести ворота вместе со всеми, кто стоял на них, прозвучало вполне убедительно.

Стражник, отвечавший за проход, утонул в размышлениях. Он, разумеется, слышал колокола, звеневшие над двумя районами: сперва – мощный, пронзительный и редкий звон Гронгана, тяжёлый, как удар по металлу; затем – более быстрый и высокий перезвон родного Дэнрода. Но подобной встречи он не мог представить даже в самых дурных снах.

Для него этот миг превратился в игру судьбы. На кону стояло слишком многое, и слишком многое оставалось неяс-

ным. Он думал о том, удастся ли сегодня добраться домой: обнять бабушку, поиграть с братом, увидеть сияющий закат в окне любимого дома. Жизнь висела на волоске, и вместе с тем всё оставалось в его руках.

Но была ещё должность. Долг службы. Решение, которое он обязан принять. Он должен поступить верно – хотя бы для того, чтобы выжить и, в лучшем случае, не предстать перед судилищем за измену.

Не изводя себя дальнейшими догадками, он обернулся ко второму стражу в том же звании. Их взгляды встретились – коротко, напряжённо. Стиснув зубы, они кивнули друг другу и почти одновременно прокричали:

– Открывай ворота!

К их счастью, именно это решение впоследствии признали верным – и короли одобрили отданный приказ.

В такие моменты история неизменно рождает в головах героев один и тот же глухой вопрос: «Закончится ли это когда-нибудь?» Даже далеко за пределами стен кровь продолжала кипеть в жилах Грэга, а к Дэтфлейму возвращались старые, ещё не забытые чувства – злость и недовольство.

Они прошли достаточно, чтобы наконец убедиться: слежка прекратилась, шаги за спиной растворились, а город больше не дышит им в затылок. Тогда они остановились у опушки леса. Отсюда открывался вид на край жёлтых полей, тянувшихся от самого Холмграда. Сам город уже скрылся из виду – они спустились в неглубокую низину и оказались за

холмами, словно окончательно вырвались из его взгляда.

Изнурённый до предела, измученный жаждой и ноющей болью в крыле, Грэг рухнул на ближайшую лужайку, где трава казалась мягче. Он дышал, уткнувшись ртом в землю, и истекал потом. Грязь липла к мокрой коже вместе с травой и мелкими насекомыми, вызывая щекочущий зуд на груди, ногах и руках.

– Боги… – выдохнул он. – Хочу в ванну. Я грязный. Мокрый. Голодный. Это была полная жесть. И теперь даже на спине не полежать – как же это тупо. Интересно, я вообще когда-нибудь смогу летать? – бормотал, уткнувшись в землю, бедняга.

Дэтфлейм не ощущал усталости. Зачарованный собственными мыслями, он смотрел в одну точку перед собой. Слова Грэга пролетали мимо ушей – вместо них в голове кружились собственные, куда более мрачные вопросы.

– Грэг, – грозно произнёс Дэтфлейм. – Что с тобой не так? Ты правда считаешь, что это нормальная реакция? Вся арена была в ужасе, а ты… – он осёкся. – Впрочем, за нами больше никто не следует. Можешь идти куда хочешь. Или я уйду сам. Мне не нужны одолжения.

– Честно? – Грэг дрожащими руками поднялся на колени. – Да я в диком восторге, мужик. Ты же, мать его, Дэтфлейм. Гроза убийц и преступников. У меня просто нет сил показать, насколько я в шоке от увиденного. И, как бы это ни звучало высокомерно… – он усмехнулся. – Я считал, что у ме-

ня и так яркая жизнь. Понимаешь? Столько всего уже было и до сих пор происходит. А теперь… Скоро начну верить в судьбу и все эти мифы про героев.

– Но всё же… – Дэтфлейм медленно повернул голову. – Почему ты не испугался?

– Не говори чепухи, – фыркнул Грэг. – Я видел вещи и пострашнее. А вообще, у меня теперь друг – Дэтфлейм. Пусть остальные боятся. Мне-то чего?

Не зная, что на это ответить, Дэтфлейм не сходил с места. Слова Грэга пробуждали в нём чуждые ощущения – смирение и покой. Они заставляли ядро внутри извиваться, менять привычное состояние. Дэтфлейм подавил этот отрезвляющий прилив тепла резким всплеском напряжения и вскрикнул:

– Ах! Проклятье… Они заставили меня вновь быть собой! Ненавижу! Я вырву этому Хэрсту его поганый язык. Уничтожу его!

– Воу-воу, полегче, брат. – Грэг поднял ладони. – Ты чего так завёлся?

– Не говори мне, что делать, горгулья! – рявкнул Дэтфлейм. – Ты не знаешь, кто я. Тебе этого не понять. Мне больше не стать человеком.

– Так, стой. Погоди ругаться. – Грэг поморщился. – С таким подходом ты точно не решишь ни одной проблемы.

– Если бы твои слова имели хоть какой-то вес… – огрызнулся Дэтфлейм. – Моё настроение мне не поможет. Я уже

всё пробовал.

– Хорошо, ладно. – Грэг выдохнул. – Давай иначе. Что в прошлый раз произошло? Как ты вообще очутился в том лесу, у дуба?

– Я… это… – Дэтфлейм замялся. – Это был ритуал. Она была магом. Та женщина… она провела ритуал.

– Тогда давай найдём её. Делов-то.

– Не выйдет. Она мертва.

– О. Вот как. – Грэг ненадолго замолчал. – Досадно. Ладно… а если найти других магов? С чем она работала? Чем управляла?

Дэтфлейма переполняли эмоции. Сдерживать гнев было трудно, как и отвечать на вопросы, которые казались ему глупыми и неуместными.

– Мне-то почём знать, чем она там управляла. Маг – и всё, – процедил он, стиснув зубы.

– Задачка, однако, – протянул Грэг.

Грэг понимал, какую реакцию может вызвать следующий совет. Он знал, что Дэтфлейм, скорее всего, не примет его в таком состоянии, но другого выхода не видел.

– Фил, знаешь… Я, конечно, не эксперт во врачевании моральных состояний, – осторожно начал он. – И, если честно, у меня никогда не было таких срывов и вспышек гнева, как у тебя. Но проблемы у меня тоже есть – просто другие. Иногда меня накрывает грусть. Она… – он замялся. – Она переполняет. Похоже на тревогу, но это не совсем она.

– К чему ты ведёшь, Грэг? – спросил Дэтфлейм уже тише, без прежней резкости.

– У меня нет других советов, – признался Грэг. – Кроме одного: тебе правда нужно успокоиться. Насильно, если придётся. Гнев тебе не помогает. Ты можешь жить и без него. Мы знакомы совсем недавно, но я это видел. Тебе будет лучше без этого.

– Как… – голос Дэтфлейма дрогнул. – Как это сделать?

– Посмотри, что у тебя внутри, – ответил Грэг. – Прочувствуй всё до конца. Не думай ни о чём. А потом… просто отпусти.

Перестать думать получилось не сразу. Медленно, но верно поток мыслей сходил на нет. Дэтфлейм опустил голову и упёрся взглядом в землю – такое положение казалось ему наиболее удобным. Гораздо сложнее оказалось представить, что изменить это состояние ему вообще под силу.

Допустив первую мысль – решив, что больше не хочет такой жизни, полной саморазрушения и запечатанной боли, – Дэтфлейм потянулся внутрь себя, пытаясь нащупать, откуда тянется корень.

Тягучий груз отзывался за грудной клеткой, сползая ниже, к животу. Столкнувшись с тем, что скрывалось внутри, он ощутил, как до самых краёв его переполняют злость и гнев. Встреча с тем, что жило внутри, не принесла облегчения. Следом эта тяжесть расползлась по всему телу, стремясь поглотить его целиком.

Но, разрастаясь, эта ноша слабела – и в тот же миг стала вымываться из него невидимой рекой. Потоки уносили старое, очищали его, а на их место приходила новая энергия. Ещё не чистая, но заметно легче прежней.

Грэг инстинктивно отступил на пару шагов – температура вокруг Дэтфлейма стремительно росла. Энергия сжалась вокруг него, а затем вырвалась наружу, расплескав по воздуху багровый огонь. Отблески метались от светло-жёлтого до тёмно-красного, пульсируя дрожащими клубами жара.

Прикрыв глаза от яркой вспышки, Грэг заметил, что Дэтфлейм медленно, но верно теряет огонь. По телу пятнами проступали тёмные участки, и чем больше поверхности гасло, тем отчётливее проявлялась сначала чёрная, а затем и белая кожа.

Продолжалось это недолго. Дэтфлейм боялся что-нибудь испортить и почти не шевелился, стараясь удержать новое, непривычное состояние.

– Ты смотри-ка… Вот. Умеешь ведь, когда хочешь, – хмыкнул Грэг.

Фил повернулся к нему.

– Спасибо. – После короткой паузы он добавил: – Друг.

– Да не за что. Точнее… да, пожалуйста. – Грэг ухмыльнулся. – А вообще мы квиты. Без тебя мы бы вряд ли выбрались с арены. Только знаешь что?

– Что? – самым спокойным тоном спросил Фил.

– Ты опять голый. Мы, конечно, уже познакомились, но

твою голую задницу мне по-прежнему наблюдать не хочется.

Фил рассмеялся – и сам не ожидал, что настроение может подняться ещё выше. На его лице появилась искренняя, светлая улыбка с хищным зубастым оскалом. Грэг, несмотря на яркий нрав и болтливость, не так уж часто подпускал кого-то близко – и потому не выдержал нарастающей сентиментальности.

– Ах, значит, теперь тебе весело? – фыркнул он. – А только что ты был готов меня взглядом сжечь. Учти, мы сейчас снова пойдём воровать одежду, понял? Подобреть он, видите ли, решил.

– Да я не… да нет же, – продолжая смеяться, отмахнулся Фил. – Грэг, это вообще-то не очень хорошо.

– Понятно. – Тот усмехнулся. – Значит, взрывать стены и вырывать глотки чудищам можно, а прикрыть твою задницу – уже перебор. Ну конечно.

– Давай просто купим. У тебя же есть золото.

– Скука смертная, – отрезал Грэг. – И на, хотя бы повязку натяни.

Он сорвал тонкую ткань, висевшую за поясом и служившую ему для всяких нужд, и швырнул её Филу.

– Значит, ты можешь творить из огня всё что угодно? И меч, и кнут, и щит. Как это вообще работает?

– Кстати, щит из огня не слишком эффективен. Тут я обычно прибегаю к лаве и её затвердеванию.

Фил повязал ткань вокруг пояса. Выглядел он нелепо, но

вариантов не было, и они двинулись вглубь леса.

– И как ты понимаешь, когда делать лаву, а когда – просто огонь?

– Как плюнуть… или, не знаю, моргнуть. Что-то вроде того. Это разные вещи, но обе для меня естественны.

– Понятно, – протянул Грэг. – Нет, ну ты правда крутой мужик. То, что ты творил на арене… И как в тебе вообще столько огня помещается?

– Оно идёт откуда-то изнутри. Я чувствую какой-то шар энергии под грудью.

– Как сердце? – Грэг машинально коснулся груди.

– Возможно. И когда я, например, собираюсь покрыться бронёй, ощущения в нём совсем другие, чем когда просто выпускаю поток огня.

– Балдёж. Вот же бывает в жизни такое… Я всё равно в шоке.

– Да ладно. Мне вот, например, полёта никогда не понять. Кому что.

– Сравнил огурец с вилкой. Крылья-то вот они, а магия твоя, похоже, откуда-то из недр нашего мира тянется.

В той части, куда они направлялись, постройки встречались всё реже – особенно жилые, где ещё можно было уловить следы уюта и хотя бы намёк на прежний комфорт. Многие дома давно опустели; в заброшках поселились дикие звери, а порой и чудовища, чьи размеры были сопоставимы с комнатами, когда-то предназначенными для людей и других

рас. Лакомым местом эта земля стала и для оборотней: им подходили и громадный лес, и большие расстояния между соседями. Для засады на случайного прохожего здесь всегда находился тёмный, укромный уголок.

Трудно было поверить, что прежде этот край переживал бурный рост населения. Стоило кому-то услышать от случайного незнакомца о плодородной земле, о лесах с мягкой почвой для посевов, о богатстве дичи и о сравнительно малом числе опасных существ на момент основания – и мысль о новом, заветном для жизни месте уже не отпускала.

Переселенцы чаще всего приходили с севера и из соседних районов. Люди расселялись широко, не стесняясь пространства, занимали всё новые участки. Со временем из разрозненных участков выросло лесное поселение, получившее имя, полное надежд, – Вожделенный Дол.

Дол обрёл свои ценные качества благодаря тем, кто развивал одни земли за счёт других. После войны большую часть материка разделили между пятью королевствами, и многие малые народы оказались под чужой властью. Именно тогда эта область вошла в состав северного княжества Доэдраса, также известного как Щит. Оно объединяет три большие территории с резко различающимся укладом жизни.

В пределах Щита стоит город Острог, окружённый широкими полями и холмами. Изначально его возвели как пограничную крепость, призванную отражать тех, кому удалось миновать Грон-Зар – верхнюю область Гронгана. Со време-

нем Острог превратился в обычный город: торговый и земледельческий, живущий за счёт окружающих земель.

Вражда с эльфами вынуждала людей искать новые способы борьбы. И хотя магия света не была рождена для войны, именно с тех времён её начали использовать особенно активно. Маги света научились стягивать энергию самой жизни в определённые области. По воле правителя Острога эти силы сосредоточили вокруг его любимого города, и потому местные земли стали самыми плодородными во всём княжестве.

Вожделенный Дол соседствует с Острогом – и потому его почвы получили свою долю живительной воды и плодоносной энергии.

Несмотря на широкие лесные просторы, местные жители сумели выстроить устойчивую систему связи, назначив множество разносчиков писем и товаров. Это позволило Долу расти не разрозненно, а единым организмом. Вслед за населением появились таверны, мастерские, портные и кузнецы, а со временем – даже небольшое образовательное учреждение для детей и подростков.

Просвещением людей – базовыми знаниями об истории, числах и природе – занялось семейство Обсуры. Род не из самых влиятельных, иначе его представители вряд ли оказались бы в этих местах. Зато им подходила иная цель: выстроить себе имя и запечатлеть историю рождения нового общества. Пятьсот лет назад они прибыли в Дол: в семье было двенадцать человек, не считая нескольких слуг и помощни-

ков.

Образование было не единственным, чем отличилось это семейство. В первые годы Обсуры занялись упорядочиванием системы посыльных и за несколько поколений довели её почти до идеала. Более ста лет Дол обходился без серьёзных проблем с чужаками и разбойниками из Иноземья – жители постепенно забыли саму мысль о преступности.

Но всякое благополучие притягивает тех, кто желает поживиться чужим успехом. Слепая удача оказалась мимолётной, и вскоре стало ясно: поселению необходима сила, способная защитить дом. Обсуры не имели опыта ни в сражениях, ни в создании даже малого войска – этому пришлось учиться на ходу. В короткие сроки они собрали ополчение из добровольцев ближайших деревень: собственных жителей для этого не хватало.

Проблемы со снабжением и расселением прибывших удалось решить, и население вновь пошло в рост. Вожделенный Дол укоренился окончательно, завоевав статус крупного поселения с числом жителей, приближавшимся к пяти тысячам.

Так жизнь текла спокойно и размеренно. В целом все были счастливы: хлопоты решали сообща, общим трудом, а Обсуры заняли положение уважаемых персон и понемногу почивали на выстроенных лаврах. Они возвели большое – по местным меркам самое приличное – поместье ближе к краю леса, окружили участок невысоким забором и ещё бо-

лее трёхсот лет жили без заметных перемен.

Жители знали каждого члена семьи в лицо и охотно заглядывали к ним в гости. К поместью вели указатели: мелкие не дожили до нынешних дней, но самый крупный – каменный, установленный на перекрёстке шести дорог, – до сих пор стоит на своём месте, пусть и давно покрылся толстым слоем мха.

Жизнь в глухом лесу всё меньше устраивала младшие поколения Обсуров. Развлечений здесь было немного, и вскоре их дом стал чем-то вроде универсального пристанища: здесь принимали путников на ночлег, помогали местным, решали самые разные вопросы. Однако и эта деятельность постепенно утратила свою притягательность, когда подросшие дети стали уезжать учиться в крупные города.

Природа ещё оставалась источником вдохновения для живописи, местом уединения и отдыха в периоды праздников и какое-то время удерживала нескольких членов семьи от окончательного отъезда. Но постепенно и они покидали Дол – полные надежд и жажды познать нечто новое. Возвращаясь, они всё чаще ощущали тяжесть: прежней жизни уже не будет. Исчезали лёгкость, беспечность и чувство оторванности от большого мира.

За ними тянулись и другие поселенцы старшего поколения. Для них название «Вожделенный» постепенно утрачивало прежний смысл.

Юность искала дороги и уезжала навстречу будущему,

жаждая перемен. Старые же пытались беречь то, что осталось: сперва храня, а затем хороня прошлое.

Можно сколько угодно винить урбанизацию – она и вправду становится причиной гибели многих отдалённых краёв и селений. Но в ней ли кроется порок развития – в его вечной изменчивости? Или же дело в том, что интересы поколений неизбежно расходятся, а перемены стоит не отрицать, а встречать подготовленными и с достоинством?

Пятьсот лет потребовалось Вожделенному Долу, чтобы пройти путь от основания и расцвета до полного упадка.

К тому моменту, когда в поместье Обсуров осталось всего двое, жизнь здесь уже едва теплилась: старик Фэм – озлобленный на вселенскую несправедливость – и его племянник, навещавший дядю всего несколько раз в году. Заплесневевший, измождённый дом с трудом доживал закатные годы. Порой сюда ещё заглядывали лесники, охотники или странствующие путники, но то были редкие, мимолётные визиты.

Фэм принимал гостей неохотно. В нём не осталось сил радоваться малому: он грезил о былых днях, которых и сам не успел застать. Всепоглощающая обида и непринятие реальности отдаляли его от всякого желания что-либо менять. Даже мысль о попытке изменить собственную жизнь казалась ему чуждой и бессмысленной.

Последней каплей могли бы стать периодические набеги разбойников. Они нещадно глумились над Фэмом, постоянно выспрашивали о мнимых тайных сокровищах, а иногда и

вовсе избивали его просто ради утехи. Даже такой расклад не заставлял Фэма всё бросить и попытать счастье в другом месте. На расспросы о побоях он лепил племяннику неуклюжие басни: то, мол, оступился и скатился в овраг, то сцепился с нежеланным гостем.

Десять циклов назад его застал врасплох один из головорезов, пришедших из Иноземья. Фэм умывался водой из дворового бака, пожелтевшей от цветения, когда его резко схватили за волосы и с силой впечатали лицом в деревянную стену.

– У меня… у меня… – прохрипел Фэм, отхаркивая кровь из треснувшей губы. – У меня нет золота. Ничего нет. Прошу…

Этот ответ только сильнее разозлил головореза. В его голове, набитой старыми травмами, любая информация делилась просто: на ту, что сулит выгоду, и ту, что даёт тяге к убийству безоговорочное «можно».

– Есть еда… немного. – Стоя на коленях, Фэм скрестил руки в жалком, молебном жесте, пытаясь сторговать собственную жизнь. – Я могу помочь вам. У меня есть люди в Остроге. Они привезут всё, что вы захотите.

Разъярённый бандит никогда не примет обещаний и точно не станет ждать – ему нужно всё и сразу, в одно мгновение кражи. Фэм цеплялся за жизнь, в которой ожидание чего-то лучшего всегда оставалось на исходной точке – одной лишь надеждой. Двигаться его заставлял только миг, предшеству-

ющий гибели.

Головорез схватил его за ворот и трижды ударил по лицу, пока Фэм не обмяк и не запрокинул голову. Лицо потемнело, сосуды вздулись тёмно-бордовой кровью, каждый капилляр налился до предела.

Он подтянул Фэма к железному баку и одним рывком вдавил его по пояс в воду. Держать хранителя поместья Обсуров было легко. Даже окажи тот сопротивление, ни сил, ни дыхания на побег у него бы не хватило. Единственным ответом на происходящее стали пузыри, бурно поднимающиеся со дна бака. Головорез с упоением наблюдал, как их становится всё меньше.

Мутное отражение дрожало на поверхности воды: изображение ломалось, смешиваясь со спиной и затылком тонущей жертвы. Наблюдая за угасанием жизни, головорез вдруг заметил странность – его облик в воде выглядел иначе. Волосы, обычно зализанные на правый бок, исчезли, а кожа казалась бледной, мёртвой, как у утопленника.

От неожиданности он ослабил хватку и уже собирался убрать руки, но стоило ему шагнуть назад, как из воды вырвались чёрные, тонкие руки и вцепились в него. Хватка оказалась цепкой, неестественно сильной. Она сжимала предплечья так, что кожа натягивалась до предела, а из надрывов тонкой плёнкой проступала кровь. Мельчайшие капилляры лопались один за другим, особенно когда головорез рванул руки на себя. В ответ чёрные пальцы сжались ещё крепче –

и потянули его вниз, вдавив голову в воду вместе с Фэмом.

Захлебнувшись, он рывком оттолкнулся ногой от стены и опрокинул бак. Тот с глухим стуком повалился на землю. Бандит сумел вырваться и отполз назад. Длинная прядь волос прилипла ко лбу, загораживая обзор, но он не стал её убирать. Дрожа всем телом, он не отрывал взгляда от перевёрнутого бака, из которого по-прежнему торчали ноги утопленника.

Фэм дёрнулся.

Конечности зашевелились, заскреблись о землю, как у перевёрнутого таракана. Из бака показались те же чёрные руки. Тело Фэма соскользнуло со дна и выбралось наружу. Иссохшее туловище с головой и настоящие руки безвольно свисали сзади, точно сброшенный дряхлый плащ, тогда как из живота торчали чужие, чёрные конечности, уже державшие его на весу.

Губы бандита стянулись тонкой, бескровной трубкой. Он попытался отползти и тут же упёрся ладонью в сухую ветку – та звонко хрустнула.

Чудище обернулось.

Из увядшего туловища, следом за чёрными руками, вытянулась такая же чёрная голова – ещё более иссохшая, чем прежний Фэм. Существо рванулось вперёд, но не совладало с ногами, всё ещё сохранявшими человеческий облик, и плашмя рухнуло на землю. Перебирая руками, оно поползло к головорезу и вцепилось в его голени.

Мужчина отползал, но чудище усилило хватку, разрывая кожу на ступнях. Старые ноги мешали движению, и тогда существо отпустило добычу, принявшись вытаскивать из Фэма собственные, чёрные ноги – медленно, рывками, освобождаясь из тесной оболочки. Пока оно возилось, бандит сумел подняться и, хромая, бросился вглубь леса. Чудище оставило остатки Фэма – и быстрым, неровным ходом погналось следом.

Каменный знак на крайнем перекрёстке издавна служил главным ориентиром к дому Обсуров. Его было видно издалека: деревья не мешали обзору, а белый камень, привезённый когда-то из Чистых гор, даже спустя долгие годы сырости не утратил бледного сияния, проступавшего сквозь слой грязи и мха.

– Гляди, я что-то вижу. – Грэг быстрым движением махнул ладонью в сторону каменного знака и, не сбавляя шага, продолжил: – Так о чём это я…

– Нас бы не выпустили.

– Именно! Нас бы никогда не выпустили оттуда, не будь ты Дэтфлеймом. И то – им повезло, что они заранее познакомились с тобой. А то, глядишь, ещё пришлось бы доказывать своё превосходство.

– Всё не может строиться на банальном страхе.

– Боги дали нам страх, чтобы мы не переубивали друг друга в первый же день, – уверенно сказал Грэг. – Я тебе точно говорю: если бы его не было, люди готовы были бы поставить

на кон тысячи жизней просто ради шанса усмирить такого зверя, как ты. Понимаешь, о чём я?

– Не могу я так. – Фил покачал головой. – Только недавно став человеком, я хочу верить, что законы мироздания не сводятся к одному: все боятся всех.

– Разумеется, нет. Точнее, не только на этом. Но главное – не строй вокруг себя иллюзии. Их потом больно ломать.

За несколько свечей они прошли немалый путь. Пустые развалины вдоль дороги так и не подарили Филу ни штанов, ни рубахи. Зато позволили во всех красках и подробностях обсудить побег из города – историю, что уже успела поселиться в их головах целой россыпью ярких образов.

Остановившись на перекрёстке, они всмотрелись в каменный знак. Из надписи уцелело всего одно слово – единственное, которое ещё удавалось разобрать.

– Обсу… Р. Там ведь «Р». Обсур… Может, Обсури. Или Обсура. Похоже на название семейства.

Грэг кивнул в сторону лесной тропы.

– Пойдём поглядим. И смотри, там даже дорога чуть лучше виднеется.

Поместье встретило их молчаливой, широкой громадой – угрюмым вытянутым домом в два этажа, давно вросшим в землю и утратившим желание быть обитаемым. Дерево почернело от времени и влаги, местами доски вздулись и пошли трещинами, словно само здание устало держать форму. Прогнивший забор уже невозможно было различить под ку-

стами и разросшейся порослью: он существовал скорее как воспоминание о границе, чем как настоящее ограждение.

Там, где когда-то кипела жизнь, теперь хозяйничала дикая природа. Сарай провалился внутрь себя, детская площадка утонула в высокой траве, грядки давно сдались корням и сорнякам. Плодовые деревья одичали, ветви тянулись во все стороны, а ягодные кусты росли без всякого порядка.

Большая входная дверь была заперта на старый носок – толстый, мокрый и наспех надетый. Выбить дверь не составило труда: дерево жалобно хрустнуло и поддалось.

– Думаю, тут кто-то живёт, – произнёс Фил, всматриваясь в темноту.

– Надеюсь, что нет, – отозвался Грэг, оглядываясь. – Потому что только безумный маньяк смог бы жить тут в полном одиночестве. Ты только посмотри на это.

Заплесневевшие яблоки валялись по полу, смешавшись с миской проросших семян. Из главного зала тянуло холодным, затхлым смрадом, все поверхности покрывал толстый слой паутины, и дом давно перестал сопротивляться запустению.

Одно место у окна выделялось – узкий просвет с видом на передний двор, туда, где главная дорога уходила обратно в лес. Здесь было относительно чисто: кто-то часто сидел на одиноком стуле, глядя наружу.

– Смотри, – сказал Фил, опускаясь на пустое место. – Похоже, хозяин жил… или живёт… в постоянном ожидании

кого-то.

– Ага. – Грэг почесал лоб и нахмурился. – Своего рассудка. Да что ты уселся? Иди вещи ищи.

– Как представлю, какого они качества, аж внутри всё смердит.

– Да ладно, забей. Поносишь цикл, нам бы только до рынка добраться.

Фил занялся обыском дома, а Грэг вышел наружу, решив осмотреться. Воздух оказался густым, насыщенным запахом сырой земли и гниющих листьев. Передвигаться вокруг поместья было неудобно: высокая трава путалась в ногах, переплетённые ветви царапали кожу, а цепкие растения тянули штаны назад.

Пробираясь сквозь заросли, Грэг обогнул дом и в десяти шагах заметил задний вход – почти скрытый листвой и тенью. Здесь было темнее и холоднее, чем у фасада. Он вытащил меч и стал прорубать себе путь. Клинок с хрустом рассекал стебли и сучья, пока не наткнулся на металл. Удар о железный бак отозвался глухим звоном, эхо прокатилось по округе и тут же утонуло в листве.

Грэг замер. Уши дрогнули, ловя каждый шорох: лес ответил тишиной.

Обойдя бак, он заметил мёртвое тело мужчины. Тот выглядел как скелет, обтянутый кожей, – словно из него вытянули всё живое, оставив сухую оболочку. Черты лица исказились, поза была неестественной.

Тем временем Фил переодевался внутри дома. Он наткнулся на комнату, которая на фоне остальных выглядела относительно ухоженной: запах плесени здесь был слабее, пыль лежала ровным, нетронутым слоем – и всё же её было меньше, чем в остальной части дома. По всей видимости, владелец комнаты был молод: одежда выглядела свежей, не сильно выцветшей и аккуратно сложенной.

В прикроватном ящике Фил обнаружил свёртки бумаги и несколько книг. Он задержал на них взгляд, но скрип шагов снаружи заставил его насторожиться. Фил вышел из комнаты и встретил Грэга.

– Наконец-то ты одетый. Слушай… я, кажется, нашёл хозяина. Он мёртв. И, судя по виду, уже очень давно. Труп валяется на заднем дворе.

– Понятно, – спокойно ответил Фил. – Значит, он не будет против, если мы тут переночуем.

– Спрашивать я не собираюсь.

Сумерки быстро затянули лес. Светлые проблески между стволами погасли почти одновременно, и дом оказался отрезан от дня. Они разошлись по двум комнатам: Фил остался там, где нашёл одежду, а Грэг – в другой, с целыми стенами и дверью, которая всё ещё закрывалась.

Обычно Грэг мог уснуть где угодно, но здесь это далось ему не сразу. Дом давил тишиной и тенями прошлого. Он долго лежал, не меняя позы, прислушиваясь к редким скрипам древесины. Сон пришёл душным и вязким. Под закры-

тыми веками зрачки беспокойно метались, а сознание снова и снова возвращалось к пережитому, бесконтрольно выдёргивая обрывки несуразных воспоминаний.

Фил осторожно проверил плечами мягкую поверхность кровати и медленно улёгся на пухлый матрас. Мягкость вызывала странные, почти неловкие мысли. По его внутреннему ощущению, на кроватях позволено спать детям. Богатым господам. Людям при власти. Или больным в лечебницах – тем, кому разрешено лежать и не думать о завтрашнем дне.

Всем – но не ему.

Ему было трудно принять эту обыденность, такую простую для кого-то другого. Кровать не казалась чем-то запретным, просто она никогда не была частью его жизни. И всё же, несмотря на скромное состояние матраса и запах старого дома, сейчас этого хватало. Впервые – вполне.

Будь постель чистой, ухоженной, почти новой, это ощущение могло бы выбить его из равновесия. Скорее он предпочёл бы пол – из осторожности, из страха нарушить что-то хрупкое, словно само время могло откатиться назад за такую вольность. Мысли о переменах не отпускали. Фил долго ворочался, прислушиваясь к дому и к себе, пока не понял, что сон не придёт. Тогда он встал и решил немного пройтись.

Мрак внутри дома заполнял каждый закоулок, не оставляя ни щели для света. Раньше Фил с таким не сталкивался – Дэтфлейм не умел существовать в темноте. Огонь его тела всегда находил выход, освещая тьму вокруг себя.

Теперь же он шёл вслепую, медленно и сосредоточенно. Пол он читал ступнями, различая неровности и холод дерева. Ладони скользили по стенам, улавливая шероховатости и трещины. Лёгкие порывы сквозняка касались кожи, принося с собой запахи: сырость, старую древесину, плесень и что-то едва уловимо металлическое.

Осязание раскрывалось для него заново. Раньше любое прикосновение обрывалось простыми категориями: оружие в руке, твёрдая поверхность под ногами. Дальше этого он не заходил. Горелая плоть, закованная в магму, не позволяла чувствовать глубже. Теперь же мир заново познавался через тело – не спеша, осторожно, шаг за шагом.

В следующем коридоре стало светлее: лунный свет с трудом пробился сквозь густую крону леса и лёг на пол неровными полосами. Фил остановился у окна и всмотрелся в листву. Та застыла – плотная, неподвижная, и от этого взгляда возникло неприятное чувство: лес не просто находился снаружи, а внимательно смотрел в ответ.

Эта мысль напрягла его. В голове появилось лёгкое покалывание, как отклик на новые, ещё не оформленные эмоции. Он отвернулся от окна и уткнулся взглядом в коридор. Тьма снова сомкнулась.

Фил замер. Почти не двигаясь, он прислушивался, стараясь ощутить пространство и собрать его заново. Редкие полосы света переплетались с тенями, вырисовывая чёрные узоры. Сознание цеплялось за них, складывая разрозненные

линии в цельную картину.

Из тишины донеслись далёкие, низкие стоны, смешанные с бормотанием. Звук был глухим, без направления – он не шёл откуда-то конкретно, а расползался по дому целиком. Фил медленно протянул руку, стараясь нащупать его источник.

– Кто ты? – спросил он у темноты.

Тишина сомкнулась с мраком – и тут же из неё проступило едва различимое бормотание:

– Урк щум, Мэрлон.

Мощный поток огня вырвался из кончиков пальцев Фила и разошёлся по комнате. Тени заметались по стенам и потолку, распадаясь и собираясь вновь. Фил метался взглядом, направляя пламя в разные стороны, пока тьма не сжалась в одном углу.

Из чёрного сгустка вырвался гигантский ворон. Он взмыл вверх, облетел Фила со спины и, проломив окно, исчез снаружи. Разобрать, в какой части леса он скрылся, было невозможно.

Пока Фил всматривался в тьму за окном, дом вспыхнул изнутри. Сухая мебель стала отличной пищей для огня – пламя жадно побежало по комнатам. Запах гари сгустился, свет стал резким, и вскоре из своей комнаты вышел Грэг.

– Ну и что здесь происходит… – он осёкся. – Боги, ты что натворил?

– Нам нужно выбираться отсюда, – сказал Фил, глядя на

устроенный пожар.

– Правда? А я-то думал, так даже уютнее стало.

– Грэг, ты не поверишь. Я выпустил огонь из рук.

– Красавчик, Дэтфлейм. Ты что, грибов объелся?

– Нет. Я не стал Дэтфлеймом. – Фил показал на себя. – Видишь? Одежда цела. Я просто… выпустил огонь из пальцев. Только рукав сгорел.

– О, класс, – одобрительно кивнул Грэг. – А такие открытия обязательно делать в помещении?

– Это вышло случайно. Там… в темноте кто-то был.

Тем временем огонь подбирался всё ближе. Дым стелился под потолком, а жар ощутимо жёг кожу.

– Вот дерьмо, – проворчал Грэг. – Из-за какой-то белки ты нам ночлег угробил. Я уже и не помню, когда в последний раз спал в кровати.

– Я вообще, считай, никогда в ней не спал. И там точно была не белка.

– А может, выйдем? А потом договорим. Один из нас вообще-то может сгореть.

Пока они выбирались из дома, Грэг вполголоса бурчал, не переставая сетовать на сорванный сон и на то, что теперь придётся ночевать на сырой траве вместо постели. Они устроились неподалёку от крыльца и молча наблюдали, как пламя вырывается из окон и постепенно подбирается к крыше.

– Значит, белок боишься? – наконец сказал Грэг.

– Да не белка это была. Ворон.

– Не наговаривай на птиц. Просто скажи, если тебя пугают грызуны. Я тогда буду знать, что не дарить тебе на праздники.

– Грэг, это была не белка. И даже не ворон. – Фил прищурился и помотал головой. – Это была… тьма.

– Понятно, – привычно протянул Грэг. – То есть ничего не понятно. Такие загадки предлагаю приберечь до утра. Ты согласен? Да? Нет? Мне всё равно. Я спать.

Он сложил руки и улёгся, положив на них голову. Фил устроился рядом, повернувшись к нему спиной.

– Ай, ладно, – пробормотал Грэг. – Мне и так плохо спалось в этом доме. Может, так даже лучше.

Засыпать рядом с таким огромным костром было непривычно. Костёр догорал всю ночь, и с рассветом погас последний уголёк.

На долгие сборы у них не осталось ни сил, ни терпения. Проснувшись, они окинули взглядом выгоревшие брусья, вспомнили, что произошло накануне, и без лишних слов убрались прочь. Перекидываясь редкими фразами, они за один присест прошли треть леса и не собирались сбавлять темпа.

– Знаешь, – сказал Грэг, – бытует мнение, что человек может прожить без еды десять циклов. Так вот, к горгульям это не относится. Я жутко голоден и не уверен, сколько ещё продержусь.

Во время побега из Холмграда Грэг успел схватить кожаный мешок с водой, но они опустошили его ещё на рассвете. Теперь к голоду подступала и жажда.

– Я был бы рад и воде. Главное – дотянуть до Острога. Правда, я понятия не имею, в какой он стороне. Вроде бы надо просто выйти из леса, а дальше по полям как-нибудь доберёмся. Так что идём, как шли, – наискосок. Просто идём, ладно?

– Грэг, как скажешь. Я и так иду за тобой.

– А может, пора уже и самому подумать?

– О чём?

– Да ни о чём. Говорю же, я голоден.

Они шли через поля, окрашенные в удивительно насыщенные оттенки зелёного. Ровные гряды тянулись до самого горизонта и действовали почти убаюкивающе – казалось, сам ландшафт усмирял тревогу. Овощи, фрукты, зелень – всё росло симметрично и выверенно. Казалось, здесь всего хватало и ни одному растению не приходилось бороться за лишнюю каплю влаги или горсть удобрений. Эта упорядоченность постепенно успокаивала разум и даже на время отодвигала чувство голода.

Но стоило им наткнуться на первые спелые ягоды и сочные баклажаны, как выдержка закончилась. Они жадно набросились на урожай, наполняя животы сочной мякотью. После еды идти стало легче: шаги сделались увереннее, мысли – светлее, настроение поднялось. Они заговорили: снача-

ла о пустяках, потом о людских народах, о богах, о том, как переплетаются судьбы и история. Слова текли свободно, как ветер над полями.

Всё чаще на дороге им попадались фермеры. Те охотно рассказывали об Остроге: земледельцы были в восторге от своих правителей, не жалели сил и с готовностью работали от рассвета до заката ради процветания города и вечно цветущего края. Они почти не задумывались о том, что происходит за пределами этих полей, считая свою жизнь пределом возможного благополучия – такой, какой она должна остаться и для их потомков. Судя по коротким разговорам и восторженным лицам, этого мнения придерживались все без исключения.

Издали город напоминал вытянутую твердыню: стены тянулись ровной чередой, а над ними высились длинные изящные зубцы. Они затрудняли подъём во время штурма, а промежутки между ними позволяли лучникам вести огонь без перебоя. На подступах к городу никто и не думал проверять путников, и даже убогий наряд Фила не заставил стражу усомниться в его благих намерениях. Встретить горгулью здесь было редкостью, но Острог выдохся от бесконечного потока приезжих, размяк от блаженного уклада и принимал на свои улицы почти кого угодно без лишних вопросов.

Стоило войти внутрь, как лёгкий налёт напыщенности, рождённый строгими стенами, вмиг улетучивался. Изнутри город больше напоминал разросшуюся деревню – с пёстры-

ми базарами, галдящими улицами и бесчисленными забегаловками. Всё вокруг утопало в красках и беспорядочном движении, среди которого всеобщая суета выглядела удивительно уместно. Подобную картину трудно было представить в прочих землях Доэдраса, где чтили чистоту, размеренность и порядок. Единственным сходством с остальными землями были волосы большей части горожан – белые и серебристые, собранные в хвосты, косы и пышные пучки.

– Мне нравится та, вон, светлая, – Фил указал пальцем.

– Та? Нет, не она, – отмахнулся Грэг.

– Тогда давай эту, с цветными побрякушками.

– В ней я тоже был. Не пойдёт.

– Тогда выбирай сам, я нигде не был.

Грэг принюхался, огляделся и вдруг оживился – в голове щёлкнула идея.

– Если в чём-то сомневаешься, Фил, всегда полагайся на своё ухо.

Он указал на трактир, откуда доносилось пение под чёткий ритм.

Вероятно, он и впрямь выбрал лучший из доступных вариантов – это чувствовалось сразу, с первого впечатления. Разносчик встретил их у дверей и, подхваченный волной музыки, проводил к свободному столику. Они сразу влились в общее движение зала. Никто из них прежде не слышал ничего подобного. Интерьер был опрятным, мебель – удобной, ароматы с соседних столов манили, но именно музыка за-

ставляла по-настоящему проникнуться этим местом.

Столы стояли не тесно – каждый мог спокойно есть и слушать, не мешая другим. В углублённой части зала располагалась сцена. Там несколько музыкантов играли на диковинных инструментах – таких даже Грэг никогда прежде не видел, а он редко обходил стороной заведения, где звучала музыка.

Один играл на струнном инструменте, не похожем на гитару. Тот лежал перед музыкантом, а десять натянутых струн тянулись вдоль деревянной рамы, так что мелодия рождалась не из аккордов, а из бегущих по ним пальцев. Звук выходил объёмным и густым.

Основной ритм задавали ударные: три ряда барабанов и резонаторов. Барабанщик работал палочками, ловко вращая кистями; каждый удар отдавался долгим эхом, превращаясь в пульс, прокатывающийся по залу.

Двое других играли на флейте и изогнутой дудке. Они не тянули длинные ноты, а, наоборот, рубили мелодию короткими резкими вбросами, вплетая их в общий такт. Всё это сплеталось в живую, пульсирующую ткань звука – не певучую, а вольную, рваную и притягательную. Музыка не вела за собой – она втягивала внутрь.

Рядом с музыкантами стоял мужчина в чёрных мешковатых штанах и простой широкой рубашке. Ряд застёгнутых пуговиц поднимался к густой аккуратно подстриженной бороде, очерчивавшей рот и подбородок. Коротко острижен-

ные волосы скрывала тёмная панама с широким ровным козырьком, отбрасывавшим тень на лицо. Его черты были спокойны и собраны, а большие выразительные глаза смотрели не столько на людей, сколько сквозь них – туда, где между звуками рождалась музыка. Взгляд охватывал зал целиком и будто вырисовывал атмосферу прямо в воздухе, задавая её очертания всему помещению.

Быстро заказав по две порции фирменных блюд, Грэг и Фил откинулись на мягких стульях, стараясь устроиться как можно удобнее. Шум зала не располагал к разговорам, да и нужды в них не было. После череды ярких и напряжённых событий иногда единственным верным решением становится дать эмоциям улечься, а мыслям – уступить место музыке.

Группа незаметно притянула внимание слушателей, когда мужчина в панаме запел. Сначала он протянул низкий, тягучий звук, словно пробуя воздух на прочность, а затем повёл за собой мелодию. От пробных распевок и разогрева музыканты перешли к законченным песням. Они явно знали своё дело: мелодия сразу выдала волевой характер и собственную историю, а проникновенный текст лишь усиливал её. Было трудно сказать, кто именно кого дополняет – слова или звук, – но их слияние ощущалось так, будто эта музыка давно знакома и уже успела стать близкой по духу.

Ожидание блюд пролетело незаметно. Когда тарелки появились перед ними, они не торопясь приступили к ужину, наслаждаясь едой и всё так же отдавая большую часть вни-

мания дивному творчеству артистов.

– Слушай, а группа отличная, – сказал Грэг, тщательно пережёвывая курицу. – И обрати внимание: певец-то один.

– Вижу. А такое ощущение, что у него не меньше трёх голосов. – Фил заострил внимание на сцене. – И как у него это выходит?

– Талант, – заметил Грэг.

– Не сомневаюсь. Но здесь есть что-то ещё… куда большее.

Не так часто выпадала возможность наблюдать, как Грэг ест без спешки, с редким для него вниманием к каждому куску. Он смаковал еду не от голода, а из чистого удовольствия. Вилка описывала медленный танец между тарелкой и ртом.

Песни рассказывали о переплетениях судеб, пагубных и здоровых пристрастиях, жизненном выборе, умении чувствовать и делиться с миром добром. Именно так можно было описать их восприятие сегодняшнего концерта.

И как бы ни впивались иглами слова Завистливых и незамысловатых, Как бы ни пытались снова сбить тебя с пути, Пронзай эти тучи, расти! Пронзай эти тучи, расти! Могила замыслов заметками, чтобы забыть их. Никто так не научит жить, как череда событий. Промежду прочим, вешал рифмы на гвозди разбитым, Вкрадчиво слог озадачивал слух габаритами. Чертоги разума вопят небрежными шагами, Теряли фокус в дикой круговерти бытия. Сегодня тут, под проливным дождём, горело пламя! Сегодня тут,

под проливным дождём, горел и я! Увенчивая образность сомнительных суждений В самых глухих, постыдных комнатах больной судьбы, Верю, придёт, найдётся вектор чистого творения, Победы необузданных вершин. Мы в мире скорби, всё святое коверкали слухи, И, видимо, да, видимо, нам надо вывозить. И в тот момент, когда земля сырая станет пухом, Мы, видимо, да, видимо, научимся любить.

Услышав песню впервые, трудно уловить каждую её строчку – да и в этом нет нужды. Главное – уловить мотив и позволить вложенному в неё посылу добраться до самых сокровенных уголков сознания.

Наступит день, и ты поймёшь, что нету времени На то, чтобы не договаривать и не доверять Своему искреннему сердцу, и удар по темени Заставит тебя замолчать.

Ну а пока говори мне! Всё, что таится в тебе, молю, говори мне. Ну а пока говори мне! Всё, что грызёт внутри, молю, говори мне.

Приятная вибрация окутывает, мир замирает, и наступает момент откровения: нечто живое и светлое протягивает руку – а следом приходит то, что невозможно описать ни одним языком. Ты понимаешь и видишь всё таким, какое оно есть. Временные рамки тают, вместе с ними растворяются и тревоги. Запреты на сантименты исчезают под тонким лучом настоящего счастья, и на их месте рождается желание разделить это чувство с другими.

Я пламя, которое в сердце твоём Горит и поёт, горит и

поёт, И каждый новый день на небе солнце встаёт И согревает гранулами грусти мой холодный лёд.

– Ты слышишь? Походу, про тебя песня-то, – Грэг повернулся к Филу и похлопал его по груди.

Узнавать себя в строках автора – к этому, несомненно, и стремится любой творец: чтобы в его стихах и песнях находили смысл и черпали ту энергию, которой он хотел поделиться.

Но на этот раз всё было иначе. Горящее ядро в груди отзывалось на эти строки, и Фил не мог не узнать в песне образ Дэтфлейма. Он легонько коснулся себя ладонью и опустил взгляд.

На последней ноте исполнитель поднял ладонь, обозначив окончание песни. Затем он хлопнул музыкантов по плечам, поблагодарив за участие, выпрямился – насколько позволял его стиль, – и поправил панаму. На миг показались его опущенные веки. Он приготовился говорить.

– Друзья. Мужчины и женщины, люди, роккуны, горгулья…

Грэг поднял бокал, одобрительно отозвавшись на своё упоминание.

В голосе певца звучало меньше уверенности и ясности, чем в его песнях. Он говорил ровно, почти монотонно, с едва уловимой нотой стеснительности.

– Я хочу поблагодарить каждого, кто пришёл и остался послушать. И сказать пару слов. У любой композиции есть

вступление, кульминация и завершение – это всем ясно. Но то же самое есть и у любого звука. Даже у самого короткого. Мелодия – это сложный механизм: она меняется вместе с тем, кто её создаёт. Таков и наш мир. Всё зависит от того, как ты на него смотришь и каким хочешь его видеть. Вглядитесь в каждую его деталь – и сделайте её лучше.

– Спасибо всем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.